

Тина Кристи

Лера
хочет
замуж

Впереди вечеринка по случаю ее дня рождения, но... Лера вдруг осознает: она уже такая взрослая, а до сих пор не реализовала себя в жизни. Любимый ушел, карьера не сложилась, жить приходится на съемной квартире. Надев новое платье от Chloe, вооружившись поддержкой двух лучших подружек, неиссякаемым энтузиазмом и принципом just do it, Лера вступает в новый мир. Там ее ждут романтические и страстные мужчины, новая карьера, вечеринки на морском побережье и поиски настоящей любви. Удастся ли героине воплотить свои мечты и получить заветное предложение руки и сердца? Ведь в мире взрослых все так сложно, а мужчины под венец идти ох как не хотят... Но отвага и чувство юмора помогут ей справиться со всем, и в первую очередь с самой собой.

Тина Кристи

Лера хочет замуж

Часть I

1

Девушка с золотыми волосами идет по пресыщенной загадочными незнакомками Оболонской набережной. На ней черное платье за тысячу долларов. На ее безымянном пальце пусто. Но разве ей есть до этого дело?

Взгляды всех проходящих мужчин прикованы к ней. Ее большие карие глаза сияют. Ее пухлые губы приоткрыты.

Глядя на ее изящную спину с осанкой герцогини Кембриджской...

Вдруг я спотыкаюсь и едва не падаю носом на розовую поблескивающую плитку набережной, но вовремя хватаюсь за парапет. Вот уж размечталась! Оказывается, дорогая одежда имеет свойство внушать своей владелице самомнение Перис Хилтон, иначе как объяснить то, что я иду и слагаю о самой себе пятничный пост для выпуска светской хроники?

Выгляжу я сегодня и в самом деле на миллион

— платье от Chloe, дорогие туфли, цепочка с бриллиантовым кулоном, а еще мои золотистые волосы уложены волнами в стиле старого Голливуда, на моем лице — броский макияж в стиле ранней Мадонны, а на руках — алый маникюр в стиле поздней Диты фон Тиз. Почему бы и нет, если есть повод?

И не удивлюсь, если именно сегодня эти столичные снобы сочтут меня владелицей как минимум трехкомнатной квартиры где-нибудь на холмах Печерска, с бело-сиреневой спальней в стиле «прованс», и сотрудницей офиса какой-нибудь престижной международной компании со стеклянными стенами и безлимитной кофемашиной. В мегаполисах ведь встречают по дизайнеру твоей одежды.

Но знали бы они!

Я загадочно улыбаюсь и мечтательно гляжу на залив, пока очередной видный мужчина, идя под руку с юркой тараторящей дамой в красном брючном костюме, изучает мой идеальный профиль. Но вот он уже где-то позади меня, а я продолжаю идти и источать свое обаяние в пустоту.

Кто же я?

Слайд 1. Моё прошлое.

Хорошая, послушная девочка, мечтающая петь и выступать. Закончила экономический в

родном небольшом городке Сумы. Отработала год в крошечной сумской полиграфической фирме. Познакомилась через чат Vuzette с зеленоглазым киевлянином. Переехала в Киев к нему и его родителям. Нашла работу аккаунт-менеджером в столичной шарашкиной конторе. За пять лет сменила 5 мест работы. Специализация — маркетинг и реклама.

Слайд 2. Мое настоящее.

С киевлянином мы расстались. Пару недель назад.

Я собрала свои кипы вещей и укатила в ночь на не желтом такси, по пути глотая злые слезы и раздумывая, куда же податься. Выручила киевская тетя моей сумской лучшей подружки — пустила пожить в свою шикарную квартиру на Оболони. Правда, только на месяц. А сама пока укатила к родственникам в зеленые Карпаты.

Работаю я нынче менеджером по рекламе. Ежедневно тащусь через весь город в обшарпанный офис в серых недрах Лукьяновки. Зарплата... Не смешно.

Слайд 3. Моё будущее.

Я и без магического шара знаю, что через две недели мне придется перебраться в какую-нибудь съемную убогую квартирку на окраине. И очень сильно выкручиваться, чтобы и дальше покупать новые платья. И, может, все-таки начать петь?

Слайд 4. Сегодня.

Сегодня у меня день рождения. Мне исполняется тридцать. Это ужас. Это просто нелепо. Я согласна лишь на 18 с небольшим плюсом. Кто угодно — загляните в мою голову, проверьте меня на опытность, практичность, мудрость и самостоятельность! Zero: Zero: Zero: Zero! Какие тридцать?!

Слайд 5. Планы на вечер.

Пары у меня теперь нет. Зато есть дизайнерское платье, и придут любимые подружки из Сум. Будем отмечать.

2

О нем. Я должна все же рассказать о нем.

Его зовут Леон. ЛЕ-ОН. Как два удара сердца.

Ведь все это было не просто так. Знакомство в чате... Вроде бы, такой бросок на удачу. А потом встреча на зимнем Киевском вокзале. Прогулка в Мариинском парке. Празднование нового года на даче у его друзей. Первый поцелуй в щечку.

А потом сонные поездки в плацкарте из Сум в Киев, из Киева в Сумы. Долгие ночные разговоры по мобильному. Ожидание встречи. Нежные, полные любви выходные. И снова расставание.

Первое признание в любви...

И вот мы вместе, под одной крышей. Дни,

недели, месяцы. Годы. Ссоры и примирения.

Все как у всех, наверное.

И постепенное угасание пылкости. Появление упреков. Игра в молчанку.

А потом несколько обид, одна за другой. И два неосторожных слова. Моих.

— Я уйду!

И его.

— Ну, вперед!

Сказано это было в сердцах, я знаю. Но ведь мы прожили вместе пять лет. Пять лет! И вот так взять и разойтись...

Да, ушла именно я. Но он даже не попытался меня вернуть. И даже ни разу с тех пор не позвонил. Словно только того и ждал, когда же я, наконец, освобожу свою половинку шкафа.

Прошло уже две недели с тех пор, как мы расстались. А я все еще иногда сижу и плачу, глядя на равнодушно молчащий телефон.

3

Все. О грустном достаточно. Ненавижу грустить.

4

Я все еще эффектно иду по Оболонской

набережной, направляясь к ресторану, где, собственно, и состоится празднование моего круглейшего юбилея. Развлекаюсь тем, что принимаю равнодушный вид при виде каждого маломальски симпатичного мужчины. А еще вспоминаю, что я делала сегодня утром.

5

А вы занимаетесь этим?

Обычно свои желания я записываю перед новым годом. Но в 30-й день рождения можно сделать исключение и дополнительный раз попытаться взяться за ум. Ведь говорят же — записывайте свои желания, и тогда они сбудутся.

Хочу замуж! — написала я под номером один в новеньком чистом блокноте с рифленой серебряной обложкой.

Да, хочу. Уже пять лет хочу. И пышное платье, как у принцессы. И двухэтажный торт. И свадебный танец в вихре из лепестков роз.

И Леона в качестве жениха — мелькнуло у меня в мыслях прежде, чем я успела это себе запретить.

Еще я решила, что хочу новую работу.

Я уже давно прихожу в офис в девять утра понедельника только затем, чтобы поскорее дожидаться шести вечера пятницы. И это в век

неограниченных возможностей для самореализации в любой сфере! Чего же я жду? На что надеюсь? Что хорошая работа сама на меня свалится?

Нужно срочно будить себя от спячки и ковать свое будущее. Искать, спрашивать, узнавать и найти, наконец, интересное творческое занятие. И чтобы мне за него еще и хорошо платили.

Под цифрой 3 я сообщила вселенной, что жажду отправиться на морское побережье. Правда, зря старалась — этот вопрос уже решен. Билеты на поезд до Симферополя для меня и моих подружек давно куплены и ждут своего часа.

Море, я скоро увижу тебя! И окунусь в прохладную искрящуюся воду со стайками рыбок... Ах!

Но перед поездкой на курорт придется заняться поиском жилья. И это — пункт четыре.

Четыре пункта — четыре желания — четыре цели. Как их называть — не столь важно. Главное — сфокусироваться и осуществить.

Отвлечшись от стратегических размышлений, я останавливаюсь в пяти шагах от входа в ресторан. Смотрю на время. Мои любимые подружки уже должны быть внутри.

Сейчас я войду, и они упадут в обморок от

логотипа на этикетке моего платья.

Об этом платье стоит сказать отдельно. Это мой главный подарок самой себе на тридцатилетие. Оно черное, с серебристым отливом. Ткань бархатистая и шелковистая одновременно. Плечи и спина открыты, декольте скромное, но с маленькой игривой выемкой в форме тюльпана. Длина — в пол, и есть даже недлинный прозрачный шлейф.

Это платье дорого стоит, и дорого выглядит. Из одежды это моя самая дорогая покупка — пришлось выложить почти тысячу долларов. Для меня это не шутки, я откладывала деньги несколько месяцев.

— Смотри, это Chloe! Обалдеть! — слышу я шепот проходящих мимо женщин в коралловых летних свитерах. Само собой, они выгуливают интерьерных собачек. Оболонские снобы.

С победным видом иду к двери ресторана, чувствуя, как позади развеивается шлейф. Держу спину прямо, величественно подняв подбородок.

Оглядываюсь, чувствуя чей-то пристальный взгляд. Симпатичный мужчина, гуляющий со своей дамой, глядит в мою сторону жгучими карими глазами. Посылаю ему воздушный поцелуй.

— Пусть теперь благоверная скажет тебе пару ласковых слов. — с усмешкой бормочу я и отворяю дверь. И тут же забываю обо всем.

Есть просто рестораны, в которые изредка заходишь посидеть с друзьями и коллегами. А есть Рестораны с большой буквы, куда такие простые смертные, как я и мои подружки, ходим раз-два в десятилетие. Даже по меркам столицы здесь все очень дорого. Но язык не поворачивается возмутиться. Фасад, интерьер, обслуживание, кухня, и даже аура здесь — просто безупречны и восхитительны. Безоговорочный высший класс. И треть моей зарплаты за скромный ужин без учета бокала вина. Но раз в десять, а тем более в тридцать лет такую роскошь себе позволить можно.

В холле ресторана журчат водопады. На альпийских горках зимнего сада россыпи кремовых цветов и невысокие зеленые деревца. Синий полупрозрачный пол натерт до блеска и напоминает реку, в нем можно увидеть свое отражение. А вместо потолка над головой — мерцающее звездное небо.

Гляжу на все это великолепие с открытым ртом, но, миновав холл, у арки, украшающей вход в зал ресторана беру себя в руки и принимаю невозмутимый вид. Метрдотель приветствует меня и предлагает провести к столику.

Вхожу в зал. Здесь всюду фонтаны, камни и орхидеи — черные и бледно-розовые. В

хрустальных нишах среди камней и цветов стоят прозрачные столики. На каждом в специальном углублении, словно в невесомости, парит белая орхидея.

Я поражена. Создает же кто-то такую красоту! Как? Как они это делают? Как жаль, что я не художница и не дизайнер интерьера. Эти люди творят волшебство наяву.

Лишь спустя минуту пребывания во всей этой хрустально-цветочной невесомости, замечаю подруг. Они уже ждут меня за нашим столиком, как и было условлено. Улыбаюсь и иду к ним. Отлично, наш столик — у огромного окна с видом на людную набережную. Нас с улицы обязательно увидят прохожие. Есть шанс почувствовать себя верхушкой общества.

Я наслаждаюсь каждым своим шагом по блестящему полу. Мои любимые сумские подружки Алиса и Милана замерли в изящных позах. По их лицам вижу, что они бы сейчас с радостью бросились ко мне с поздравлениями, но царящая здесь атмосфера аристократической сдержанности вынуждает вести себя соответствующим образом. Потому девчонки остаются на своих местах. Я тоже шествую к столику очень важно, не спеша, а дойдя, наклоняюсь и чинно целую подруг в обе щеки, не касаясь губами.

— Лерочка, поздравляю! — все же, не

выдержав, провозглашает Алиса, миниатюрная красавица с идеальной фигуркой и длинными светлыми волосами. У нее большие глаза чайного цвета, глядящие из-под густых ресниц, изящный нос горбинкой и небольшие губы. Одевается она всегда в стиле Коко Шанель — слишком элегантно для своей кукольной внешности. На мои советы надеть розовые лосины, белый топ и ботильоны с шипами Алиса всегда морщится. Ее конек — свободные платья, скрывающие фигуру, приталенные пиджаки и классические туфли на шпильке. И никакой бижутерии — только золото. Сейчас на ней тоже сияют золотые украшения. Одета она в белое атласное платье, неброское и элегантное, с шифоновым цветком-брошью на левом плече.

Алиса очень нравится мужчинам, характер у нее мягкий, а ум — практичный. Я уверена, что когда-нибудь она станет любящей женой олигарха, идеальной мамой и умелой хозяйкой огромного дома.

— С днем рождения, красотка! — добавляет Милана, моя лучшая подруга еще с времен школы. Гордость Миланы — ее роскошная грива медных волос, которые вьются от природы. Лицо ее необычное, треугольной формы. Тонкий нос придает ему изящества, а округлые брови — сходства с какой-то мультяшной героиней. Милана

всегда может выслушать, эту ее черту я ценю превыше всего. Она отлично разбирается в технологиях и цифрах. Работает финансистом в банке. Характер у Милаши неоднозначный. Она мягкая и женственная, но иногда выпускает коготки. Бывает, мы поддеваем друг дружку. Но за пятнадцать лет столько пережили, что на нашу дружбу ничто не влияет.

Сегодня Милана неподражаема. Она научилась укладывать свои волосы аккуратными локонами с помощью геля, и теперь у нее прическа, как у принцессы. На ней изумрудное платье в обтяжку, заказанное из Англии. Милана уже давно перешла на интернет-покупки и обзавелась отличным гардеробом за смешные по меркам столицы деньги.

— Спасибо, мои хорошие! — отвечаю я на бурный поток поздравлений и пожеланий и усаживаюсь на мягкий удобный стул с перламутровой бархатистой обивкой. Лучший стул, на котором я когда-либо сидела.

— Вы прямо как эльфийская принцесса Галадриэль и Бель из «Красавицы и чудовища». — говорю я.

— Ну, мы же старались, чтобы тебе понравиться. — восклицает Алиса и аккуратно поправляет свои светлые волосы. — Зато ты — как Мерилин Монро.

— Серьезно? — довольно мурлычу я. — Вот бы мне еще и успех у мужчин такой же.

Стол богато сервирован. Огромные прозрачные бокалы для воды и вина, сверкающие серебряные столовые приборы, белые фарфоровые тарелки и накрахмаленные белоснежные салфетки. Роскошь в чистом виде. Я глубоко вдыхаю, словно стараясь наполнить легкие всей этой дорогой красотой.

— Ну что, ladies, мы все-таки это сделали! — восклицаю я. — Пришли в шикарный ресторан в шикарных нарядах, как и планировали еще год назад.

— Хоть одна радость от этой даты, — причитает Алиса, которой тридцать стукнуло еще в прошлом месяце.

— Не только. — говорю я. — Во-первых, на тридцать никто из нас не выглядит. И это при том, что мы особенно ничего для этого не делаем, по спа-салонам и фитнес-клубам не ходим.

— А я бы походила, — вставляет Алиса. — Если бы кто-то это оплатил, — она обводит взглядом зал, явно в поиске перспективных женихов. Но на горизонте пока пусто.

— И еще, — продолжаю я. — Мне удалось отыскать в тридцатилетии даже некоторую прелесть.

— А вот это что-то новенькое! —

воодушевленно и, пожалуй, слишком громко восклицает Милана. Мы все дружно тушуемся и смотрим по сторонам.

— Да-да, — продолжаю я, стараясь держать осанку, как дама в шляпке с вуалеткой за столиком у противоположной стены. — Но об этом — позже. Я жажду послушать ваш поздравительный тост.

Мы берем по бокалу с аперитивом — комплиментом от ресторана. Это розовое шампанское.

— Да, Лер, мы тут подготовились. — Алиса улыбается. Переглянувшись, они с Миланой хором, уже не обращая внимания на других посетителей ресторана, декламируют:

— Что пожелать тебе — не знаем, ты только начинаешь жить. От всей души тебе желаем с хорошим мальчиком дружить. — И заливаются смехом. Я тоже улыбаюсь, скрывая грусть. Хорошего мальчика у меня теперь нет.

— А вот это — наш скромный подарок, — Алиса тонкой рукой с красивым маникюром протягивает мне небольшой золотистый пакет. На вес он очень уж легкий. Заинтригованная, я раскрываю его и вижу бумажный листок. Вынимаю. В глаза бросается надпись — «Подарочный сертификат». Под ней витиеватым шрифтом напечатано мое имя и текст. Я читаю его, поднимаю глаза на подруг, потом снова

перечитываю и, наконец, вскакиваю в порыве чувств.

— Девчонки! Вы что? Вы с ума посходили? — восклицаю я, а в моих глазах уже блестят слезы. Что может восхитить, и одновременно ранить сильнее, чем мечта, поданная на блюдечке с голубой каемочкой?

Да, мечта. У меня в руках сертификат на запись песни в студии, включая создание аранжировки, сведение и мастеринг.

— Это же стоит баснословно дорого! — причитаю я.

— Лер, Лер, ты что, тушь потечет! — Алиса тут же передает мне салфетку.

— Лера, нам еще фотографироваться! — взывает Милана. — Ну что это будут за фотографии с красными глазами?!

А я все не могу прийти в себя. Ну и подруги! Ну и подарок!

— Девчонки, вы же просто... Просто исполнили мою мечту всей моей жизни! — лепечу я дрожащим голосом. — Где же вы денег насобирали?

— Раз в тридцать лет можно позволить. — покровительственным тоном говорит Милана. Она явно подготовила эту фразу заранее. Алиса согласно кивает.

— Спасибо. — шепчу я, бережно сжимая в

руке драгоценную бумагу. — Какой же, выходит, дорогой у меня юбилей! Платье от Chloe, — подружки присвистывают, — ужин в одном из самых дорогих ресторанов Киева. А теперь еще и такой подарок! — я снова смотрю на сертификат, и вдруг с моих губ срывается:

— Хотя о сцене мне, наверное, мечтать уже поздно. Все таки мне уже тридцать лет.

— Давайте не будем о грустном. — тут же прерывает Алиса. — Сегодня все для тебя, и надо верить в то, что все получится.

Я снова всхлипываю, но слезы удается сдержать.

— Я счастлива! Что я еще могу сказать? Спасибо, девчонки! Вы — лучшие! И такие красивые!

Я тянусь к подругам через столик и обнимаю их. На нас тут же бросают высокомерные взгляды дамы в шляпках с вуалетками за соседним столиком, похожие на двух ворон. Чувствую еще чей-то пристальный взгляд. Поднимаю глаза. Рядом стоит официант. Видимо, он уже давно подошел, а мы и не заметили. Улыбаюсь ему с извиняющимся видом. Но парень знаком показывает, что все нормально. На его симпатичном, благородном округлом лице в обрамлении модной нынче короткой бородки появляется доброжелательная улыбка.

— Здравствуйте, — говорит он. — Не хотел вас отвлекать. У вас, насколько мне известно, торжество?

Милана важно подтверждает эту информацию. Официант тут же сдержанно меня поздравляет и раздает нам меню. Подруги не спешат его отпустить, забрасывая вопросами. Молодой человек явно им приглянулся.

— А что такое каперсы? — мило спрашивает Милана.

— Это маринованные цветочные бутоны, либо сладкие плоды, по вкусу похожие на арбуз, если говорить кратко. — учтиво объясняет парень бархатистым голосом. Вижу, подруги мои просто тают.

Наконец, заказ сделан. Три порции подкопченной утки с микссалатом и клубникой и три десерта. Я выбрала лавандовую паннакоту. Никогда такого изыска не пробовала. Милана предпочла пирожное с кофейным кремом, Алиса заказала мятное мороженое.

А вот с выбором напитков у нас происходит заминка. Не можем же мы признаться такому симпатичному официанту, что совершенно не разбираемся в винах по сто баксов за бутылку.

Делаю вид, что изучаю винную карту. Хотя смотрю, в основном, на цены. Они просто заоблачные.

— Может быть, устроим небольшую дегустацию? В честь праздника, — вдруг предлагает официант. — Вы сможете выбрать вино на свой вкус.

Мы с подругами переглядываемся.

— Это бесплатно, — уточняет официант, словно прочитав наши мысли.

— Тогда мы согласны, — улыбаюсь я.

Через минуту к нашему столику подкатывают изящную кованную тележку с бутылками и бокалами. Пока официант наливает небольшие порции вина в бокалы, подошедший с ним сомелье рассказывает о букете, выдержке и даже об истории создания каждого напитка. Мы с девчонками заморожено слушаем. Потом приступаем к дегустации. Вкус каждого из пяти представленных вин просто идеален. То сладкий, то терпкий, то нежный с легкой кислинкой. Чувствуя себя настоящими аристократками, разглядываем рубиновую жидкость на свет, вдыхаем аромат, прислушиваемся ко вкусу.

— Девушки из высшего общества, — с упоением вздыхаю я про себя. — Почаще бы так!

Вокруг нашего столика воцаряется атмосфера настоящего праздника. Сомелье, кажется, очень старается поразить Милану, даром, что ему явно за сорок, а на голове проплешины. Алиса строит глазки официанту, который мило ей улыбается. Я

перекатываю во рту вино, и понимаю, что все, что я пила раньше, не идет с ним ни в какое сравнение.

В конце концов мы готовы сделать выбор.

— Шабли 83-го. — уверенно говорю я. Сомелье восхищается моим выбором и удаляется, напоследок что-то шепнув Милане. Официант увозит тележку, перед этим загадочно взглянув на Алису, чем приводит ее в полный восторг.

— И на сколько мы гуляем? — спрашивает Милана тихо, как только оба мужчины удаляются.

— Шестьсот гривен за три бокала. Мелочи. — усмехаюсь я. И в самом деле, всего лишь моя зарплата за три дня. — Главное, оно того действительно стоит.

Ужин проходит превосходно. Салат с уткой — блюдо для настоящих гурманов. Сочетание мяса с клубникой восхитительно. Вино — просто непревзойденное. Красивая сервировка, роскошная еда и дорогое вино — все безупречно. Еще и обслуживание отличное. Отмечаю про себя, что нужно будет дать официанту щедрые чаевые.

— Кажется, я успела напиться, пока мы дегустировали, — смеется Алиса.

Милане тоже весело.

— Девочки, а вам не кажется, что пора, наконец, выпить за именинницу! — восклицает она.

И правда, увлекшись вкусной уткой, мы позабыли обо всем.

— Пусть все любят меня, а там разберемся.

Милана заново поднимает вверх бокал и торжественно произносит:

— Пусть все тебя любят! А ты люби только того, кто этого достоин.

— Прекрасный тост! — улыбаюсь я. Наши бокалы звонко чокаются.

Дальше Милана решает устроить фотосессию. Сетует, что забыла сфотографировать утку. Алиса ее успокаивает — она сразу же запечатлела салат на свой айфон. Милана задета в лучших чувствах — ведь это она наш главный фотограф — и, кажется, готова заново заказать утку, только чтобы сделать ценные кадры. Но вместо этого со всем пылом приступает к съемкам всего, что находится в зоне досягаемости. Кружит с фотоаппаратом, только и слышно — щелк-щелк.

— Кажется, наша фотосессия уже сделала нас звездами. На нас все смотрят. — говорю я тихо, прикрываясь бокалом с вином.

— Ну и пусть. Вечер только начинается. — заявляет Милана с многообещающей улыбкой.

— Девчонки, правда же, классно? — говорит Алиса и изящно берет в руку бокал. — Мы втроем, в роскошных платьях, сидим в роскошном ресторане. Вот бы всегда так.

— Даже не знаю. — говорю я, еще раз глянув по сторонам. — Раз в год — это захватывающе. Но

каждый день? — я почти перехожу на шепот. — Посмотрите, какие вытянутые у всех лица. У всех вокруг. Что-то я не вижу удовольствия ни на одном.

Мой взгляд задерживается на паре, сидящей за соседним столиком. Крупный престарелый мужчина и молодая изящная женщина. Выглядят, как отец и дочь. Перед ними на серебряном подносе устрицы. Я видела в меню, сколько они стоят. Даже моей недельной зарплаты не хватит на приличную порцию. Мужчина чем-то недоволен, бросает взгляды по сторонам, на спутницу не обращает внимания. Женщина смотрит в окно. Устрицы стоят нетронутыми.

— Вон, — едва заметно киваю в их сторону, — даже устрицы им не в радость.

— Богатые тоже плачут. — протягивает Алиса.

— Все плачут. — пожимаю я плечами. — Но нам, простым смертным, кажется, легче получить удовольствие, чем этим избалованным богачам... — Я смотрю на свой десерт. — Смотрите, лавандовая паннакота! — беру небольшую серебряную ложечку и погружаю ее в десерт. Потом пробую на вкус и закатываю глаза от удовольствия. — Божественно. И заметьте — всего ложка, и я счастлива!

Подруги смеются. Пробуют и свои десерты.

— Ооо, ммм, идеальный вкус! — стонет

Милана.

— Девочки, я уже согласна потратить еще одну зарплату, чтобы тут еще и позавтракать. — восклицаю я.

— Лера, а какую ты прелесть нашла в тридцатилетии? Ты обещала рассказать. — напоминает Алиса, смакуя мятное мороженое, украшенное цветами фиалок.

— Ах, да, есть у меня кое-какие соображения. Сейчас расскажу. — я прихорашиваюсь, поправляю платье, готовясь выступить с речью. — Итак — всем нам уже по тридцать лет. Что в этом хорошего? — Я загадочно смотрю на подруг, выдерживаю паузу.

— Ничего, — протягивает с грустной усмешкой Алиса.

— Во всем можно найти плюсы. — возражаю я. — Да, мы все к тридцати годам хотели иметь семью, детей, квартиру-машину-дачу и хорошую работу. Но не сложилось.

Подруги кивают, вздыхают с горечью.

Я продолжаю:

— У нас нет ни квартир, ни машин, ни приличных мужей. Нет даже женихов. Все вокруг твердят, что пора рожать, иначе будет поздно. Такое чувство, будто тридцатилетие — это приговор или конец света.

— И не говори. — мрачно соглашается

Милана.

— Так вот, — торжественно заявляю я. — Если взглянуть на тридцатилетие немного под другим углом, оно может показаться не таким ужасным.

— Ну же, не тяни! — не выдерживает Алиса, теребя цветок на плече.

— Хорошо. — говорю я и поднимаю бокал. — Девушки, поздравляю вас с новым совершеннолетием!

7

По залу разливается мелодичная музыка.

— Вот только подумайте сами! — продолжаю я развивать свою мысль после того, как мы делаем по глотку вина. — До тридцати мы постоянно чем-то заняты. Учеба в школе, потом в университете. Первая работа, первая любовь. И первое, и второе требуют огромного количества переживаний, эмоций. Мы получаем жизненный опыт. Мало кому везет сразу начать карьеру именно в той сфере, к которой душа лежит. У меня, например, так не получилось. Кем я только не работала, вы же знаете. И только сейчас, в тридцать лет, поняла, чего я, собственно, хочу. Но я бы этого не поняла без всего прожитого за прошлые годы. То же касается и личной жизни. С первого раза почти

никому не везет. Мы встречаемся с разными людьми, делаем выводы и к тридцати годам уже точно знаем, какого спутника для себя ищем. О чем все это говорит?

— О чем? — нерешительно спрашивает Алиса.

— Да о том, что в тридцать у нас наступает настоящее совершеннолетие. Золотое время. Когда мы уже точно знаем, чего хотим от жизни и людей, и полны сил, чтобы достичь всего, чего пожелаем. И мы уже не должны ни перед кем отчитываться. Только перед собой.

На лицах подруг расцветают улыбки.

— А в этом что-то есть, — кивает Милана.

— Продолжай, — требует Алиса.

— В общем, девочки, я считаю, что тридцатилетие — отличный повод для нового старта. Мы многое пережили, сделали выводы, определились с желаниями. Время начинать новую жизнь. Осознанную, активную, интересную. У нас все впереди и все только начинается. Главное — поставить себе новые цели и новую планку.

Я снова принимаюсь за десерт, пока подруги переваривают информацию. Кажется, они воодушевились.

Милана, погрузившись в мысли, ковыряет вилкой свой торт, потом поднимает глаза.

— То есть ты имеешь в виду, что даже в таком

возрасте можно круто изменить жизнь? — спрашивает она с надеждой.

— Да. — без тени сомнения говорю я. — Вот чего ты хочешь, но считаешь, что не можешь себе позволить?

Покручивая прядь медных волос, подруга произносит.

— Вы прекрасно знаете, чего я хочу. Все это уже давно знают.

Я киваю.

— Да, ты хочешь переехать в столицу. Но уже шесть лет подряд находишь горы причин, почему не можешь этого сделать. То работу жаль терять, то кредит висит, то какие-то хиленькие отношения держат.

Милана молчит, но, кажется, готова возразить. Я продолжаю с напором.

— Тебе тридцать лет! Твои оправдания уже никому не нужны. Ты просто решаешь, делать, или нет. — я наклоняюсь вперед. — Если ты этого правда хочешь — рискни! Возьми и рвани в столицу. Найди работу, сними квартиру. Например, со мной напополам. И посмотри, что будет. Это так просто! Когда же еще это делать, если не теперь?

Милана отводит взгляд. Я ее знаю. Знаю, что с губ ее готовы сорваться годами накопленные возражения и оправдания своему бездействию. Такой уж она человек. Кому-то перемены даются

легко. Но Миланка не из таких.

Я примирительно поднимаю руки.

— Я лишь хочу сказать, что мы, тридцатилетние, можем творить со своей жизнью все, что захотим. Развлекаться на полную. Исполнять свои мечты. Свои мечты! Не родителей, не навязанные стереотипами. А свои. Начинать с нуля и двигаться туда, куда нам надо. И у нас для этого еще вполне достаточно времени. Вот в чем суть. Вот в чем прелесть тридцатилетия, — заключаю я с вдохновением.

Вижу, что Милана уже улыбается, а Алиса качает головой.

— Лера, тебе нужно организовать движение и идти в политики. — говорит моя белокурая подружка, так напоминающая мне маленькую фею Тинкербел из мультфильма о Питере Пене.

— Да уж, — хмыкаю я. — Только для начала неплохо бы самой воплотить все, что я так здорово расписала.

Бросаю взгляд в окно. На улице уже стемнело, пока мы здесь пировали. На набережной зажглись фонари. В их бледно-розовом свете блестит выложенная плиткой дорога. По-праздничному красиво.

— Ну что, вдохновились на великие дела после моей пламенной речи? — спрашиваю я с улыбкой, снова взглянув на подруг. Обе сидят

задумчивые. Даже о десертах своих позабыли. Резко начинаю чувствовать легкую сонливость. Это от вина. Так всегда, как только выпью алкоголя. Сначала чувствую веселье и готовность свернуть горы, а через несколько минут уже хочется откланяться и нырнуть в постель.

— Вообще-то да. — все еще вся в своих мыслях, отзывается Милана.

— Да, Лер. Просто настолько это тяжело... Все вокруг уже замуж повыходили. — скорбно замечает Алиса.

— Ооо, ну вот, опять — замуж. Ты меня хоть слушала, Алис? — я поправляю свои золотые локоны. — Дело же не в замужестве. Ну, не только в нем, по крайней мере. Вот у тебя есть мечта?

— Есть.

— Какая?

— Выйти замуж!

Мы втроем прыскаем со смеху. Потом снова беремся за десерты и не отрываемся от них, пока вазочки не пустеют.

Я окидываю взглядом ресторан. Пара, не тронувшая устрицы, уже исчезла. Дама в шляпке тоже. Кроме нас, осталось всего четверо посетителей. Две разодетые дамы бальзаковского возраста в платьях от Chanel и пожилая супружеская чета.

— Девчонки, думаю, хватит нам тут уже

сидеть. Оценить нашу красоту все равно некому. — говорю я.

— Согласна. — Милана тут же достает зеркальце и подкрашивает губы.

— Да, девочки. Я-то думала, мы в таком ресторане обязательно с кем-то познакомимся. — протягивает разочарованно Алиса. Даже симпатичный официант ее уже не интересуется. Она безучастно машет, чтобы тот принес счет.

— Так что, Лер, какие дальше планы? Как для начала новой жизни? — говорит она с улыбкой.

— Для начала нужно посетить дамскую комнату. — усмехаюсь я. Приподнимаюсь и едва не вскрикиваю. Ноги отекли после долгого сидения, в новых туфлях теперь больно даже стоять, не то, что идти. — Кажется, танцы на сегодня отменяются. Я почти не могу ходить.

— Да в наших нарядах особенно и не потанцуешь. — замечает Алиса. — Но, все-таки, что будем делать?

У меня тут же появляется идея.

— Давайте устроим пижамную вечеринку! Как в сериале «Сплетница». Поболтаем, посплетничаем по-домашнему, в красивых халатиках.

— Супер! Поддерживаю! — восклицает Милана, подкрашивая губы. — Я так зарядилась твоей идеей нового старта, что сейчас не до

дискотек. Хочется на эту тему подумать. Только давайте купим чего-нибудь к чаю.

8

Мы оставляем щедрые чаевые и идем через сверкающий холл на улицу. Свежий воздух тут же прогоняет мою сонливость.

— Слушайте, ну мы разделись, просидели в полупустом ресторане, — посмеивается Алиса. — А теперь сразу идем домой. Обидно. И так и не встретили мы никого, похожего на принца.

— Мадмуазель, пора уже забыть о принцах и думать о том, как найти реального мужчину. — говорю я.

— Вот и тема для ночных разговоров нарисовалась, — замечает Милана.

Мы втроем подходим к парапету, за которым внизу текут темные воды величественного Днепра. Поверхность реки поблескивает, но плеска не слышно. Лишь мельтешит отражение фонарей на зеркальной глади.

— Интересно, что с нами будет через десять лет? — говорю я едва слышно.

— У всех у нас будут семьи, дети. — тут же отзывается Алиса. Но голос у нее грустный. Как будто она сама не верит в то, что говорит.

— Может, мы вообще будем жить в других

странах. — предполагает Миланка. Но и в ее голосе веры в светлое будущее мало.

Видно, плохой из меня спикер. Моя ободряющая речь о лучших сторонах тридцатилетия не возымела никакого действия.

Придется помимо сладостей купить еще вина. И побольше.

— Девочки, что за меланхолия? У меня, между прочим, день рождения! — бойко говорю я. — Милана, где фотоаппарат? Я что, зря платье покупала? Алиса, придумай мне интересную позу, чтобы фото получилось эксклюзивным и необычным. — раздаю я команды, и в нашей маленькой компании наступает оживление.

После веселой фотосессии и приятной прогулки по Оболонской набережной мы добираемся до продуктового магазина рядом с домом Миланкиной тети. Ночь только начинается, нужно закупить сладостей и выбрать бутылочку хорошего вина. А лучше две.

Я иду вдоль стеллажей, рассматривая этикетки на бутылках. Вдруг резко останавливаюсь и пячусь назад, прячусь за стойку с шоколадками. Пульс мгновенно ускоряется в два раза.

Не увидел? Кажется, нет.

Я не в силах пошевелится. Словно окаменела. Это же действительно был Леон? Мы чуть не столкнулись нос к носу. Ох, ну зачем я спряталась?

Пусть бы он увидел меня такой красивой. Может, тогда бы...

— Лер, ты выбрала вино? — окликает меня Алиса.

Сердце екает. Вдруг он услышал мое имя?

Я смотрю на ряды бутылок и ничего не могу разобрать в надписях на этикетках. В голове всего один вопрос: заметил Леон меня, или нет?

— Выберите сами. — говорю я. — А я пойду за шоколадом.

Выглядываю из-за стеллажей, просматриваю очереди у касс. Леона нигде не видно. Не привиделся ли он мне?

Мы с девчонками делаем покупки, выходим из магазина и направляемся к дому. И все это время я повсюду высматриваю Леона. Еще долго мое сердце гулко бьется от одной мысли, что мой бывший возлюбленный был совсем рядом.

9

Обожаю такие вечера. Мы с подружками в сборе, впереди — вся ночь, а потом еще два выходных дня. Никуда не надо спешить и никому не надо рано вставать. У нас есть огромная кровать, чтобы лежать, рассматривать журналы, обсуждать моду, шоу-бизнес, и, конечно же, мужчин. А у кровати на столике пирожные, шоколад и

неизменное «Рафаэлло». Вместо вина мы купили розовое шампанское. В общем, как говорится, красиво жить не запретишь.

Как только мы с Миланой и Алисой заходим в квартиру, первым делом устраиваем фотосессию на фоне ночного города. В роскошной спальне Анны Васильевны с перламутровыми обоями окно во всю стену, а за ним — вечерний проспект в огнях фонарей и машин. Кадры должны получиться что надо, и, кстати, мне давно пора сменить аватар на моей страничке в facebook.

— Лера, сфотографируй меня с рафаэлло. Как будто я кусаю. — говорит Алиса и изгибается всем телом, стараясь выглядеть ужасно соблазнительно.

— Повернись, чтобы был виден цветок на плече. Да. А теперь выгни спину сильнее. Еще сильнее. Ну что ты, как деревянная!

Мы смеемся, фотографии получаются очень креативными.

— Супер. Выложу в контакте, — говорит Алиса и звучно падает на мягкую кровать с кованой спинкой. — Пусть видят, как нам весело живется, незамужним тридцатилетним девочкам.

После плодотворной фотосессии мы, наконец, снимаем наши эксклюзивные наряды, смываем макияж и надеваем милые халатики. Уютно устраиваемся с пирожными на белом атласном покрывале кровати.

— Девчонки, вот и стоит иногда вот так сойти с ума, потратить целую кучу денег на выход в свет, чтобы потом прийти домой, попить чаю с чем-то вкусненьким, посмотреть хороший фильм и понять — что это самое лучшее времяпровождение. — мечтательно говорит Милана.

— Это точно! — соглашаюсь я. — Ну а наряды, на которые мы потратились, думаю, не пропадут. Будет, в чем покрасоваться, когда появится повод. Например, надеть на то самое свидание. Ну, после которого предполагается романтическая ночь.

Переглянувшись, мы с подружками вздыхаем и отправляем в рот по рафаэлке.

— Ммм, как же вкусно! И по-моему, ничуть не хуже десерта в ресторане. А стоит раз в пять дешевле. — лепечу я, раскусывая покрытый кремом миндальный орешек.

— Ну, по крайней мере, девочки, мы отпраздновали юбилей в шикарном ресторане, как мы того и хотели. Только я думала, что в таких местах полно роскошных мужчин, а не увидела ни одного. — жалуется Алиса, аккуратно откусывая творожный бисквит.

— Думаю, нам просто не повезло. — говорю я и отправляюсь к стеклянному журнальному столику налить шампанского. На ходу бросаю взгляд в зеркало. На мне неплохо смотрится серебристый

короткий халатик из парчи, украшенный розовыми орхидеями. Хотя все-таки не мешает еще немного похудеть.

— Мне вообще интересно, где водятся действительно интересные мужчины? Ведь они же есть? Где-то же они обитают?

Я даю девчонкам по бокалу. Мы чокаемся — за день рождения — и выпиваем.

— Хорошее шампанское. И совсем не хуже, чем вино за пол моей зарплаты, — изрекает Миланка.

— Да, девчонки. Дорогие рестораны — это развод на деньги. — подхватывает Алиса. — Дома вообще все можно в сто раз дешевле и вкуснее приготовить.

Мы смеемся.

— Вот там они и сидят. — говорит Милана, улегшись на живот и подперев руками подбородок. — Дома. Всех интересных мужчин давно разобрали, и сидят они по домам с женами и детьми. Или ездят на рыбалку или на футбол с друзьями.

По очереди вздыхаем по этому поводу. Я смотрю на часы, включаю телевизор. Сейчас должно начаться мое любимое шоу талантов «Танцуют все». Пока идет реклама, ставлю на беззвучный режим.

— Ну хорошо. А неженатые? — отзывается

Алиса, кутаясь в свой кремовый кружевной халатик. — Они же есть и все равно где-то проводят время!

— Наверное, тоже сидят по домам, смотрят телевизор. — предполагаю я. — Хотя, погодите-ка! Ведь 21 век на дворе. В игры на компьютере играют. И параллельно на сайтах знакомств приключений ищут.

Алиса морщится.

— Я думаю, нормальный мужчина не будет искать свою половинку через эти сайты. — говорит она. — По крайней мере, за столько лет общения в сети я не встретила там ни одного, кто реально собирался бы завести семью. Просто ищут, с кем отдохнуть вечер-другой и все.

Я наливаю новую порцию розового шампанского, распечатываю шоколадку с изюмом, подаю это все подругам.

— Девочки, честно, была бы я мужчиной, я бы на вас обеих женилась. — сообщаю я. — Вы же такие хорошие. — Я привстаю на коленях на кровати, поднимаю бокал, в котором мягко мерцает розовая жидкость. — Предлагаю тост! За неженатых, хороших мужчин, которые все-таки есть. И которые тоже нас ищут.

— И за то, чтобы они поскорее нам встретились. — подхватывает Милана с воодушевлением. Мы выпиваем шампанское, берем

по кусочку шоколадки.

— А вот и танцы начинаются. — я включаю звук на телевизоре. Слышится мелодия заставки шоу-программы. Мы укладываемся на многочисленных подушках, разбросанных по нашей огромной кровати. Миланка придвигает поближе столик со сладостями.

На экране появляются танцоры и танцовщицы. Яркие, красивые, в стильных нарядах. После представления ведущих начинаются парные танцы. Я смотрю во все глаза. После очередного горячего номера с улыбкой говорю:

— Слушайте, у меня точно наверное уже кризис среднего возраста. Раньше я всегда смотрела на партнершу — в танцах, в фигурном катании, везде. А сейчас смотрю только на партнера. Я даже в метро теперь мужчин рассматриваю, представляете? Хотя, какой, казалось бы, смысл? Даже если мне кто-нибудь приглянется, то как я смогу с ним познакомиться?

— Народ, а вы заметили, как мы теперь все время говорим? — вдруг спрашивает Милана, приподнявшись на локте и отправляя в рот кусочек шоколада. — «Где найти мужчину?», «как добиться мужчину?», «как познакомиться с женщиной?». То есть это мы уже мужчин ищем и добиваемся, а не они нас. Мы что, поменялись с ними местами? Так получается?

— Да, получается, так. — говорю я. — Но вопрос в том — а было ли действительно когда-нибудь по-другому? Мужчины правда добивались женщин, или это миф? — я снова иду и разливаю шампанское. — Знаете, мне все больше кажется, что такой портрет мужчины — искал — добивался — ухаживал — описан только в книгах и фильмах. Но где в реальности такие есть? Приведите хоть один пример. Кто из наших знакомых или подруг встретил настоящего принца на белом коне?

— Среди моих подруг и сотрудниц — никто, — качает головой Алиса. Ее изящные брови хмурятся. — Теперь такие принцы — разве что в средненький ресторан поведут, и то только в обмен на продолжение вечера. Или вообще без ресторана, просто прокатят на своей крутой машине, а потом думают, что им уже все можно.

— Ага. Вот я как-то с одним познакомилась на пляже — помните? Ну тот мужчинка на черном джипе. — говорит Милана, принимая у меня очередной бокал с пузырчатым шампанским.

— Да-да. — я усаживаюсь с краю кровати поудобнее, делаю глоток.

— Первый день — познакомились. Второй день — он взял мой номер, позвал на свидание. Вечер второго дня знакомства — мы садимся в его джип, и он везет меня не в ресторан, и не в кино, и

даже не в кафешку кофе попить. Он вывозит меня за город куда-то в чистое поле и предлагает желтую черешню из пакетика. И, понятное дело, намекает на интим! — Милана возмущенно всплескивает руками. — Девчонки! Пол пакетика немойтой черешни! Вот вам и все ухаживание.

— Просто ужас. — качаю я головой, хоть уже и слышала эту историю. — Что за времена? Что за нравы?

— Да... Ладно, девчонки, выпьем за нас! — предлагает Алиса.

Мы поднимаем бокалы.

— За то, что мы такие красотки в свои тридцать. — подхватываю я. — За то, что у нас еще все впереди. И за то, что мы теперь будем гулять по полной, не раздумывая о последствиях, потому что раздумывать уже поздно!

Смеемся и пьем шампанское.

— Ооо, девочки, вы только посмотрите! — Алиса поворачивается к телевизору, и мы вслед за ней. Да, такого красавчика еще следовало бы поискать. Парень на экране танцует хип-хоп, и в кадр то и дело попадает его татуировка на шее и мощные бицепсы.

— Эх, встретить бы такого в реальной жизни! Пойти бы с таким хоть на одно свидание. — скулю я.

— Ну, если хочешь, значит так и будет рано

или поздно. — сообщает мне Милана, неотрывно глядя на экран.

— Да, если прямо сейчас запишусь в очередь, то через пару лет, может, и схожу. — улыбаюсь я. — А вообще обидно — почему мы все время считаем, что самые лучшие парни — это не про нас? Вы не заметили? — спрашиваю я.

Алиса распускает свои длинные белые волосы. Теперь она похожа на русалку.

— Наверное, дело просто в уверенности в себе. — предполагает она. — Вот была бы ты, Лера, танцовщицей, у тебя было бы идеальное тело, и с мужчинами ты бы чувствовала себя свободно и уверенно. И они бы сами к тебе липли.

— А была бы ты дочкой долларового миллионера и ходила только по модным киевским клубам, — рано или поздно нашла бы смазливового и богатенького чьего-то наследника и вышла замуж. — добавляет Милаша, свернувшись на подушках, как кошка.

— М-да. Только не хрупкая танцовщица я, и не пресыщенная дочь миллионера. Что ж мне теперь делать? — спрашиваю я с усмешкой.

— Я знаю! — восклицает Алиса. — Тебе самой надо стать знаменитой. Ты же этого и хотела? Вот запишешь, Лера, в студии песню, понесешь на радио и станешь звездой. И тогда уже все они — и танцоры, и богачи — будут за тобой

гоняться, а там и какой-нибудь богатый кандидат в мужа нарисуется.

— Определенно. — киваю я. Встаю, подхожу к зеркалу. Оттуда на меня смотрит высокая симпатичная девушка с локонами золотистых волос, карими глазами и пухлыми губами. — Реально, девочки, у меня есть все шансы стать звездой. Осталось найти продюсера. — смеюсь я. — только, боюсь, посадит он меня на капусту и гречку. Камера же добавляет много лишних килограммов!

— Давайте не будем о лишних килограммах! — просит Миланка. — Нам еще чай с пирожными пить.

По телевизору снова начинается реклама, и мы дружно идем на кухню ставить чайник. Пока он закипает, усаживаемся за большой стол из светлого дерева, устланный белой скатертью с набивным рисунком.

— Ну не знаю, девчонки. Может, дело и не во внешности, и не в деньгах. А в том, какого полета ты птица. То есть в том, что у тебя в голове, чего и кого ты себя считаешь достойной. — говорю я, поглаживая узоры на скатерти. Они кажутся сделанными из папье-маше.

— Да, а мы, которые родом из маленького городка, цену-то себе и не знаем. — глубокомысленно протягивает Милана.

— Боюсь, что и не узнаем. — вздыхаю я. — Я уже шестой год живу в столице, но в сознании моем почему-то ничего не меняется. Никакого столичного налета я не приобрела. Никакого пафоса и короны на голове. Как была хорошей милой девочкой, так ею и остаюсь, да?

Миланка с улыбкой кивает. — И хочется иногда быть стервой, а не выходит. Слишком хорошо меня родители воспитали. А в большом городе нужна пробивная сила, наглость и цинизм, чтобы добиться успеха.

— Девочки, чайник кипит. — сообщает Алиса, доставая чашки. — Кому какой чай делать?

10

Через несколько минут стол на кухне уже красиво сервирован. Алиса не просто красавица, она еще и прирожденная хозяйка.

Фарфоровых чашек у Анны Васильевны мы не обнаружили, зато есть яркие кружки. Для чайника нашлась подставка из можжевелевого дерева, испускающая дивный аромат, так напоминающий о Крыме. Алиса даже отыскала в недрах антикварного буфета хрустальную вазочку, наполнила ее черешневым вареньем, изъятым из незапертого шкафчика на балконе, и поставила в центр стола.

— Вот это сервис, я понимаю! Какая красота! — восклицаю я.

— Садитесь, девочки. — улыбается Алиса. — Наш красивый вечер продолжается. Мы теперь тридцатилетние опытные мадамы, и должны жить с шиком и на широкую ногу.

— Наконец-то настрой, что надо! — взбадриваюсь и я.

Мы разбираем цветные кружки, мне достается синяя. Алиса расставляет яркие блюда.

— Девчонки, я вот тут подумала, — говорю я, покручивая в руках свою кружку. — Мы прожили на свете тридцать лет. А был ли у кого-нибудь из нас в жизни хоть один по-настоящему шикарный мужчина? То есть не какой-то там влюбленный одноклассник или студент. И не мальчик из соседнего двора. А настоящий герой романа, такой, о каких в книгах пишут, о каких все женщины мечтают. А, Миланка? Колись! — поворачиваюсь я к подруге.

— Эх, девочки, был. — протягивает Милана и, углубившись в воспоминания, проводит рукой по своим медным кудрям. В ее карих глазах я замечаю вспыхнувший огонек.

— А поподробней? — выпытывает Алиса.

— Да все тот же Жако, вы как будто не знаете.

— Ааа, богатенький фермер из Грузии, — улыбаюсь я.

— Он не фермер! Он владелец дачных участков, — надувает губы Милана. — Когда мы с ним только познакомились в чате, он работал в рекламном агентстве. Потом выстроил дом в пригороде. А позже купил еще земли, настроил там дачных коттеджей. Теперь сдает их в аренду, и на эти деньги путешествует по всему миру. В каждую поездку отправляется с новой девушкой. — грустно завершает она.

— И тебя же приглашал, — припоминаю я. — Подай варенье, а! — прошу я Алису.

— Да, приглашал. — вздыхает Милана. — Дура я, что не согласилась. И что было терять?

— Как это — что? Гордость конечно. — возмущаюсь я. — Он женщин меняет каждый сезон, сам же тебе об этом по скайпу рассказывал. А потом тебя пригласил на курорт. Коню понятно, если ты соглашаешься ехать, то заранее согласна на все.

— Все они сейчас так. — бормочет Алиса, откусывая печенье.

— Тем не менее, когда он приехал ко мне в Сумы, то устроил просто райский уикенд — с цветами, ресторанами, клубами и подарками. — окунается в воспоминания Милана. — А сколько он мне комплиментов наговорил! Я за всю жизнь столько не слышала.

— Эх, мадам, вам тридцать лет, а вы

развесили уши и слушаете комплименты. — ворчу я. — У таких мужчин этих комплиментов — арсенал. Но для каждой женщины набор один и тот же — и красивых фраз, и ухажерских приемов. Но больше всего меня поражает, что ты, умная красивая женщина, сидишь тут и томно вздыхаешь о мужчине, который даже не скрывает, что он бабник. Ужас! — я качаю головой.

— Зато именно с ним я чувствовала себя настоящей женщиной. — возражает Милана и тоже тянется за вареньем.

— Я вот недавно перечитывала «Преступление и наказание» Достоевского. — говорю я. — И есть там такой дядя один — Свидригайлов, у которого целая система разработана. Мол, любую барышню можно покорить одной лишь лестью. Причем неприкрытой. Суть метода проста — говорить женщине незамысловатые комплименты, без особых тонкостей, прямо в лоб. «Ты же самая распрекрасная, умная, нежная, стройная и т. п.». Восхвалять ее постоянно и всюду. Главное — самому не делать первый шаг к сближению. Просто ждать, пока сама на шею кинется. И, по его словам, работает безотказно. Броня падает с самой неприступной красоты.

— Не знаю, кто там как, а меня все устроило. — обижается Милана и пьет чай глоток

за глотком, глядя в чашку.

— Миланочка, не обижайся! — тут же спохватываюсь я. — Ты ж меня знаешь, дай только покритиковать. — Я спешу вернуть улыбку на ее погрустневшее лицо с губами в форме сердечка. — Может, мне просто завидно! У меня же такого райского уикенда никогда не было. — продолжаю я подхалимничать. Наконец Миланка снова улыбается.

— Ладно, извиняю вас, девушка, как ту, которой только что исполнилось 30 лет. Все-таки кризис среднего возраста, — говорит Миланка с мстительной улыбкой. — Ну, а кто твой роскошный мужчина?

— Эээ... — я начинаю копать в памяти. Подарки? Рестораны? Что-то я такого вообще не припомню. — Вы не поверите, но, кажется, у меня такого мужчины никогда и не было. — я, пораженная, откидываюсь на спинку дивана, отставив чай и забыв о варенье. — Слушайте, а ведь серьезно! У меня же ни разу не было банального свидания с цветами и рестораном. Ни разу!

— Что, серьезно? — недоверчиво спрашивает Алиса.

— Ну да. — я с удивлением смотрю то на одну, то на вторую подружку. — Даже как-то и не задумывалась об этом. Сначала были подростковые свидания-прогулки, там почему-то о цветах никто и

не думал — ни ребята, ни я. Потом мои первые серьезные отношения с Ильей, помните? Он же изначально был мне просто другом, так что конфетно-букетный период у нас не состоялся. Дружили-дружили, потом стали ходить за ручку и целоваться. Спустя четыре, кажется, года, как вы знаете, я отправилась гнуть спину на полях Великобритании.

— Ооо, да. — кивает Миланка. — Евгений.

— Да. — с придыханием произношу я. — моя первая настоящая любовь. Жили рядом, работали рядом, тусовались в общей компании. А в компаниях все рано или поздно паруются. Вот и мы спаровались. Понятно, что там, за бугром, и речи не шло о романтике и свиданиях — там бы выпасться да побольше заработать. И вот третий мой серьезный мужчина — Леон. Познакомились в чате, жили в разных городах. Какие уж тут рестораны? Деньги бы найти, чтобы в гости на выходные приехать. А потом стали жить вместе, и о ресторанах тем более уже речи не шло. Ну, то есть, по ресторанам то мы ходили — но не на свидание, а покушать. — я качаю головой. — Вот вам и серьезная девушка — сплошные серьезные отношения, и ни одного красивого свидания. За целых тридцать лет — ни одного настоящего свидания! — восклицаю я. — Слушайте, а у нас покрепче чая ничего нет?

— Шампанское закончилось, но есть ликер. — тут же отвечает Алиса и, не дожидаясь просьбы, идет к буфету.

— Ну, Лер, не знаю, сочувствовать тебе, или нет. — говорит она на ходу, поправляя свой кукольный халатик. — У кого есть красивые свидания, но нет серьезных отношений, может и хотели бы оказаться на твоём месте.

— Например, я! — вызывается Милана.

Я благодарно улыбаюсь и вздыхаю.

— Ну, теперь уже нет и у меня серьезных отношений. Так что мы с вами — трое в лодке, не считая... тридцатилетия.

Мы дружно смеемся. Милана разливает ликер по уже расставленным Алисой хрустальным бокальчикам.

— Давайте, девочки, за то, чтобы у нас в 30 лет были теперь и красивые свидания, и серьезные отношения! — подытоживает Милана, и мы поднимаем бокалы.

11

С подружками мы наболтались вволю, отлично провели время. Потом девчонки легли спать, а я отправилась на кухню. Мне не до сна. Сажусь у ночного окна, гляжу в черное небо. Хочется подумать, поразмышлять.

Сердце то вдруг заходится от счастливого предвкушения новой свободной интересной жизни, то ноет из-за моей не первой молодости, утраченных шансов, нереализованных за долгую тридцатилетнюю жизнь возможностей.

Хорошо и легко говорить, что все лучшее еще впереди и жизнь только начинается, когда храбришься перед подругами. Но когда остаешься наедине со своими мыслями, еще и посреди ночи... Кажется, что во всем мире нет ни одной близкой души, что ты — всего лишь песчинка в огромной вселенной. И тогда даже смешно мечтать о великом будущем.

Прикрыв за собой дверь на кухню, я нагреваю в микроволновке молоко и усаживаюсь с чашкой на диван. Смотрю на одинокую белую орхидею в горшке, киваю ей. Сегодня ночью мы с ней — подруги по одиночеству.

Хотя нет, я не одинока. С первым же глотком теплого молока приходят успокаивающие мысли о маме, о доме в Сумах. Но тут же сердце начинает щемить — перед глазами мелькают картинки из детства.

Вот я, маленькая, ранним солнечным утром выбегаю во двор. Все вокруг наполнено такой магией! Так красиво зарождается новый день! В легкой утренней дымке все выглядит свежим, полным сил. Каждая травинка, каждый листочек

упруг, полон жизни. И капельки росы блестят, как рассыпанные сокровища. А главное — в моем маленьком сердечке столько ожидания, столько вдохновения и радости. Помню ощущение того детского счастья просто видеть все вокруг, вдыхать полной грудью воздух нового дня, и познавать мир. Счастья просто жить.

Эту легкость уже не вернуть. В детстве границ не существует, а с возрастом они неумолимо обступают со всех сторон. Вместо того, чтобы усиливаться, вера в себя и свои силы постепенно пропадает. Мечты, казавшиеся осуществимыми, все больше видятся несбыточными и далекими и лишь тускло мерцают где-то в подсознании. Вся жизнь постепенно ограничивается бегом между домом и работой, магазинами и поликлиниками. Хлопоты, суета, быт. И все это давит, заковывает в неумолимые цепи. Пригибает к земле.

Страшно об этом думать. Нужно вытягивать себя за шиворот из трясины этих деструктивных мыслей, трясины этих серых будней. Нужно прорвать эту блокаду, пока не поздно. Выйти на новый уровень и зажечь совершенно по-другому. Иначе я буду как большинство — с возрастом все больше разочаровываться, злиться, стареть и, в конце концов, безвылазно засяду в своей квартире, желая поскорее умереть.

Я подхожу к окну, захватив чашку с молоком.

Проспект пуст. Окна в домах напротив темны. Такое чувство, что все в мире спят, кроме меня. А может, там вообще никого нет? А может, вся моя жизнь — это вообще сон?

В этот миг все, чего бы я желала, — это взять и проснуться одиннадцатилетней девчонкой в своей кровати в родном доме в милых Сумах. И чтобы вся-вся жизнь еще была впереди, и верилось, что все возможно. Я бы позавтракала с родителями чаем с булочкой и побежала на улицу гулять. А еще потом уговорила бы маму купить мне пианино.

Хочется расплакаться. Но я же взрослая, и знаю, что это глупо — стоять и рыдать на кухне, пока все спят. Слезами горю не поможешь.

Да. Мы вырастем, умнеем. Казалось бы, должны становиться счастливее с каждым днем. А происходит почему-то наоборот. Мы обрастаем все новыми барьерами, ограничениями, страхами.

Страхи. С годами я все больше чего-то боюсь. Боюсь остаться навсегда одной. Боюсь, что мама заболит. Боюсь, что ничего в жизни не совершу настоящего. Боюсь перестать видеть красоту в простых вещах. Как часто я смотрю теперь на небо и люблюсь им? И сколько раз за год я позволила себе просто остановиться у клумбы с цветами, наклониться, понюхать их, поразглядывать лепестки?

Я не помню, на что ушли последние десять

лет. Я ничего не понимаю.

Качаю головой. Молоко в чашке уже остыло, а я стою и все вглядываюсь в пустое небо за окном.

Что есть моя жизнь? — вопрошаю я себя. Спешка, разговоры, беготня по делам, работа. Мы с Леоном едва видели друг друга из-за всего этого. Неужели нельзя просто остановиться, вдохнуть, ощутить момент — именно этот миг — между прошлым и будущим, и насладиться именно им, и увидеть вокруг себя все, запомнить аромат воздуха, яркость зелени, шелковистость молодого зеленого листочка на ветке куста сирени? Даже сейчас я стою среди ночи одна, а вихрь мыслей не дает ни на чем сосредоточиться, бросает меня из стороны в сторону, истощает. Так и хочется в один миг за все сразу же взяться — за все неоконченные дела, за новые начинания, за исполнение многочисленных желаний. А в следующий миг я беспомощно развожу руками, потому что не знаю, с чего начать, что из всего этого бесконечного списка для меня важнее, как расставить приоритеты, какой путь для себя выбрать.

Все так сложно...

Кажется, в детстве я была намного умнее и лучше, чем сейчас. Умела радоваться, умела сосредотачиваться, а главное — верила, что смогу все-все, когда вырасту большой.

А теперь мне стыдно перед той вдохновенной

маленькой девочкой с большими глазами, что вот выросла из нее тетя и не оправдала ее надежд и ожиданий. Провела свои долгие годы быстротечной жизни бестолково, в постоянных метаниях от одного дела к другому, все время оставляя мечту на потом, а в конце концов всплеснула горестно руками и сказала той малышке из своей памяти — прости, моя хорошая, как-то быстро пролетела жизнь. Может, в следующий раз, если мне снова дадут шанс, я и исполню то, чего ты хотела. А малышка доверчиво закивает мне в ответ и радостно умчится по своим важным интересным делам. Ей ведь смешно такое слушать, она-то знает, что возможно все, и у нее еще вся жизнь впереди...

Я утираю слезы, которые уже текут градом, и допиваю холодное молоко.

— Ох, как я люблю себя жалеть, — бормочу тихонько, шмыгая носом.

Через минуту, как это обычно бывает, после пролитых слез становится легче.

— Ничего, малышка. Мы еще поборемся. — говорю я себе. — Тридцать лет — это только середина пути. И все еще возможно. Абсолютно все. И за ум взяться, и мечту исполнить. И любимого найти.

Или вернуть?

Я мотаю головой. Леон так и не позвонил. Впервые за 5 лет не поздравил меня с днем

рождения.

Нет, не могу я думать еще и об этом. Пора спать.

А завтра будет новый день. Завтра будет лучше.

12

Утро я встречаю бодро, в боевой готовности начать новую жизнь. Сегодня официально начинается мое тридцатилетие.

Все, шутки в сторону. Берусь за ум. Берусь за себя. Живу на полную катушку. Забываю о сожалениях, об ошибках прошлого. Новый старт. Все с нуля. С чистого листа.

И теперь мой главный принцип таков: возможно все.

Я поднимаюсь на кровати, гляжу на подруг, лежащих по обе стороны от меня. Так сладко спят, незачем их будить. Украдкой выбираюсь из спальни и иду на кухню. Здесь первым делом распахиваю окно настежь. Новая жизнь началась! Самое время готовить завтрак.

Через пол часа в дверях показывается свежеумытое личико белокурой Алисы.

— Ооо, Лера, тридцатилетие тебе на пользу! Ты нам готовишь завтрак? — хихикает она и радостно усаживается на диване.

На столе уже стоит большая белая тарелка с румяными гренками, блюдце с нарезанным сыром и помидорами. На сковороде доходит до нужной кондиции глазунья.

— Да, Алиска. Не только же тебе хорошей хозяйкой слыть. — поддерживаю я ее тон. — Осталось только кофе приготовить, дорогая, и — прошу к столу.

На запах свежесваренного кофе прибегает и Миланка. По обыкновению, забирается с ногами на диван.

— Ну что, как самочувствие у свежеепеченной тридцатилетней? — спрашивает она, когда все уже стоит на столе, и мы принимаемся завтракать.

Я важно выдерживаю паузу, потом отвечаю.

— Ну, говорят, в сорок пять баба — ягодка опять. А я в свои тридцать, значит, свеженький, едва распустившийся цветочек. — я пытаюсь изобразить этот самый цветочек, а потом с хрустом откусываю гренку. — Чувствую себя отлично, полна надежд на светлое будущее. Вот только гренок я зря нажарила. Потому что вообще-то я собираюсь худеть.

— Ничего себе! — восклицает Алиса и тут же предлагает. — Могу съесть твою греночку, раз ты на диете.

— А я собираюсь поправляться, — заявляет

Милана. — Может, мой первый размер доползет до внушительного второго? — говорит она с улыбкой и делает глоток кофе с молоком.

— Знаете, девчонки, за ночь я о многом передумала, — признаюсь я, уютно вздохнув. — У меня масса сожалений об ускользнувшем прошлом, обо всем не сделанном. Это факт. Но я себя уговорила, что за пару лет вполне смогу наверстать все упущенное.

— Ммм! Ого! Поделись секретом — как ты собираешься это сделать? — тут же спрашивает Миланка, нацелив вилку и нож на румяную глазунью.

Я быстренько дожевываю, чтобы всласть ответить.

— Все очень просто. Надо активно действовать. В нужном направлении. Одним. — в подтверждение своих слов я усердно киваю. — Знаете, я как стала жизнь свою вспоминать, так оказывается, столько всего упустила, столько драгоценного времени потратила зря. Столько долгих летних дней и зимних вечеров, ужас! — я поддеваю серебряной вилкой кусочек голландского сыра. — А ведь у меня столько невоплощенных желаний, столько крутых идей! Только я почему-то в последние годы вообще никуда не стремилась, не шла ни к какой цели.

— Ну, у тебя и времени особо не было. —

успокаивает Миланка. — Ты же все время на работе, а дома надо было Леону внимание уделять.

— Да. — соглашаюсь я, но тут же качаю головой. — Но все это отговорки. У каждого в сутках 24 часа. Но кто-то такие свершения за это время делает! А кто-то — вот как я — только плачется. Если так подумать, то время можно найти всегда, было бы желание. — я откидываюсь на спинку стула, держа в руках чашку с кофе. — Например, я так или иначе трачу время на просмотр новых фильмов, а иногда и старых. Иногда подолгу говорю по телефону. А шопинг! Это же сколько времени уходит на бесцельное хождение по магазинам! Да даже один только поход в супермаркет за продуктами сколько времени съедает. То за молоком зайти, то хлеба свежего хочется, то масло закончилось. И так — каждый день минус минут сорок, если не больше. В общем, — подытоживаю я, добавляя себе в кофе еще сливок, — времени, если так подумать, есть целая куча. Нужно лишь правильно его распределить и продуктивно использовать. Вот тогда и можно все свои мечты воплотить в жизнь. По крайней мере, у меня на данный момент такая теория.

— Лер, ты забываешь о работе, — напоминает Алиса, потягиваясь. — Основное время же уходит на работу. А приходишь домой, пока приготовила,

поела, сходила в душ — и все, пора спать. Что и когда особо можно успеть?

— Это, конечно, да. — киваю я. — Но я имею ввиду выходные, и часик каждый день можно же выделить для работы над собой и своим светлым будущим?

— Но надо же и отдыхать! — возражает Алиса. — После рабочего дня я часто вообще ничего уже не могу делать. Лучше этот час я потрачу на ванну с пеной или посмотрю хороший фильм, чтобы прийти в себя.

— В таком случае, — не сдаюсь я, — нужно менять работу. Чтобы на ней не уставать, а получать от нее только удовольствие. Так в умных книгах пишут, — я цитирую, — «сделайте ваше хобби своей профессией, и тогда у вас не будет ни одного рабочего дня».

— Все равно рано или поздно надоест. — вставляет Милана со скептическим видом.

— Да, об этом я тоже думала. — киваю я. — Вот например, я всегда хотела стать певицей. Но когда я вижу, как почти все популярные певцы и певицы годами поют одни и те же песни, должны постоянно соответствовать выбранному раз и навсегда имиджу... Меня это угнетает. Я люблю разнообразие, а рамки и ограничения ненавижу.

Покончив с завтраком, Алиса бодренько поднимается и начинает мыть посуду.

— Ну, Лера, а кто тебе мешает подготовить много песен и петь только те, которые ты хочешь? — вспенивая губку с капелькой лимонного средства для мытья посуды, замечает она.

Я вздыхаю, вспомнив, сколько всего я перечитала о терниях шоу-бизнеса. С удовольствием потягиваюсь, потом, взглянув на утонченную белоснежную орхидею в мраморном вазоне, гордо вззирающую на нас, просвещаю подругу.

— Понимаешь, в шоу-бизнесе рулит слушатель, зритель. Скажет он — пой вот этот хит, а ему и организаторы кланяться будут, а тебе пропишут в контракте — пой вот это, и ни шагу вправо, ни влево. Даже популярные во всем мире группы вынуждены и песни свои подгонять под нужный формат радио и ТВ, и петь старые надоевшие им самим хиты. Они все пишут новые альбомы, а народ скандирует — спой нам старую и любимую. Вы представьте, я вот прочитала недавно, группа «На-На» — помните таких?

— Конечно, помним. — кивает Милана.

— Упала шляпа, упала на пол, — напевает Алиса.

— Вот-вот. Так они эту «Шляпу», да еще «Фаину» поют до сих пор, а сами уже почти дедушки. Грустно это.

— Короче, Лера, понятно. В певицы тебе идти

нечего. — махнув на меня рукой, Алиса продолжает мыть тарелки. Но я не обижаюсь. Алиска — практик по натуре. Она не из тех, кто витает в облаках, она четко видит реальность и понимает, что возможно, а что нет. И когда я начинаю мечтать вслух, она тут же подкидывает практичные идеи, как мечту воплотить. А когда видит, что за моими ахами-вздохами частенько стоит только желание просто помечтать, а не в самом деле эти мечты осуществить, — она равнодушно замолкает. Умом этого не понять, но некоторым людям просто необходимо строить воздушные замки и пребывать в их призрачных покоях, верить в чудеса и парить в облаках. А уж в самом деле делать что-то, чтобы достичь желаемого — это уже дело десятое.

К сожалению, я к таким людям, по-видимому, и отношусь.

— Нет, все равно придется мне пойти в певицы. — улыбаюсь я. — С вашим сертификатом на запись песни мне теперь просто обеспечено большое звездное будущее.

Я поднимаюсь и подхожу к распахнутому настежь окну, по пути подложив Алисе в мойку свою чашку.

— Погодка отличная! Может, пойдём позагораем на пляж? — предлагаю я, разглядывая залитый солнцем двор с цветочными клумбами.

— Да, пойдём. Мне надо хорошо загореть, — говорит Алиса. Феноменально быстро закончив с мытьем посуды, она закрывает кран. — Милаша, вытрешь? — спрашивает она.

Миланка вздыхает, кривится и с большим скрипом берется за полотенце.

— Девочки, пляжный сезон — в самом разгаре! И на пляже полно бесхозных мужчи-и-ин! — воодушевленно напеваю я, отправляясь к гардеробу. Подружки улыбаются. Что ни говори, как ни низвергай этих коварных представителей сильного пола, а все в нашей жизни крутится вокруг них. И желания, и надежды, и дела.

Через час, нарядные, веселые и предвкушающие отличный день, мы уже идем красивой легкой походкой по направлению к поцелованной солнцем Оболонской набережной.

13

На самой популярной набережной Киева, как всегда в выходные, яблоку негде упасть. Вдоль кичливых открытых террас ресторанов, утопающих в цветах, стремительно прогуливается разодетая, как для модного показа, публика. И не только женщины козыряют своими тщательно продуманными луками, но и мужчины. Такое впечатление, что представители сильного пола

стали не в меру усердно следить за модой. То и дело встречаются молодые и не очень люди в розовых футболках, обтягивающих стероидные плечи или пивные животы, с укладкой гелем а-ля Роналдо или бородачи, в бархатистых лоферах или несусветно дорогих мокасынах.

— Девочки, ну вы только взгляните, — качаю я головой при виде довольно упитанного мужчины средних лет в тенниске цвета спелой малины. — Ну вот о чем он думает, глядя на себя в зеркало? Неужели о том, что всех сразит наповал своим непревзойденным стилем? Хотя, — тут же сама себе отвечаю я, — он не виноват. Он лишь следует трендам. Наверное, еще и надеется попасть в объектив стрит-фэшн фотографов.

Наше трио, как по мне, тоже претендует на снимок для какого-нибудь сайта уличной моды. Алиса и Милана надели короткие белоснежные сарафаны, открывающие их стройные ножки. У блондинки сарафан расклешенный, у медноволосой — в обтяжку. Обе в стильных солнцезащитных очках и в босоножках на шпильке. Алиса обула бирюзовые, а у Миланки — цвета фуксии. Я же в ярко-желтом, в рюшах, пляжном сарафане. Из аксессуаров на мне белая шляпа с огромными полями, на ногах — сиреневые пушистые мюли на среднем каблучке.

Мы знаем, что выглядим сногшибательно. На

нас бросают заинтересованные взгляды мужчины всех возрастов, те, что помоложе — присвистывают. Правда, как обычно, этим дело и ограничивается.

Проходим мимо модного суши-бара с открытой верандой. За деревянными столиками на уютных плетеных диванах с подушечками сидит цвет здешней публики. В основном все по парам. Импозантные мужчины в белых теннисках, подчеркивающих наработанные к пляжному сезону мускулы. С ними — интерьерные девицы с ногами от ушей. В основном, блондинки с глазами в обрамлении нарощенных ресниц и накачанными рыбьими губами. Скользя взглядом по их презентабельным довольным лицам, я отворачиваюсь. Такой же счастливой выглядела и я, сидя здесь прошлым летом вместе с Леоном. Не помню, о чем мы говорили. Помню лишь, что нам долго не приносили счет, и мы подумывали оставить гневную записку и сбежать. Но в итоге Леон все же пошел разыскивать нерадивую официантку.

Мой Леон.

Интересно, что он сейчас делает?

— Девчонки, ну почему, когда остаешься одна, кажется, что у всех остальных в мире есть пара? — спрашиваю я, придерживая шляпу от легкого ветерка. — Только посмотрите вокруг! Все

— то за ручку, то под ручку, то в обнимку. Просто зла не хватает.

— Ууу, девушка. Добро пожаловать в наш клуб, — отзывается Милана.

Я смотрю сквозь свои зеркальные очки на очередную красивую загорелую пару. Высокая блондинка и мускулистый мужчина, похожий на Антонио Бандераса в молодости.

— Нет, я определенно должна кого-нибудь найти. — заявляю я. — Я привыкла, что рядом есть мужчина. Я не могу, когда меня долго никто не обнимает. Честно, девчонки, я не представляю, как вы так долго обходитесь без второй половины.

Наконец, наши не тронутые песком пяточки ступают на породистую зеленую траву лучшего Оболонского пляжа. Здесь территория платная, но мы спокойно выкладываем по пятьдесят гривен за вход. Лучше заплатить, чем морщиться при виде окурков и пробок от пивных бутылок на бесплатных не убираемых общественных пляжах, облюбованных крепкими бабушками и шумливой пацанвой.

Горячая трава приятно греет ноги — босоножки мы сняли и идем босиком. Вокруг пестреют яркие пляжные зонты. Заняты практически все места, но смотритель пляжа проводит нас к самому краю пляжа, где в тени пары кленов стоят пустующие шезлонги.

Пока девчонки ставят сумки и раздеваются, разглядываю публику. Пляж забит под завязку. Молодежи больше всего. Пятеро мужчин с фигурами «минимум-полгода-в-спортзале» эффектно играют в волейбол, поигрывая мускулами. Девушки и женщины — все сплошь с хорошими фигурами — то и дело томно переворачиваются, подставляя разные части тела солнцу. Время от времени какая-нибудь из них изящно поднимается, поправляет шлейки купальника и шествует к воде, купаясь в оценивающих мужских взглядах. Но особый шик — это как она потом выходит из воды.словно сама Венера выступает из морских недр. Идет четко по прямой линии, глядя прямо перед собой, словно не замечая никого вокруг, с блестящим от капель телом, с влажными волосами. Живот втянут, грудь максимально выставлена вперед, спина прямая. И походка, как у топ-модели. Мы это называем «эпический выход».

— Хорошо, что в тенечке, — говорит Милана, устроившись на белом пластиковом шезлонге в своем купальнике цвета спелой клубники. — На солнце я быстро сгораю.

— Да, хорошо. — киваю ей. — Я, может, и не сгорю, но что-то в последние годы мне от лежания на солнце как-то дурно становится. Ах, да, мне же уже тридцать!

Девчонки прыскают со смеху.

Через четверть часа Милана поднимается и поправляет бретели на плечах.

— Ну все, мой выход.

Она встряхивает копной искрящихся медным золотом волос и не спеша, красиво покачивая бедрами, идет к воде. Двое мужчин на соседних шезлонгах приспускают свои темные очки, глядя на нее. Закатив глаза, закрываюсь от этой рыночной площади журналом.

— А почему ты не идешь купаться? — спрашивает меня Алиса, приоткрыв один глаз.

— Мало того, что мне становится плохо на солнце, так еще и мерзлячкой стала. — жалуясь я, закидывая ногу на ногу. — Раньше я первая летела поскорее нырнуть в воду. А теперь жду, пока она прогреется. Ужас, да?

Алиса едва заметно пожимает плечами. Подруга уже пребывает в мягкой солнечной полудреме. Вот кто умеет расслабляться и нежиться, не маясь глупыми размышлениями.

Мне же уже через десять минут надоедает бесцельно валяться на шезлонге. Милана эффектно возвращается, вся в искрящихся на солнце каплях. По пути получает пару откровенных комплиментов в свой адрес. Чтобы закрепить впечатление, томно просит зрителя передвинуть шезлонг из тени на солнце и ложится загорать. Я же вынимаю из сумки

свой любимый блокнот и ручку.

— А что это ты там делаешь? — спрашивает меня Алиса, когда переворачивается с живота на спину в очередной раз.

— Составляю wish-лист. Я тут, как уже говорила, решила начать новую жизнь. И теперь составляю список желаний, которые должны в моей новой жизни исполниться. Ну, то есть, один небольшой списочек у меня уже есть, в нем всего четыре пункта. Но эти желания очень глобальные — новая работа, поездка на море, и даже замужество, представляешь? Теперь хочу еще составить список просто всего подряд, что я хочу получить в ближайшее время. Говорят, помогает. — улыбаюсь я.

— А, понятно. — Алиса снова закрывает глаза и ложится загорать дальше. А Милана, наоборот, поднимается на локте.

— Ммм, и много желаний? — с улыбкой спрашивает она.

Поглядев по сторонам и отгородившись от соседей шляпой, я тихо говорю.

— Да полно вроде всегда было. Но, ты знаешь, как-то странно. Когда начинаю думать о том, а чего же я в самом деле хочу, то как-то теряюсь. Например, я хочу каждую неделю делать маникюр и педикюр в салоне. Может ли это быть в списке желаний, или это... — я хмыкаю. — Или это

глупости?

Милана задумывается.

— Все-таки это желание. Если это для тебя важно, то это не глупости. — наконец говорит она.

Я с благодарностью улыбаюсь.

— Спасибо. А то у меня как для тридцатилетней что-то полно комплексов. Даже желания боюсь неправильно загадать.

— Так какие желания у тебя уже есть в списке? Кроме маникюра. — интересуется подруга.

Я поднимаю спинку своего шезлонга, Милана — своего, и мы обе смотрим в мой блокнот.

— Во-первых, хорошо записать песню и чтобы она прозвучала по радио.

— Круто.

Я киваю.

— Потом хочу снять клип и запустить его на ТВ.

— Дааа, скромно так.

— Да, я скромная девушка. — улыбаюсь я. — Ну а что, говорят ведь — если уж мечтать, то ни в чем себе не отказывать.

— Да-да.

— Еще я хочу доучить английский и съездить в Америку, посмотреть на эти их небоскребы. И обязательно потусоваться на Манхеттене, постоять на крылечке Керри Бредшоу из сериала «Секс в большом городе».

Милана кивает. Как-то уж слишком активно. Но я продолжаю.

— Еще хочу построить большой дом для мамы, чтобы в нем мы собирались всей семьей по праздникам. Там обязательно должен быть сад, в котором будут цвести розы. Само собой, себе я тоже хочу дом.

— Само собой. — отзывается Милана.

— Но в первую очередь — машину. Я уже просто терпеть не могу ездить на метро и в маршрутках. Дальше. — я перевожу дыхание. — Хочу собственную студию звукозаписи, чтобы самостоятельно записывать все мои хиты. Еще хочу пойти в самый шикарный спа-салон деньков так на пару. А еще — полетать на воздушном шаре и сняться в модной фотосессии для журнала Elle. Кстати, хорошо бы, чтобы я была на обложке. — я делаю пометку в своем блокноте. Потом, наконец, бросаю взгляд на свою подругу. Она премило улыбается и хлопает глазами.

— Что? — спрашиваю я со смешком.

— Да нет, ничего. Это что, и все желания? Всего то?

Я вздыхаю.

— Нет-нет, ты не подумай, что я в тебе сомневаюсь. — Милана хлопает меня по плечу и явно старается сделать серьезный вид. — Уверена, у тебя все получится.

— Спасибо, что веришь в меня, подруга. — говорю я в тон ей. — Тогда, раз все у меня получится, пожалуй, допишу еще одно желание.

— Ну-ну.

— Хочу поехать в Австралию и сфотографироваться в обнимку с коалой. — Но тут я осекаюсь. — Стоп. Это же... желание не мое. А Леона. Я просто привыкла считать его и своим.

Улыбки моей, как не бывало.

Алиса, услышав последнюю фразу, уже тут как тут, сидит рядом, словно и не плавилась только что на солнце. Я-то думала, она давно уснула. Замечаю, как они с Миланой переглядываются.

— Ну что он, не звонит? — словно обращаясь к больной, тихо спрашивает Милана.

— Нет. — говорю я, не скрывая горечи. — Впервые с момента нашего знакомства мой день рождения прошел без него. И он меня не поздравил. Даже не прислал смс!

Подруги скорбно молчат.

— Ладно, не будем о грустном. А то у вас такие лица! — я откладываю блокнот с несбыточными желаниями в сторону и собираю водопад своих золотистых волос в пучок. — Давайте лучше пойдем купаться. Эпический выход на троих! Что скажете?

С наступлением вечера на пляже становится свободнее.

— Смотрите-ка, — говорю я, конспирируюсь с помощью своей шляпы. — Вроде бы, симпатичные.

На опустевших шезлонгах неподалеку от нас устраиваются трое довольно привлекательных молодых мужчин. На вид им можно дать лет по 25–26. Мое внимание тут же привлекает русоволосый загорелый парень среднего роста.

— Девчонки, что это? У него — розовые плавки? — прыскаю я в кулак.

Мы дружно начинаем строить глазки новоприбывшим, но нас ждет разочарование. К завидным кавалерам вскоре подсаживаются три худенькие девушки лет по восемнадцать. Каждая — в дизайнерском купальнике. На фоне этих юных нимф я тут же начинаю казаться себе толстой неуклюжей теткой.

— Я так вижу, теперь все везде и всюду со своими самоварами ходят, — шиплю я.

— Это чтобы каждый раз не тратиться на новое знакомство, — шепчет мне в ответ Алиса.

— А кто сказал, что это их самовары? Может, они только что познакомились и еще, так сказать, возможны варианты. — предполагает Милана. Она тут же решает проверить свою догадку и намеренно

не сводит глаз с самого высокого из парней — черноволосого мачо с золотой цепочкой на шее.

Пара минут, и молодой человек начинает поглядывать в нашу сторону, как бы между прочим поигрывая мускулами.

— Миля, ты, кажется, попала в цель. — шепчу я, посмеиваясь.

— Девочки, я пойду поплаваю, — нарочито громко оповещает нас Миланка. И тут же совершает особо эпический выход к воде. Она изящно поднимается с шезлонга, томными движениями поправляет шлейки купальника, взлохмачивает медные волосы. Потом походкой модели направляется к кромке реки.

Я бросаю взгляд на мужчину, ради которого и разыгрывается весь этот спектакль. На его лице блуждает улыбка — он все прекрасно понял. Через минуту этот знойный мачо тоже идет освежиться в прохладной водичке. И держит курс прямо на нашу Милашу.

Я подавляю горький вздох. В голове — непрощенная мысль, что где-то какая-то девушка вот так же может завлекать Леона. А, может, уже завлекла. Иначе почему он совсем-совсем не звонит?

— Алиса, что скажешь? — говорю я, чтобы отвлечься. — Есть у этой пары будущее?

Мы вдвоем смотрим, как Милана стоит по

пояс в воде и что-то оживленно рассказывает подплывшему к ней молодому brunetu.

— По крайней мере, на сегодняшний вечер есть. — утвердительно кивает Алиса.

15

Когда лучи солнца становятся оранжевыми, мы покидаем наш уютный уголок под кленами и направляемся в недавно обновленное кафе «Меланж». Цены на коктейли здесь повыше, чем в среднем по набережной, но лишние затраты компенсирует вид с открытой террасы на зону променада, основной пляж и залив. Мы занимаем столик на троих на правой террасе. От набережной нас отделяют перила, увитые белыми и розовыми цветами. Над головами беззвучно вертятся позолоченные вентиляторы. Несколько минут мы просто смотрим на розовое вечернее небо над заливом.

— Красиво. — выдыхаю я.

— Да. — кивают подружки.

— Мне, пожалуйста, «Космополитан», — говорю я подошедшему официанту.

— И еще два. — добавляет Миланка.

— Да, конечно. — произносит официант. Это парень с голубыми глазами и стильной прической. Пока он забирает у нас коктейльные карты, смотрю

на его руки. И быстро утрачиваю интерес — руки у него маленькие, какие-то женские. А у меня, в ответ на молчание Леона, с каждым днем растет навязчивая идея о паре сильных мужских рук, крепко прижимающих меня к себе.

— Что там твой новый знакомый? — спрашиваю я Миланку, стараясь убежать от своих фантазий.

Подруга сидит с мобильным в руках и ведет переписку с пляжным красавцем. Он с компанией тоже здесь, на набережной. По иронии судьбы, в том ресторане, где восседали мы вчера.

— Пока не знаю. Флиртует. — отвечает Милана. Вид у нее при этом ужасно загадочный.

— Так что вы, встречаетесь сегодня? — спрашивает Алиса.

— Не знаю. Сказал, если сможет вырваться от своих «сосок».

— Так прямо и сказал? — кривлюсь я.

— Аха. — Миланка ухмыляется, получив очередную смс, и тут же принимается строчить ответ.

— А что вообще пишет? — интересуюсь я.

— На данный момент шлет оды моим бедрам.

Мы с Алисой закатываем глаза.

— А сколько ему лет? — уточняет Алиса, скользя взглядом по посетителям кафе. Снова, как назло, интересных мужчин без пары на горизонте

не видно.

Нам приносят коктейли. Кстати, «Космополитан» мы выбрали не случайно. Это же любимый коктейль героинь нашего любимого сериала «Секс в большом городе». Я рассматриваю мутноватую розовую жидкость, в которой плавают дробленый лед.

— Интересно, имеет ли этот коктейль хоть что-нибудь общее с тем, который подают на Манхеттене. — произношу я придирчиво.

— Про возраст не знаю. — отвечает наконец Миланка, оторвавшись от телефона. — Но, судя по общению, меня смогут обвинить в соращении малолетних. — хихикает она.

— Ясно. — улыбаюсь я. — Ну, ничего, Милаша, у молодых энергии и сил побольше. Хоть не заснет через десять минут.

Мы втроем смеемся.

— Ну что, девочки, выпьем? — предлагает Алиса. — Давайте за исполнение желаний. И еще раз — Лерчик, с прошедшим!

— Да, и вас туда же. — улыбаюсь я. Мы чокаемся и делаем по глотку.

Вдруг рядом раздается взрыв смеха — через три столика от нас сидит шумная компания. Я бросаю взгляд в их сторону и у меня тут же возникает желание куда-нибудь исчезнуть.

— Вот елки-палки! — шиплю я, пытаюсь

спрятаться за Алису.

— Что случилось? — недоумевают девчонки.

— Там Денис, друг Леона. — шепчу я. — Не хочу, чтобы он меня видел. А то еще расскажет ему, что я тут сижу в компании одних подруг. Если бы с нами мужчина хоть один был! Миланка, ты не можешь этого своего хахаля сюда вызвать? — в отчаянии говорю я.

— Сейчас попробую. — она снова что-то строчит в телефоне.

— Поздно. — скулю я.

Денис с широчайшей улыбкой уже направляется ко мне. Видимо, своим ерзаньем я и привлекла его внимание.

— Лера, привет. Как дела? — спрашивает он. Это высокий спортивный молодой мужчина с квадратным подбородком. Он, как всегда, в бодром расположении духа. Ему по должности положено. Денис — руководитель отдела продаж в крупной фирме, и, видимо, поэтому всегда позитивно настроен и радуется жизни.

— Отлично. Просто супер. Вот, видишь, девчонки ко мне приехали. — улыбаюсь я самой радостной улыбкой, на которую способна.

— У тебя же недавно день рождения был? Извини, забыл поздравить. Так что поздравляю!

— Спасибо. — улыбаюсь я еще шире, если это возможно. — Мы вот как раз и празднуем — уже

второй день подряд.

— Ясно. О, а это что такое? — спрашивает он, уставившись на мой раскрытый блокнот со списком желаний, лежащий передо мной на столе.

— А... — я смущаюсь. — Да так, заказываю подарки на следующий год.

— Это твой wish-лист? — кричит Денис чуть ли не на всю округу. И где он только взялся!

— Да, говорят, помогает. — я тут же стараюсь сменить тему. — А твои дела как? Что новенького?

— Да все хорошо. Развиваю свой бизнес. Кстати, какой косметикой ты пользуешься? Мы скоро будем представлять международные косметические бренды. У тебя есть мой номер телефона?

— Да.

— Сбрось тогда мне смс-кой свой e-mail, я вышлю тебе каталоги. Качество — международное. В наших супермаркетах такой продукции не найдешь! — увещевает он наработанной скороговоркой.

— Да, конечно. Сброшу. — обещаю я.

Денис кивает и косится на мой блокнот, в котором последним пунктом написано — «Найти мужчину с сильными руками». Потом тут же говорит. — Ну, мне пора к своим, и вас не буду отвлекать. — Кивает девчонкам, снова смотрит на меня. — Еще увидимся, жду от тебя смс!

— Ты передавай привет... всем. — говорю я вдогонку, мысленно хлопнув себя по лбу.

Денис улыбается фирменной улыбкой.

— Хорошо, передам.

Я заламываю руки, как только он уходит.

— Ужас! Вы представляете, чуть не передала привет Леону! — жалею я. — И что у меня с головой? — хватаю свой «Космополитан» и выпиваю его сразу почти до дна. — Мне надо его забыть!

— Лер, ну прошел всего-то месяц. Подожди, скоро полегчает. — подбадривает Алиса. — А этот Денис — он с кем-то встречается? — тут же интересуется она.

— Даже не надейся. — качаю я головой. — Денис ни с кем не встречается. Только проводит время. Он ориентирован на карьеру, и пока не заберется на самую вершину — по его же словам — о семье и думать не станет.

— Ясно. — разочарованно протягивает Алиса.

— Раньше я его за такой прагматичный подход осуждала. — признаюсь я. — А теперь даже в чем-то поддерживаю. Мне бы долю его здравого прагматизма! Может, тогда я не сидела бы в тридцать лет у разбитого корыта, без жилья, без сбережений и прибыльной работы.

— Так, Лера где утренний боевой настрой? — спрашивает Алиса, возмущенно скрестив руки на

груди. — Кто нам вчера рассказывал про новый старт?

Мне тут же становится стыдно.

— Да. Простите, девчонки, у меня приступ жалости к себе. Просто Денис этот снова напомнил о... О нем.

В отчаянии машу официанту. Тот подобострастно подбегает.

— Да-да? Чего изволите?

— Коктейль повторите, пожалуйста.

— Лер, не переживай так. — внушает Алиса, как только официант отходит. — Да на тебя тут каждый второй мужчина заглядывается!

Я вяло улыбаюсь, но все же поглядываю по сторонам. Нет, глупости. Никто на меня и не смотрит. Снова машу официанту.

— И десерт принесите! Штрудель с яблоками и мороженым.

— Сейчас съем сладкого, и сразу все наладится. — говорю я Алисе. — Проверенный способ.

Розовые блики над рекой гаснут. Опаловый закат уступает место сумеркам. Официант приносит нам легкие клетчатые пледы и мой заказ.

Разделавшись с непомерно калорийным десертом, жду облегчения. Но оно не наступает. На душе грустно и тоскливо. Леон, Леон. Где ты? С кем? Напиши же хоть два слова!

Вскоре новоявленный пляжный приятель Миланы все таки появляется. Не один, а с другом — с тем самым светловолосым владельцем розовых плавок, который мне приглянулся.

Вот оно, спасение. — думаю я. Но меня ждет очередная шпилька судьбы — блондин с интересом смотрит на Алису. Я остаюсь не у дел. У двух парочек идет активное общение, я же сижу, уставившись в свой блокнот и не понимаю, куда деваться.

— Ну что, девушки, прогуляемся по набережной? — оплачивая наш счет, спрашивает брюнет. Милана сияет от его щедрости.

— Неплохая мысль. — мурлычет она.

— Да, пойдём. — соглашается и Алиса. — Лер, ты как?

Всем понятно, что я — пятая лишняя. С усилием скрыв обиду, ссылаюсь на сонливость и, ко всеобщему облегчению, ухожу.

Бреду домой одна, медленно. На душе скребут кошки. Любимый бросил. Подруги оставили.

Сворачиваю с шумной набережной и иду к дому дворами. Со всех сторон обступают многоэтажки. На скамейках у подъездов сидят компании. Как-то мы гуляли здесь с Леоном, а одна полная дама в цветастом платье вела на поводке малюсенькую собачку. На улице был сильный ветер. Собачка все семенила, а потом остановилась

пометить территорию, задрала лапку, и ее всю ветром снесло, как пушинку. Мы так смеялись...

Невозможно, просто невозможно забыть пронзительный взгляд его зеленых глаз.

Через миг я уже рыдаю. Плачу чуть ли не навзрыд. Спрятаться бы где-нибудь сейчас и выплакаться. Как на зло, всюду во дворах людно. Потому, вся в слезах, продолжаю идти. Прячу мокрые глаза за поднятой рукой, делая вид, что то и дело поправляю волосы.

Леон, ну как мне вырвать тебя из сердца? Как забыть все, что было?

Я смотрю в темнеющее небо, на котором видны всего две звезды. И снова как ножом по сердцу. Когда-то на Новый год Леон подарил мне звезду — назвал ее в мою честь. У меня где-то даже хранится сертификат в красивой рамке. Благодаря моему потерянному любимому, в небе есть звезда с моим именем. Звезда есть, а любимого уже нет.

Глотая слезы, добредаю до дома. Захожу в огромную пустую квартиру. С грохотом закрываю за собой дверь. Наконец-то меня никто не видит.

Залетаю в комнату, бросаюсь на никчемно огромную кровать.

Я совсем одна, и мне уже целых тридцать лет.
— С днем рождения, крошка. — всхлипываю я.

Кладу на колени подушку и утыкаюсь в нее

лицом. Подушек много, на все слезы хватит. Вот и отлично. Рано или поздно любой девушке необходимо выплакаться.

16

Утром я просыпаюсь с опухшим лицом, без настроения. Какая там новая жизнь! Тут бы с той, что есть, справиться. На кухне слышится движение, звуки переставляемой посуды. Слышно, как подружки переговариваются между собой в пол голоса.

Смотрю на часы — 8.30. Что они там делают в такую рань? Только вернулись, что ли? Вещей их в спальне нет — похоже, ночевали в гостиной на диване.

Я решаю, что совершенно вправе на них обижаться. Бросили меня вчера в таком состоянии! И что это они там шепчутся? Почему меня не будят? Может, теперь у них свои планы, которые меня не касаются?

Я надуваю губы и иду в ванную. Специально долго там сижу — мою голову, умываюсь. Прикладываю пригоршни холодной воды к глазам, чтобы были не такими опухшими. Когда чувствую, что прошло достаточно времени, чтобы подружки при желании могли улизнуть из дому, выключаю воду. Прислушиваюсь. Музыка играет — телевизор

включен. Значит, не ушли.

Я вздыхаю и выхожу из ванной, собираясь снова вернуться в спальню и сидеть там в осаде. Каково же мое удивление, когда прямо перед собой вижу два симпатичных личика с виноватыми улыбками.

— Лерчик, ты прости нас, свинюшек! — бормочет голосом маленькой девочки Милана.

— Мы некрасиво поступили вчера. — подхватывает Алиса, отводя глаза. — И нас теперь мучают угрызения совести.

— Неужели? — приподнимаю я брови, хотя в душе мигом оттаиваю. Я как надуваюсь быстро, точно так же и сдуваюсь, стоит меня по шерстке погладить и прощения попросить с таким вот раскаянным видом.

— Да. — кивает Милана. — Нам тебя очень не хватало. И ничего хорошего из вчерашней прогулки не получилось.

— Вот именно. Мы только шли и друг другу с Милашей говорили — как плохо, что нет Леры. — добавляет Алиса.

— Ну вот, будете знать, как подругу оставлять. — нравоучительно говорю я, но тут же улыбаюсь. — Ладно, я уже помудрела — тридцатник все-таки, так что я не обижаюсь. И вообще, на обиженных балконы падают.

Девчонки обнимают меня с благодарными

улыбками.

— Но с вас, как с провинившихся, завтрак. — заявляю я.

— Договорились!

Милана тут же распахивает передо мной дверь кухни.

— Вот, принимай в качестве извинения. — торжественно объявляет она.

Я захожу, осматриваюсь. Кухня сияет чистотой. Девчонки выдраили и холодильник, и плиту, и даже микроволновку. В вазочке стоят кремовые розы. А на столе ждет завтрак — кофе, круасаны, масло, сладкие творожки, дольки зеленых яблок и печенье с изюмом.

— Ну ничего себе! И даже цветы! — только и могу вымолвить я. Мне уже ужасно стыдно за мою обиду и злобные мысли. Пока я там все утро дулась и злилась, они тут все вычищали, еще и за свежими круасанами и прочими вкусняшками сбегали.

Мы усаживаемся на дорогие стулья с высокими спинками за большой стол из светлого дерева, красиво сервированный к воскресному завтраку.

— Ну, рассказывайте. — добродушно говорю я.

— Ой, Лер, что там рассказывать. Через 15 минут с начала прогулки этот Коля, ну который черненький, поняла? Так он спрашивает —

девчонки, а как вы относитесь к тому, чтобы сейчас поехать к нам в гости? — возмущенно рассказывает Алиса.

— М-да. Ну а вы что? — спрашиваю я, намазывая маслом хрустящий круасан.

— Да что, сразу отказались. Как это уже надоело! Всем только и надо развлечений на одну ночь. — раздосадовано говорит Милана и делает глоток своего любимого кофе с молоком.

Я сочувственно вздыхаю. Так им и надо, конечно, раз пошли без меня, но все же это несправедливо. Окидываю взглядом подруг. Обе, как всегда, хорошенькие. Алиса в розовом спортивном сарафанчике — ну как девочка! На Миланке — легкое платьице в васильках, которое так идет к ее по-утреннему пушистым волосам. И еще, кажется, она успела сделать свежий маникюр. Ну как таких красоток можно пропустить?

И тут же проносится смешная мысль — видимо, если у тебя ухоженный вид, тебя хотят заполучить только на ночь. Значит, нужно перестать выглядеть так уж ухоженно — может, тогда быстрее замуж получится выйти? Я вон вечно маникюр не успеваю сделать и с макияжем не особенно заморачиваюсь, и все-таки была почти замужем.

— А что мы улыбаемся? — спрашивает Милана.

— Да так, очередная дурацкая теория. — говорю я. Подумав, беру еще один круасан. Сегодня же воскресенье, можно. А худеть начну с завтрашнего дня. С понедельника. — Теория о том, что когда слишком хорошо выглядишь, сложнее вызвать серьезные чувства. Дико звучит, да?

— Нет. Наоборот, ты права, наверное. — отзывается Алиса, доливая себе кипятка. — Я на работу все время хожу на шпильках, всегда юбочки, платица, макияж — и хоть бы кто, Лер, хоть бы кто на нормальное свидание позвал! А Эдик, ну тот, помнишь, которого я поначалу отшила, а потом он стал замдиректора? Он же тогда еще стал с Ирккой встречаться. А она толстая, страшная, из деревни какой-то приехала. Так у них свадьба скоро!

— А у меня на работе! — подхватывает Милана, подвернув под себя ноги, и берет чашку с кофе. — Мой начальник — это вообще редкий кадр. У него одновременно три любовницы! Причем все модельной внешности и ухоженные — маникюр, макияж, укладка каждый день. Так он все равно любовниц меняет раз в пол года. А жена, которая не особо красивая и не особо молодая, сидит дома, с ребенком. Он ее обеспечивает, машину ей купил, на отдых за границу отправляет регулярно.

— Ну, и какой вывод, девочки? — спрашиваю я, еще смелее откусывая круасан. — Можно не

сидеть на диетах и ходить в чем попало, тогда и принц свалится с неба на голову?

Алиса пожимает плечами.

— А с другой стороны, Лер, иногда иду с работы по центру и вижу шикарных мужчин, на каких они джипах приезжают, и какие из этих джипов выходят женщины. Вот, понимаешь, настоящие женщины! Стройные, ухоженные. Дорого одеты и шлейф духов по всей улице. И что-то толстых и уродин я с такими мужчинами и в таких авто ни разу не видела.

— Ой, девчонки, не знаю. — вздыхаю я. — Не знаю даже, что и сказать. Я давно не искала мужчину. Не знаю, что сейчас мужчинам от женщин надо — красивая фигура, или уверенность в себе, или ухоженный вид, или счет в банке. И вообще, надо думать о том, что нам, женщинам, нужно. — заявляю я. Делаю глоток кофе. — Надо устанавливать свои правила. Почему это мы считаем, что обязаны быть стройными и всегда со свежим маникюром, а они уже даже не считают своим долгом нас ни обеспечивать, ни покорять? Я вот читала недавно интервью с главным редактора мужского глянца. Так вот, этот кобель говорит открытым текстом — «Я современный мужчина при деньгах и отлично устроен по жизни. Телок ко мне — целая очередь. Я живу с топ-моделью уже пять лет, но разговоров о браке у нас не возникает,

потому что она сама все понимает. Только вот просит завести ребенка — для себя. Я пока думаю, что ей ответить». Представляете? Это же ужас какой-то! Видите ли, она сама все понимает, мол, что о браке и речи быть не может. То есть, модель эта тратит на него свою молодость, прекрасно зная, что как только красота ее начнет увядать, он ее просто выкинет и заменит на девочку помоложе. И тем не менее просит у него родить для себя самой ребенка. А он раздумывает. Какое кощунство! С обеих, причем, сторон.

— Кошмар. — Миланка гневно ставит чашку на стол.

— Может, идеи равенства и пошли от самих женщин, но я так смотрю, мужчины от этого равенства только выигрывают и радостно с ним соглашаются. — возмущенно продолжаю я и в знак протеста беру третий круасан.

— Это точно. — кивает Алиса. — У моей тети, например, муж спокойно сидит на шее уже лет десять, и все это время жалуется на жизнь. Работа его никакая не устраивает, и дома он вечно не доволен. Знакомых считает дураками. Все ему не так. А тетя должна его и успокоить, и подбодрить, и дома все устроить — чтобы и кушать было, и убрано, и у детей все было нормально, при том, что сама работает иногда и до восьми, и до девяти.

— Но он, наверное, все равно считает себя

главой семьи, еще и голос позволяет себе повышать? — предполагаю я.

— Конечно. — кивает Алиса. — Милан, еще кофе?

— Мне тоже! Только сливок побольше. — прошу я.

Мы все берем по творожному сырочку и начинаем их уплетать, запивая бодрящим кофейком.

— Ну, раз уж мы с мужчинами практически поменялись ролями, так может и действительно начать поступать как они? — предлагаю я. — Гулять на право и на лево, особо не заботиться об их чувствах, думать только о себе и жить в свое удовольствие. И зачем эти серьезные отношения? Верность, преданность плюс уборка и готовка, а в ответ — скандалы и недовольство, еще и измены. В самом деле, взять все и поменять местами. И посмотреть, что будет.

— Я — за. — тут же соглашается Алиса, чья воинственность так не сочетается с нежными белокурыми локонами, обрамляющими милое лицо. Да уж, ее как никого мужчины разочаровывали очень много раз.

— Все, договорились. — выпаливаю я. — С этого дня — крест на серьезных отношениях — по крайней мере, хотя бы на год, пока нам тридцать. И гуляем по полной, чтобы этот год запомнился,

чтобы сбылись все наши мечты, и чтобы никакой гад ничего не испортил. — Я поднимаю чашку. Девчонки следуют моему примеру, и мы с ними чокаемся. — Вот только жаль, что вы сегодня уезжаете. С кем же мне идти в бой? — скорбно спрашиваю я.

— Прибереги силы до поездки на море. — советует Миланка. — А пока решай другие проблемы. Ты еще не искала жилье?

— Ох, а я и забыла уже. — я со вздохом откидываюсь на спинку своего роскошного стула. Я уже так привыкла к этой красивой просторной квартире. Даже представить страшно, какой уют мне удастся найти на мои финансовые возможности. — Завтра же займусь этим вопросом. До поездки на море нужно переехать. А потом будем давать жару. Оттянемся по полной! — с воодушевлением заключаю я.

Милана хлопает в ладоши.

— Класс, класс, класс! Как в старые добрые времена! А то я тебя уже без твоего Леона и не представляла.

Моя улыбка меркнет, но лишь на миг. Нет, Леон, хватит. Боль эту я заперла, а ключ выбросила. Ты и пальцем не пошевелил, чтобы не дать мне уйти. Значит, и я не должна держаться за надежду тебя вернуть.

— Да, девчонки, все будет круто. Какие там

тридцать лет! Держись, Крым! — нараспев приговариваю я и берусь за дольку яблока.

— Главное теперь — дожить. Еще целых полтора месяца. — вздыхает Алиса.

— Ну ничего, самое приятное в поездке — это ее ожидание. — говорю я весело. И мне действительно становится весело и хорошо на душе, впервые за столько времени. И все благодаря одной мысли о море.

Черное море — моя любовь навеки, и ожидание скорой встречи с ним — лучшее, что может быть. Еще и в компании любимых подружек.

С этой минуты у нас только и разговоров, что о море. Мы обсуждаем, как лучше искать жилье, сколько брать с собой денег, какую одежду и обувь. К концу завтрака у нас уже гора планов на отдых, и хочется прямо сейчас бежать собирать чемоданы.

— А главное, девочки, чтобы у каждой случился курортный роман! — провозглашаю я под конец. — Именно курортный, без обязательств. У меня, кстати, ни разу в жизни еще такого не было. Слушайте, что я вообще делала все эти тридцать лет?

— Значит, теперь будет. — обещает Милана.

— Ловлю тебя на слове. — улыбаюсь я. — Кто-нибудь хочет еще кофе?

Воскресный вечер.

Подруги уехали, я осталась одна. Хотя нет, не одна — вместе со своим тридцатилетием. Вот уж спутничек на целый год. А дальше — еще хуже. 31, 32... Да уж, теперь я дама в летах.

Нет, говорю я себе, а как же моя идея с новым совершеннолетием и все то, что я так воодушевленно втолковывала девчонкам? Надо просто себя перенастроить. Как говорится, не можешь изменить ситуацию — измени свое отношение к ней.

— Я буду радоваться своему тридцатилетию, — решаю я. — И достигну таких высот, о которых другие и в двадцать уже не мечтают. Например, научусь, наконец, играть на пианино, танцевать хип-хоп, пойду в поход в горы... Да я столько всего теперь сделаю! И пусть кто-то хоть пикнет о моем возрасте!

— Что-то много я болтаю, пора бы уже что-нибудь и сделать. — одергиваю я себя.

Расставив чистую посуду по местам, усаживаюсь за стол, открываю свой блокнот. В нем два списка желаний. Короткий — из четырех пунктов — с глобальными, но вполне реальными желаниями и длинный из 24 пунктов с дурацкими и практически неосуществимыми мечтами. С

улыбкой перечитываю второй список. Помимо желания обзавестись собственной звукозаписывающей студией, здесь числится мечта купить голубой «Ягуар», который я однажды видела в витрине автосалона на Петровке, а еще желание поужинать с Леонардо Дикаприо и съездить в Диснейленд.

— Этот список нельзя показывать никому. — говорю я себе, посмеиваясь.

Двадцать четыре желания — это, конечно, хорошо. Но в умных книгах пишут, что важно сконцентрироваться самое большое на трех целях. Тогда их достижение будет вполне реальным.

Перевожу взгляд на первый wish-list. По порядку в нем перечислены Замужество, Творческая работа, Море, Новое жилье. У слова Море стоит плюсики. Замужество, учитывая мои пламенные речи, откладывается по меньшей мере на год. Значит, на сегодня моей главной целью является получение новой работы, а также поиск недорогого, и, по возможности, достойного жилья.

— Вот этим и займемся, — решаю я. — А уж после начнем копить на «Ягуар».

Новая работа. Да, она нужна мне и в моральном, и в финансовом плане. Но кем же мне

устаиваться работать, если хочется только музыки?

Вечер перетекает в ночь, а я все сижу на кухне со своим блокнотом, все думаю, размышляю, поглядывая в окно на редких прохожих.

Всю жизнь я хотела быть певицей. Но долгое время не понимала, что для этого нужно еще и что-то делать. В детстве мне казалось, нужно просто вырасти, и все получится само собой. И лишь в зрелом возрасте я узнала, что для сцены как минимум нужно музыкальное образование и поставленный голос. Помню, очень удивилась, когда узнала, что пению учатся. Я-то думала, что человеку либо дано петь от природы, либо нет. А оказалось, даже истинно талантливые певицы учатся петь по пять-шесть лет в консерваториях, а потом еще и периодически берут частные уроки по вокалу.

Не помню, когда у меня случилось первое прозрение. Но помню, как. Это был шок. Я же все упустила! — вдруг осознала я. — Время, шансы. Пока талантливые детки сидели над клавишами и нотами дни напролет, я беззаботно прыгала «в резиночки» на улице, гуляла с подружками. Пока начинающие артисты ездили на конкурсы и фестивали, я отдыхала на даче или на море. Да, у меня было беззаботное счастливое детство. Но оно закончилось. Время ушло. А мечта осталась заброшенной.

Пожалуй, я могла бы все исправить в старшей школе, когда уже осознала свою мечту. Но случилась первая любовь. И у меня впервые появилась своя компания друзей. Вечера и выходные были заполнены прогулками, посиделками во дворах, забавными затеями. По сути, я как та стрекоза из басни Крылова — провела огромное количество времени в сиюминутных удовольствиях, гуляниях. А потом как-то неожиданно настала «осень» — пора моей зрелости. Пора, которую с детства мы себе представляем в виде безграничной свободы выбора и действий, а в итоге получаем совершеннейшую противоположность — замкнутый круг работа-зарплата-затраты. И беготня по этому кругу съедает все время. Удастся лишь выкроить недолгие часы для любви, если повезет ее отыскать в водовороте взрослой жизни, полной условий, ограничений, обязательств и цинизма.

На музыку уж точно времени нет. Или это очередные отговорки?

Не знаю. Очень сложно понять, могу ли я во взрослой жизни приступить к исполнению детской мечты. Хочу ли я действительно, чтобы она сбылась? Или мне просто нравится время от времени думать о ней?

Сложно. Все это сложно.

Чего я в самом деле хочу? И многого, и

неясно, чего конкретно. Но уж точно не хочу жить так, как жила до этого. Просто, обычно, буднично. Нет. Хочу великих свершений. Хочу праздников. Хочу преодолевать себя и покорять вершины. Жить на полную.

Музыка? Да, я ее хочу. Все-таки хочу. Мне страшно. Это детский страх. Я боюсь, что не потяну, не смогу, не пойму, не научусь. Что время ушло, и с ним ушли мои способности, осталась их жалкая тень. Боюсь насмешек тех, кто узнает, что в тридцать лет я собралась заниматься музыкой. Боюсь нерадивых преподавателей, неправильных уроков. Боюсь разочароваться в том, что всегда было для меня недостижимой божественной сущностью. Боюсь познать музыку и не достичь в ней успеха. Наверное, именно в этом суть всех моих страданий и сомнений. Сожаления об упущенных возможностях — лишь прикрытие этого страха и оправдание дальнейшего бездействия. Вот оно! Я поняла!

Судорожно вздыхаю. Я ошеломлена этим открытием. И в то же время рада ему. Я и правда выросла, повзрослела. И теперь могу себе признаться даже в таких тонких, скрытых от себя же самой, чувствах. А значит, теперь я смогу больше себе доверять, быть с собой откровенной. Это обязательно поможет мне стать лучше. Должно помочь.

Раз на то пошло, можно поговорить с собой начистоту.

Кто я? Самая ordinaria женщина. Никогда не хватала звезд с неба, не возглавляла ни одно движение, не была лидером или вообще сколько-нибудь заметной личностью. Говорят, каждый человек втайне считает себя особенным и лучшим. Я тоже всегда так о себе думала. Была уверена, что со мной однажды произойдет что-то волшебное. Мне на голову свалится богатство, успех, слава. Меня все будут любить. Я буду на самой вершине.

Теперь мне тридцать и я в курсе, что ничего такого со мной не случится. Потому что ни с кем не случается. Если прочесть биографию любой знаменитости, сразу становится видно, из скольких побед над собой и поражений, депрессий и воскрешений из пепла, стараний, разочарований и волевых усилий складывается любой, даже небольшой и не продолжительный успех. Само по себе ничего не происходит. Теперь я готова принять эту правду жизни. Раньше отмахивалась — мол, это все придуманные слезливые истории для поднятия рейтинга знаменитостей. А на самом деле некоторым просто везет, и все у них получается просто так.

Какой же глупой и недаленовидной я была. Какой поверхностной!

Но теперь я знаю, что любой путь — сложный, и требует огромных усилий. И я готова работать над собой и идти к успеху, сколько бы времени и сил не пришлось на это потратить.

— Малыш, какая разница, сколько тебе лет! — говорю я, закрыв глаза. — Главное — ты уже поняла свои ошибки. Это немаловажно. Некоторые всю жизнь проживают, так ничего и не осознав. А ты все еще красавица, и умница. Ты — в расцвете сил. Весь мир открыт для тебя! И неважно, что многое упущено. Ошибки учли и сделали выводы. Теперь начинаем действовать!

Я взлохмачиваю волосы, невероятно взбодрившись. Встаю, наливаю себе молока, ставлю его подогревать. С чашкой чего-нибудь горячего в руке как-то приятнее сидеть и вершить свою судьбу.

Вскипятив молоко, наливаю его в любимую винтажную чашечку кремового цвета — подарок двоюродного брата на прошлый день рождения — и снова берусь за блокнот и ручку.

— Итак, что я из себя представляю в профессиональном плане? — спрашиваю я вслух.

На данный момент я работаю менеджером по рекламе, хотя в основном выполняю функции секретаря и продавца. Так уж работают столичные шарашкины конторы, величающие себя фирмами и

компаниями — никакого штатного расписания. Устраиваешься на работу рекламистом, а в итоге делаешь работу кого угодно, кроме той, на которую тебя взяли. Уже который раз со мной такое! На первую работу, еще в Сумах, помню, меня взяли тоже рекламой заниматься, а по сути я стояла у ксерокса и делала копии. Потом, уже в столице, я устроилась в концертное агентство, ожидая встреч со знаменитостями. В итоге сидела на телефоне и оформляла какие-то договора, еще и всучивала людям бессмысленное участие в церемонии награждения торговых марок, которую будто бы когда-то покажут по телевизору. Потом даже была бренд-менеджером глянцевого журнала. Только вот о журнале этом никто и слыхом не слыхивал, а я не брендом занималась, а побиралась по ресторанам, упрашивая, чтобы нас бесплатно пустили устроить дегустацию сигар, еще и при этом хоть немножко накормили гостей — и все за малюсенькую рекламную фотографию с адресом ресторана в этом самом никому не известном журнале. В общем, где бы я ни работала на так называемой околотворческой работе, всюду видела сплошное надувательство.

В моей нынешней компании все, по крайней мере, честно. Наверное, потому я и работаю здесь уже целый год, что для меня беспрецедентно долго. Мы продаем неплохую продукцию для

автомобилистов и сотрудников ГАИ. Да, гламура никакого. Так далеко от творческой среды, как на этой работе, я еще не была никогда. Но так уж вышло, что в стране год назад случился очередной экономический кризис. Меня как раз уволили из никому не нужного глянца, и я почти месяц не могла найти работу, сколько ни пыталась. На мои резюме просто никто не отвечал. Когда же в этой невзрачной конторе меня приняли с распростертыми, я была счастлива. Смотрела на все сквозь розовые очки. Ехать на работу больше часа? Какая разница! Есть же плеер и журналы. Офис находится в старой трухлой пятиэтажке и остро нуждается в ремонте? Да подумаешь, и не такое видали. На голову же не сыпется ничего, и то хорошо. Помимо работы по рекламе придется отвечать на звонки? Да мне не тяжело, буду отвечать. И так далее, и в том же духе.

Прошло пол года, и моему рабочему запалу, как и моему ангельскому терпению пришел конец. Мало того, что работать мне приходится за троих, так еще и директор, которому уже за шестьдесят, помимо мании величия начинает страдать склерозом. Например, может задержать выдачу зарплаты на неделю, а на справедливый гнев работников ответить искренним негодованием — мол, как, вы же уже получили зарплату, что вы выдумываете? В последнее время вообще начались

странные проверки. Так, однажды директор под видом клиента скинул на рабочую почту заказ. Я тут же позвонила по указанному номеру, чтобы уточнить детали. И что я слышу! Застигнутый столь скорым звонком врасплох, шеф изо всех сил пытается изменить свой голос и даже добавить какой-то акцент, чтобы я его не узнала. Опешив, обсуждаю с ним количество и сроки поставки товара и не понимаю, разоблачать его или сделать вид, что купилась на этот дешевый спектакль. В итоге я все же промолчала. Но эта смешная проверка наконец-то заставила меня задуматься — а что я, собственно, здесь делаю? Я же неплохо знаю английский, у меня опыт в рекламе и маркетинге. И вообще, я начитанная, творческая личность с высшим образованием и амбициями. Да я уже должна быть начальницей в какой-нибудь международной компании. А я где? И что меня здесь ждет через год, через два?

Прозрение наступило так внезапно, что я даже удивилась сама себе. Вот как затягивает эта рутина, эта повседневщина. Себя забываешь, цену себе уже не знаешь и постепенно, неосознанно понижаешь себя до окружающей обстановки. Еще немного, и дороги назад уже не будет.

Наверное, все это я где-то внутри понимала и раньше. Но просто ленилась снова искать новую работу, ведь снова пришлось бы адаптироваться в

новом коллективе, привыкать к новому руководству. А может, и не в этом даже суть, а в том, что я жила одним Леоном. Приходила каждый день на работу с мыслью — побыстрее бы отработать очередной день, добраться домой, дождаться Леона и нырнуть к нему под крылышко. Он выслушает, поцелует, погладит мои волосы, и все станет хорошо. И ни о какой работе, ни о каких проблемах думать не хотелось. Мы постоянно ездили в интересные поездки на праздники и выходные. Только о путешествиях и мечтали. О карьере никто из нас не задумывался.

А теперь... Теперь Леона рядом нет. Теперь я сама по себе, прятаться негде, не за кем. Поэтому пора все менять. Думать о будущем, о деньгах, о положении в обществе.

Значит, решено? Увольняюсь?

Я делаю глоток молока, рисую в блокноте какой-то цветок, пока в голове роятся мысли. Потом отвечаю сама себе.

— Не так быстро, детка. Уволиться никогда не поздно. Сначала жилье найди и достойную альтернативу нынешней работе. А потом уже можешь громко хлопнуть дверью.

Да, с этим решено. После поездки на море бросаю все силы на поиски новой работы.

— Отлично. — я делаю пометки в блокноте. — Так, со всем разобрались, кроме

замужества.

Машинально бросаю взгляд на буфет. Там еще, кажется, остался сливовый ликер. Может, напиться, в конце-то концов? После недолгих колебаний, встаю и наливаю немного густой жидкости в бокал. Выпиваю. Приятное тепло и сладость напитка меня утешают. Час откровений с собой продолжается.

— Я люблю его. Леон, я люблю тебя! — признаюсь я вслух, наливая в бокал еще немного ликера. — Мы так глупо разошлись, просто глупо! — бормочу я, вздыхая. — Я ему говорю — раз я тебе не нужна, так может я вообще уйду? А он мне — ну давай, вперед. И я уйду. А он ничего не сделал, ни-че-го-шень-ки!

Снова пью. Ноги и руки постепенно становятся ватными.

— И ладно. И ладно. — приговариваю я. — Он — не один на свете. Мужчин — их же полно! Все. Серьезных отношений — ни-ни. Теперь я буду, как они. Буду гулять. Раз им не нужны серьезные, я и не буду серьезной. Не нужна мне их так называемая любовь. Просто хочу мужчину, чтобы у него были сильные руки. Вот и все.

Ликер очень скоро делает свое дело — у меня начинают слипаться глаза.

— Пожалуй, пора спать. — заключаю я.

О столь многом передумала за сегодня, голова

идет кругом. Прошлое, будущее, любовь, мое одиночество. Не настолько я взрослая, чтобы разобраться со всем этим. Но я буду стараться.

Нетвердой походкой иду в душ, с трудом сдерживая желание что-нибудь очень громко спеть.

19

Понедельник. Утро.

Утро понедельника.

Лечь бы полежать, и чтобы никто не трогал. А я то думала, что ликер — это безобиднейшая вещь.

Добираюсь на работу на автопилоте. Утренний свет режет глаза. Меня немного мутит. И, как назло, именно сегодня у директора родилась идея явиться в офис ни свет, ни заря, чтобы отчитывать каждого опоздавшего, в число которых, по обыкновению, вхожу и я.

— Валееерия, ну с добрым утром! — провозглашает он, выходя из своего кабинета, как Эркюль Пуаро, готовый мило поведать всем, кто на самом деле убийца. Обреченно закрыв за собой входную дверь, я смотрю на часы. Пол десятого.

— С добрым утром, Павел Андреевич. — скорбно говорю я. Нет даже смысла оправдываться. Опаздываю я постоянно, и все объяснения уже заезжены по десятому кругу.

— А спасает тебя только то, что ты, как я

слышал, у нас именинница! — хитро улыбается директор.

— Да. — вздыхаю я. — Тридцать лет мне стукнуло, представляете?

— Прекрасный возраст. — просвещает меня шеф.

— Вы — первый, кто такого мнения. — говорю я невесело, прохожу к своему столу и вешаю сумку на стул.

— Думал я сегодня устроить вам всем взбучку, но раз у тебя праздник, перенесем на завтра. — говорит Павел Андреевич не без удовольствия, так и маяча у двери. Видимо, еще не все опоздавшие пришли.

— В смысле взбучку? По поводу? — я включаю компьютер и принтер.

— А ты не догадываешься? — тут же заводится шеф. — Продажи упали за последний месяц в два, нет, в три раза! Отдел продаж байдыки бьет с утра до вечера. Возвраты идут один за одним. Мы так скоро вылетим в трубу! Все! — чеканит директор свою явно заранее подготовленную речь. Уверена, он все выходные планировал и предвкушал предстоящий разбор полетов. — Ну, обсудим это завтра. А сегодня — поздравляю!

И, очень довольный собой, директор идет в кабинет бухгалтерши, чтобы, по старой традиции, в честь начала новой недели задать ей жару.

— Злобный старый вампир, — шиплю я про себя. Это обещанием разборок он решил всех приободрить с утра? Срочно, срочно отсюда бежать! Как можно скорее.

Сказано — сделано.

Вместо того, чтобы работать, я наскоро обновляю свое припавшее пылью резюме и целый день тайком перебираю вакансии на сайтах по поиску работы.

К обеду спину уже ломит от напряжения, а в глаза будто песка насыпали. Убегаю на улицу. Привычно иду в соседний запущенный двор на старую детскую площадку с облупившейся краской. Усаживаюсь на нагретую солнцем скамейку и подставляю лицо лучам. Хоть какое-то спасение от сырости и холода нашего жалкого офиса. Даже летом в нем, как в каком-то погребе.

В голове сплошная сумятица. За пол дня я пересмотрела, кажется, тысячу вакансий и сайтов организаций, в которых была бы не прочь поработать. Особенно въелись в память фотографии с сайтов престижных международных компаний. На них словно одетые стилистами сотрудники сидят в шикарных офисах на белых диванах, рядом с которыми на стеклянных столиках стоят чашки с капучино и корзинки с выпечкой. Есть фото сотрудников и с корпоративных мероприятий в загородных клубах, и даже на заграничных

курортах. Мне такая роскошь и не снилась. А чем, спрашивается, я хуже? Разве у меня меньше способностей и знаний, чем у людей, довольно глядящих с этих показушных фото?

Нет, не меньше. Просто от отчаяния после долгих и безрезультатных поисков работы во время кризиса я была рада устроиться хоть куда-нибудь. Не могла я сидеть на шее у родителей Леона и не спеша подыскивать себе хорошее место. Так что нет смысла ни о чем жалеть. Просто теперь буду умнее. Не стану спешить соглашаться на должность, пока не удостоверюсь в наличии радужных перспектив. Тем более, кризис, вроде бы, поутих.

Примирившись с собой, сижу и мечтаю, как уже совсем скоро устроюсь в красивый современный офис и буду заниматься творческой работой. Например, праздники организовывать. Крупные event-агентства зарабатывают на этом огромные деньги. Хотя, я бы лучше сама выступала на сцене, а не продавала услуги артистов клиентам.

Интересно, как живет среднестатистическим певицам и танцорам? Тем, которые не стали настоящими звездами. Хватает ли им заработков на жизнь? Или концертные наряды и музыкальные инструменты — это все, что есть у них за душой? Какие, должно быть, это смелые и целеустремленные люди. Не каждому хватит воли и

сил отстоять свою мечту жить и зарабатывать искусством. Наверняка многим из них родители в детстве говорили — не глупи, какие танцы, какие песни? Иди учиться нормальной профессии, зарабатывай деньги! А они не послушались и пошли к своей цели. Возможно, страдали ради нее, терпели лишения.

А готова ли к жертвам во имя музыки я? Согласна ли тратить все с таким трудом заработанные деньги на дорогие уроки по вокалу, аранжировки и запись в студии, а все свободное время, которого и так практически нет, на обучение нотной грамоте, отработку вокала и репетиции?

Вряд ли. В тридцать лет женщине уже порядком надоедает отказывать себе в прелестях хорошей жизни. Мне хочется обувать утром дорогие туфли, выходить в них из собственной просторной квартиры с дизайнерским ремонтом, садиться в роскошное авто и ехать в центр столицы, где в ультрасовременном офисе личный секретарь уже готовит для меня чашечку любимого кофе со сливками. Я уже хочу руководить, причем красивыми и умными людьми, которые понятливы и исполнительны. И чтобы благодарные клиенты слали мне на праздники подарки в виде дорогих духов и дизайнерских сумочек, а партнеры приглашали на многочисленные вечеринки, презентации и after party.

Вот чего я хочу. Вот какой я себя вижу.

— Как же хочется красивой жизни! — восклицаю я, но тут же горько усмехаюсь. Да, просто смешно мечтать обо всем этом, сидя на облезлой скамейке во дворике на окраине столицы. Гораздо проще представить себя бедной, но счастливой певицей. Но и здесь не все так просто. Ни эксклюзивного голоса, ни умения играть на каком-нибудь музыкальном инструменте у меня нет. Кто же меня на сцену пустит?

Увы, вынуждена признать, что все мои активы — это провинциальное высшее образование, опыт работы в нескольких столичных шарашкиных конторах и чувство юмора. Но с таким сомнительным резюме путь в международные компании, равно как и на большую сцену, мне заказан.

Полная печальных мыслей, иду назад в офис, с унынием глядя на кирпичные стены окружающих меня старых пятиэтажек.

Настроение портится еще больше, когда после светлой улицы захожу в затхлый серый офис. Иду к своему столу, тускло освещенному неоновой лампой. А самой хочется схватить вещи и просто уйти отсюда. Навсегда.

Мой взгляд невольно скользит по облезлым стенам с потрескавшейся штукатуркой. Все с

обстановке нашего офиса просто кричит о необходимости капитального ремонта. С брезгливостью смотрю на старый шкаф с кучей пыльных папок, на свой дешевый стол из ДСП и на древний, умоляющий об уходе на покой монитор.

Не выдержав, встаю со своего скрипучего стула с поломанной спинкой и бегу в комнатку, выполняющую в нашем офисе функцию магазина. За прилавком, как всегда, сидит Наташа — симпатичная блондинка. Ей тридцать три. Выглядит она всегда ухоженно и очень женственно, что для такой дыры, как наш офис, даже кажется не слишком уместным. Но Наташа работает здесь временно, пока на своей основной работе официально находится в декрете.

— Натали, ну что, может по кофейку? — спрашиваю я, плохо скрывая набежавшую тоску.

— Давай. — улыбается она, отвлекаясь от монитора компьютера.

Я включаю пожелтевший от времени пластмассовый электрочайник. Стоит ли говорить, что кофеварки у нас в офисе нет.

— Натик, слушай, вот ты мне скажи! — начинаю я, протягивая ей чашку с кофе. — Что мы с тобой делаем в такой дыре?

Наташа, приглаживая свою короткую стрижку, посмеивается.

— Ой, Лера, ну а что, нужно же копейку

заработать. — вздыхает она.

— Вот именно! Копейку! — восклицаю я, опершись о стеклянный прилавок, в котором громоздятся мигалки и жезлы для гаишников. — Кто-то за месяц на новую машину зарабатывает, сидя в шикарном офисе в центре. А мы! — я обвожу рукой пространство вокруг себя. — Здесь же капремонт нужен! И вообще, что это за офис-магазин в подъезде жилого дома?

Наташа смеется, глядя на меня весело и умиротворенно. По большому счету, ей нет дела до судьбы нашей конторы. Она здесь ненадолго, просто решила подработать, пока не выйдет из декрета. Живет неподалеку, ребенок — в садике через дорогу. Уходит на больничный без всяких справок — устроена то она здесь не официально. На придирки Павла Андреевича Наташа внимания не обращает. Она вообще не конфликтный человек.

— Ой, Лера, у нас еще не все так плохо. Кругом людей вон вообще увольняют. — вдруг серьезнеет Наташа. — А шеф хоть поругается, зато потом успокоится, и можно спокойно сидеть и заниматься своими делами.

Я с унынием смотрю на скудную витрину, затертый линолеум на полу, окно, заваленное хламом и не мытое, наверное, уже лет сто. Нет, не понимаю, как я до сих пор здесь спокойно работала.

— Это, конечно, да. — я делаю глоток кофе,

пытаясь приглушить чувство тошноты. Меня действительно тошнит от всего вокруг. — Но Наташ, ведь мы тут проводим большую часть своей жизни — на работе. По девять, а то и десять часов в день. Я сегодня посмотрела фотографии сотрудников на сайтах международных компаний. Какие у них офисы! Да там жить можно — и диваны, и аквариумы, и красивые столовые, и кофеварки. В общем, все, что нам и не снилось. А мы чем хуже тех, кто в этих офисах сидит? — возмущенно высказываю я, нервно теребя кончик своей французской косы.

— Ну, кто на что учился. — банально протягивает Натали, помешивая ложечкой сахар в кофе аккуратной небольшой рукой со свежим алым маникюром.

Я хмыкаю.

— Я, например, училась на менеджера по связям с общественностью, а работаю девочкой на побегушках: и секретарь, и администратор сайта, и маркетолог, еще и продавец, когда тебя подменяю. Но зарплату получаю одну, а не четыре. Так зачем мне все это? — я делаю глубокий вздох, пытаюсь успокоиться.

— Что за шум? Что за шум? — в комнатку на все парах врывается Тамара Григорьевна, наш бухгалтер. Мы с Натали ее просто обожаем. Женщине уже давно перевалило за 50, а она вся

светится, вся горит жаждой жизни. Ходит на занятия по восточным танцам, ездит отдыхать на турецкие курорты, ест только здоровую пищу, а главное — почти всегда пребывает в хорошем настроении. Выглядит, само собой, гораздо моложе своих лет. На сорок с хвостиком, а то и меньше. Стройная, красивая, женственная. С лучистыми голубыми глазами и пушистыми русыми волосами. Как по мне, Тамара Григорьевна — идеал женской красоты, да и вообще — мировая женщина. От нее у нас с Наташей тайн нет.

— Ой, Тамар Григорьевна, я тут жалуюсь на жизнь. Вдруг осознала, в какой дыре мы все работаем. У меня в честь тридцатилетия наступило прозрение. — говорю я, впрочем, уже улыбаясь. При виде этого человека невозможно не улыбнуться. Прямо на душе легче становится, когда смотришь в ее светлые глаза.

— Девочки, так а я вам что все время говорю?! — тут же бойко подхватывает бухгалтерша. — Ладно я уже здесь сижу, у меня на носу пенсия. А вы молодые, красивые, здоровые, вам надо бежать отсюда! Бежать! Да и я за вами вслед убегу. — добавляет она решительным голосом. — Вы слышали, как он сегодня орал?

— Знать бы, куда бежать. — говорю я, кутаясь в свой зеленый кардиган. — Будете кофе?

Но наши едва начавшиеся посиделки

прерываются приходом в офис директора. Кот вернулся — мыши по местам.

Возвращаюсь за компьютер. С удвоенным рвением принимаюсь рассылать резюме по всем мало-мальски подходящим вакансиям. И на должность маркетолога, и на должность рекламиста и пиар-менеджера, и на организатора мероприятий. Сейчас мне не до фантазий о певческой карьере. Мне срочно нужно найти хорошую работу в хорошей компании, и, как сказала бухгалтерша, бежать отсюда.

К вечеру я вспоминаю, что нужно заняться еще и поиском жилья. От этой мысли на душе тут же начинают скрести кошки. Но деваться некуда — тетя Миланы вот-вот вернется в Киев. Нельзя злоупотреблять ее гостеприимством.

Со вздохом открываю самый крупный сайт по аренде недвижимости. Снимать целую квартиру я сама не потяну. Придется искать комнату и жить с соседями или хозяевами. С какими-то совершенно чужими людьми. Это ужасно. Но выбора у меня нет.

Подбираю несколько вариантов, начинаю звонить по указанным номерам телефонов. И только и слышу: «комната уже сдана».

Незаметно наступает вечер. В офисе все давно разошлись. Сижу одна, ищу, звоню. За окнами уже начинает темнеть. После двух часов поисков мне

улыбается удача, и я договариваюсь о просмотре комнат сразу в двух квартирах. Хоть какой-то результат. Встречи назначаю на завтра, сегодня уже ни на что нет сил. Скорее бы добраться до огромной мягкой кровати в уютной квартире, которая еще несколько дней будет в моем распоряжении.

Ночью, уже лежа в постели, беру телефон. Верчу его в руках. На всякий случай проверяю журнал вызовов. За сегодня ни одного звонка. Подруги в своих делах, у мамы сейчас полно работы. А больше звонить мне особо теперь и некому.

Подумав еще с минуту, открываю список контактов и удаляю оттуда номер Леона. Мы же теперь друг другу никто. Значит, ему нет смысла оставаться в моей телефонной книге.

Но так горько после этого. Еще долго я смотрю в темноту, не в силах уснуть.

20

— Неужели люди здесь живут? — думаю я, когда наконец-то добираюсь до первой из двух квартир вечером следующего дня. На пустынной улице, отделенной от обитаемой части города промышленной зоной, стоит одинокая пятиэтажка. Добраться сюда можно только на старом

тарахтящем трамвае, который около сорока минут тащится вдоль унылого серого забора.

Как назло, льет дождь, и затянутое тучами небо добавляет уныния и так совсем не привлекательной картине. Стоя у пешеходного перехода в ожидании зеленого света, раздумываю, а стоит ли мне вообще идти в этот дом. Я все равно не смогу здесь жить. Не смогу проделывать изо дня в день этот ужасный путь на трамвае до метро. Но все же любопытство берет верх, и я бреду под зонтом к мрачному подъезду.

Квартира, в которой сдается комната, находится на пятом этаже. Лифта нет. Поджав губы, тащусь на пятый этаж по пыльной узкой лестнице и звоню в обитую потрепанным дерматином дверь.

Мне открывает худенькая девушка лет 22–23. Ее рыжие волосы собраны в маленький пучок, большие серые глаза на бледном лице кажутся какими-то выцветшими.

— Привет. Я насчет комнаты. — говорю я, стараясь не выказать заведомое разочарование.

— Ага, заходи. — просто говорит она и отступает вглубь квартиры. Я вхожу следом.

В «хрущовке» до этого дня я бывала только раз и уже позабыла, насколько это неправдоподобно неприспособленное для жизни жилье. Узенький коридор и микроскопическая прихожая и так могут вызвать приступ

клаустрофобии, но они еще и заставлены какими-то коробками. У стены стоит старое зеркало. Его деревянная рама выкрашена в черный цвет.

— Я — Юля. Вот здесь будем жить мы с тобой, — Юля кивает в сторону зала. Пройдя по коридору, заглядываю туда. Передо мной вытянутая узкая комната, пыльная, полная хлама. Мрачная старая мебель, вытертый, посеревший от времени ковер на полу, низкий потолок и маленькое окно.

— Спать будем вдвоем на диване. — говорит Юля и кивает на небольшой старомодный диван, который, наверняка отпраздновал свое тридцатилетие еще до моего рождения.

— А это комната мальчиков.

Я прохожу мимо зала и заглядываю в комнатку, по размерам больше похожую на кладовку. Здесь поместился один маленький диван, на котором разбросана какая-то одежда.

— Можешь посмотреть ванную.

— То есть, мы будем жить здесь вчетвером? — уточняю я, пытаюсь скрыть легкий шок.

— Да.

Я еще лишь бросаю один взгляд в проем двери ванной. Этого достаточно, чтобы тут же откланяться. Ржавчина, осыпавшаяся штукатурка и грязь. Полный набор.

— Спасибо, — говорю я на бегу ко входной двери. — Я подумаю. Если что, перезвоню.

Выбегаю из подъезда и с жадностью вдыхаю свежий воздух. В страхе оглядываюсь, будто за мной может кто-то гнаться. Быстрым шагом иду к остановке трамвая. Такое чувство, что меня только что чуть не похоронили заживо.

Мне искренне жаль эту девочку Юлю. Видимо, от жизни в таких условиях она и выглядит столь болезненно. Еще пара лет в этой квартире, и от нее останется одна тень.

Когда я возвращаюсь в просторную светлую квартиру миланкиной тети, у меня такое чувство, будто я заново научилась дышать.

Ставлю в микроволновку греться кусок купленной по дороге пиццы и бросаюсь к ноутбуку, чтобы просмотреть почту — а вдруг кто-то откликнулся на мое резюме. Из новых писем только спам. Но это просто невозможно! За два дня я отправила резюме, наверное, на сотню вакансий. Не может быть, чтобы никто мной не заинтересовался.

Сцепив зубы, снова усаживаюсь, открываю сайты вакансий и шлю, шлю свое резюме с впечатляющими, на мой взгляд, сопроводительными письмами. Позже, смакуя любимую баварскую пиццу, просматриваю сайты по недвижимости. Мое внимание привлекает фотография красивого интерьера. Кликаю на

объявление под ней. Сдается отличная квартира в новом доме. Пятнадцатый этаж, огромная застекленная лоджия, вид на реку и парк. Широкая двуспальная кровать и дизайнерский ремонт. Стоит всего то две тысячи долларов в месяц, подумаешь. Нужно просто пойти к шефу и попросить удесятерить мою зарплату.

Я наливаю себе стакан молока и начинаю искать что-нибудь на свой кошелек. Может, все же удастся снять не комнату, а квартиру? Но через пол часа отчаиваюсь. Даже самые «убитые» обшарпанные однокомнатные квартиры на окраине столицы обойдутся в девяносто процентов моей нынешней зарплаты. Вот и весь разговор.

— Не вешать нос. — говорю я себе. — Найду я хорошую комнату. Главное не опускать руки.

21

Следующая квартира ужасает меня еще больше, хотя казалось бы, хуже «хрущевки» без ремонта быть ничего не может. На этот раз район поприличнее, что тут же сказывается на цене. Но я переступаю порог и сразу понимаю, что пора уходить. Стены прихожей замазаны каким-то раствором, который уже растрескался. Похоже, когда-то планировался ремонт, но до поклейки обоев дело так и не дошло. На полу лежит

отживший свое линолеум в пятнах старой краски. Сопровождающий меня брокер проходит в комнату, которая сдается в аренду. Со вздохом, иду следом и оказываюсь в маленькой проходной комнатухе. Здесь стоит допотопная железная кровать, старый стол и выдавший виды стул. Единственным украшением комнаты служит вид из небольшого окна на пестреющий далеко внизу проспект, заполненный машинами.

Следом за нами входит хозяйка, шаркая тапочками по полу. Эта пожилая женщина, судя по ее взгляду, плохо понимает, что вообще происходит. Может, она уже и не помнит, что сдает комнату? — думаю я. Такое бывает со старыми людьми, увы.

Когда брокер объясняет, зачем мы здесь, бабушка неуверенно улыбается. Она провожает нас на кухню и в ванную. Все в аварийном состоянии.

Я благодарю ее за прием и выскакиваю из квартиры. У лифта дожидаюсь брокера.

— А других вариантов у вас нет? — спрашиваю я.

Женщина куда-то звонит, потом качает головой.

— Другие варианты намного дороже.

— Что ж, будем искать. — отвечаю я и бегу по лестнице вниз, не дожидаясь лифта.

Это всего лишь вторая квартира, — твержу я

себе. — было бы странно, если бы мне сразу попался идеальный вариант.

Очередная квартира, которую я еду посмотреть, снова находится на окраине, в районе, где десятки домов похожи друг на друга, как две капли воды. Прямо как в новогодней комедии «С легким паром». Здесь предлагается жить в двухкомнатной квартире с двумя девушками.

Обе они встречают меня на пороге и проводят в дальнюю комнату. Это маленькая узкая комнатка с голыми стенами оранжевого цвета и окном, выходящим во двор. Из мебели — только старый диван и такой же комод. По сравнению с предыдущими, этот вариант, по крайней мере, не пугает. Но места так мало, что не развернуться. В сомнениях рассматриваю потенциальных соседок. Взгляды у них какие-то хитрые, на лицах — не искренние улыбки. Это две черноволосые девушки, одетые на провинциальный манер. Они все время переглядываются.

— И сколько мне придется платить? — спрашиваю я.

— Платим пополам. — тут же выпаливает одна из девушек и сразу бросает взгляд на вторую.

— Да. — кивает та. — Мы за свою комнату платим триста пятьдесят долларов, потому что вдвоем живем вместе в одной, а ты — за свою триста пятьдесят.

— Я думала, общая сумма делится на всех поровну. — говорю я. — А так выходит, что я одна плачу столько же, сколько вы вдвоем.

— Но у тебя же отдельная комната! — подчеркивают они почти хором.

— Да, но она в два раза меньше вашей, а ванной и кухней мы будем пользоваться все поровну. — не соглашаюсь я.

— В общем, решай, у нас желающих много. — отмахивается вторая девушка, пренебрежительно пожав плечами.

На всякий случай сказав, что подумаю, я ухожу, а потом еще долго блуждаю по одинаковым темным дворам, ища путь к остановке.

— Вот и третий блин комом, — думаю я. — По логике, дальше должно быть лучше.

Я как в воду глядела. К концу недели мне удастся найти идеальную комнату. По крайней мере, судя по описанию и фотографии. Здесь цена тоже значитесь в размере ста пятидесяти долларов. Но само только расположение квартиры на героев Сталинграда, неподалеку от квартиры миланкиной тети, заставляет мое сердце радостно трепетать.

— Это она, точно! — думаю я, собираясь на встречу с хозяевами.

И вот я иду по любимым улочкам, выхожу на Оболонскую набережную, прогуливаюсь вдоль реки к дому, указанному в объявлении. Он стоит к

набережной торцом. Реки из его окон не увидишь, зато она рядом, как и красивая благоустроенная зона отдыха с парком и цветочными клумбами.

— Только бы повезло! — шепчу я.

Захожу во вполне приличное парадное, поднимаюсь на третий этаж, звоню в дверь. Мне открывает высокая стройная молодая женщина. Она пристально осматривает меня, потом проводит внутрь.

— Прошу, Валерия, осматривайся. Говори, что нравится, что не устраивает. — чинно предлагает она. — Только разуйся, у нас здесь чисто.

Я выполняю ее просьбу, затем иду по прихожей, рассматривая стены. Они обиты деревом с резьбой, что создает уютную «банную» атмосферу. Пол полностью застелен темно-зеленым ковролином, ступать по нему приятно.

Нина — именно так зовут женщину — проводит меня в большую комнату.

— Присаживайся. Садись, садись поудобнее. Ты должна понять, нравится здесь тебе или нет.

Я сажусь в кресло.

Сложно понять, нравится ли мне здесь. Если сравнивать с квартирой Анны Васильевны, то здесь все выглядит довольно устаревшим. Особенно колоритные полированные шкафы и старомодный сервант. Но если сравнивать с вариантами, которые

я уже «рассматривала», то здесь вполне прилично и просторно.

— Да, в принципе, нравится. — говорю я. — Я буду жить в этой комнате? Вроде бы на фото была другая.

— Нет, эта комната — общая. Здесь только Катя спит на диване. Катя — это моя соседка, сейчас ты с ней познакомишься. — так же неспешно и тихо продолжает Нина, откровенно меня разглядывая. — А теперь расскажи о себе.

Эти слова ставят меня в тупик. Я то думала, это она будет распинаться, чтобы я согласилась здесь жить. Все же, платить придется не так уж мало. На данный момент сто пятьдесят долларов — это две трети моей зарплаты. С другой стороны, Нину можно понять — ей же надо знать, с кем она будет находиться под одной крышей. И все же мне не очень нравится ее повелевающий тон.

— Я работаю менеджером по рекламе, пять лет назад приехала в Киев, жила с мужчиной, вот разошлись, ищу жилье. — проговариваю я, чувствуя себя, как на экзамене.

— А где ты училась? — спрашивает Нина, все так же проницательно меня разглядывая.

Наш милый неспешный диалог длится около часа. Нина расспрашивает меня обо всем, о чем только можно, включая название моих духов. Потом так же подробно рассказывает о себе. Она,

оказывается, занимается балетом, чтобы надолго сохранить фигуру, причем начала совсем недавно, и ей тяжело, но она очень увлеклась — так, что даже на личную жизнь времени нет. Только работа и балет.

Я сижу и киваю, стараясь отогнать от себя впечатление, что при упоминании о балете глаза собеседницы заблестели фанатичным нездоровым блеском. А еще за все время нашего общения она ни разу не улыбнулась.

Потом появляется соседка Нины по комнате — Катя. По внешности это антипод светловолосой стройной Нины. Катя мощная и мужеподобная. Из-под черной челки цепким взглядом глядят ее прозрачные глаза.

— Ты куришь? — едва представившись, спрашивает она меня.

— Нет.

— А что насчет мужчин?

— Я только что разошлась с женихом. — говорю я. Этот допрос уже начинает мне порядком надоедать. Нина предлагает перейти на кухню, чтобы было удобнее разговаривать, сидя за столом. Пока мы идем на кухню, обе мои потенциальные соседки отстают на шаг. Явно чтобы обменяются красноречивыми взглядами по поводу моей кандидатуры.

Кухня впечатление о квартире слегка портит.

Маленькая, с непрезентабельной покосившейся мебелью и каким-то въевшимся неприятным запахом.

Мы усаживаемся за стол.

— Мы мужчин сюда не приводим, у нас такой уговор. — заявляет Нина, едва присев.

Я с трудом подавляю вздох раздражения. Тут, видимо, не комнату сдают, а принимают в институт благородных девиц. Я уже чувствую усталость.

— Хорошо. Вот и отлично. Мне приводить некого. А если что, буду сама к мужчине ходить. — покладисто говорю я. — Может, покажете мне мою комнату?

— Так откуда ты приехала? — словно не слыша моих слов, уточняет Катя.

— Из Сум.

Они многозначительно переглядываются.

— Что ж, пойдем. — наконец, торжественно говорит Нина-балерина.

Нет, думаю я, поднимаясь, не институт благородных девиц, а колония строгого режима.

Нина важно шествует по коридору, демонстрируя совершенную балетную осанку, за ней иду я, а за мной, словно конвоир, следует Катя.

Уж не прикончат ли они меня здесь? — со смешком думаю я, инстинктивно бросая взгляд на входную дверь. Но, наконец, меня заводят в комнату, виденную мной на фотографии в

объявлении об аренде.

— О, оазис во мраке ночи! — проносится у меня в голове.

Наполненная светом, просторная комната тут же напоминает мне зал квартиры Анны Васильевны в миниатюре. Достаточно большое окно, светлые кремовые обои, шкаф — хоть и допотопный, но из светлого дерева, большая кровать и ковер. И больше ничего. То, что надо!

Куплю маленький стеклянный столик для ноутбука и вазочку для фруктов — и заживу! — тут же решаю я. Главное, что светло, и, как говорится, много воздуха.

За эту комнату я тут же все прощаю этим странным женщинам и с этого момента веду себя мило, милее некуда.

— Супер, просто супер, мне очень нравится, — восклицаю я. — Как раз то, что надо. Хорошая комната, ничего лишнего.

— Учти, мы в квартире убираем по очереди. — нравоучительным тоном говорит Нина. — Чистим коридор, кухню и ванную.

— Да, хорошо. — киваю я.

— Посуду на кухне делим поровну. Если кто-то первый занял сковороду, остальные терпеливо ждут своей очереди.

— Понятно, да я себе куплю.

— Мыться — не долго. У нас счетчики.

— Ага.

Я уже почти не слушаю. У меня перед глазами стоит светлая комната, а все остальное на данный момент меня уже не трогает. Я готова принять любые, даже жесткие правила, только бы поселиться здесь и не ездить больше по всем этим ужасным квартирам. Что касается требований Нины, я убеждаю себя, что они вполне справедливы, ведь иначе никакой чистоты и порядка в доме не будет.

Пока Нина одно за другим выдает мне правила и ограничения, Катя взглядом конвоира следит за каждым моим движением и выражением лица. Иногда она поглядывает на соседку, посылая ей беззвучные сигналы. Стараюсь не обращать на это внимания.

— Так что, когда я могу завозить вещи? — спрашиваю я.

Тут лица обеих вытягиваются. Наконец, покровительственным тоном Нина сообщает:

— Мы тебе сообщим до конца недели. Нам еще нужно посмотреть других девочек.

Чтооооо?!

Тут уже лицо вытягивается у меня.

Полтора часа морочат мне голову, допрашивают, расписывают уклад моей жизни, а потом сообщают, что у них тут, оказывается, кастинг?!

А вдруг это проверка на конфликтность? Я бы не удивилась.

На всякий случай вместо того, чтобы возмутиться, я улыбаюсь и говорю:

— Хорошо. Очень надеюсь стать вашей новой соседкой. Вы не пожалеете, девчонки!

Они тоже очень мило улыбаются мне в ответ.

Выходя из подъезда, я вижу толстую женщину, к которой на встречу выходит Нина. Видимо, это следующая претендентка.

— Само собой, они выберут меня. — думаю я. — Сравнить эту толстуху и меня!

Я выхожу на набережную, к реке. Ах, милая Приречная! Как же здесь хорошо!

До квартиры миланкиной тети я иду пешком по набережной в свете вечерних фонарей. Шагаю не спеша, вдыхая вечернюю свежесть. Я настраиваюсь на новую жизнь с этими двумя благовоспитанными стервами, в тайне надеясь суметь от них отгородиться и жить своей жизнью в своей маленькой светлой комнатке.

Нина звонит, выдержав паузу в долгих два дня.

— Валерия? К сожалению, мы пока не можем тебя принять. Наша соседка передумала съезжать. Но если что-то изменится, я тебе сообщу. Удачи, всего хорошего! — и кладет трубку.

Я смотрю на свой телефон, будто вижу его

впервые.

Выходит, я не прошла кастинг? Не так отвечала на вопросы? Проявила недостаточно рвения? Не дала им взятку?

А ведь я уже начала паковать вещи.

Камень, едва свалившийся с плеч, тут же заново водружается на прежнее место. Мне снова придется браться за поиски жилья и колесить по квартирам. Какой кошмар!

Образ светлой кремовой комнатки еще долго меня преследует. Но к выходным, все хорошо осмыслив, я понимаю, что должна благодарить судьбу, которая отвела меня от жизни в этой женской тюрьме с двумя надзирательницами. Я бы все равно там долго не выдержала.

Что ж, значит, пора прогуляться за пиццей и приступить к новым поискам, — решаю я в очередной из вечеров и ставлю ноутбук на зарядку.

22

Просторно. Красиво. Дорого. Такой и останется в моей памяти квартира, давшая мне приют на полтора месяца. Запаковав последнюю коробку с вещами, я вызываю самое бюджетное такси. Подхожу к окну в зале, чтобы в последний раз взглянуть на широкий гудящий проспект внизу.

Мне грустно. Из кармана джинсов достаю

телефон и набираю номер Миланки.

— Вот и все. — говорю я вместо приветствия.

— Уже на новом месте? — спрашивает подруга.

— Нет, еще тут, стою, смотрю в окно. Такой красивый вид.

— А что такой грустный голос?

— Да просто жаль, что у меня нет своей квартиры. — в сердцах говорю я.

— Не расстраивайся. Теперь у тебя вообще будет из окна вид на реку. — подбадривает Милана.

— Да, и целая половина узкой комнатки. А еще скрипучий старый диван, одна полка в шкафу и одна полка в холодильнике. Эх, заживу!

— Зато платить немного, и ты же говорила, там хорошая кухня и ванная?

— Да, — говорю я со вздохом. — В квартире действительно хороший ремонт. Только придется жить в одной комнате с какой-то мадмуазель, плюс в квартире еще обитают хозяйка, ее муж и их дочка, у которой маленький сын. В общем, полный набор.

— Ну там же трехкомнатная, ты говорила? — продолжает Милана успокаивающим тоном.

Я снова вздыхаю.

— Да. Но ты только представь, какая там по утрам будет очередь в ванную, а по вечерам — на кухню. Впрочем, это все мелочи. После всего, что я увидела за две недели, эта квартира — просто

подарок небес. Да и соседка моя по комнате выглядит по крайней мере не утрашающе. И, слава Богу, не занимается балетом.

Мы с Миланой посмеиваемся. Она в курсе моего «собеседования» с Ниной-балериной.

— Милан, — говорю я посерьезневшим тоном. — А может вы с Алисой рванете все-таки в Киев, а? Вам ведь уже по тридцатнику стукнуло, сколько можно в Сумах торчать? Сняли бы квартиру втроем...

— Да я бы с радостью... — говорит Милана с очень тяжелым вздохом.

— Понятно.

Повисает пауза.

— Лерчик, ты лучше думай о море. — снова с энтузиазмом заговаривает подруга. — У нас впереди целых две недели отдыха! А потом все наладится.

— Только тем и живу. — говорю я.

На телефоне пикает вторая линия — такси приехало.

— Все, гуд бай, май лав, гуд бай. Поехала я на новую квартиру.

— Позвонишь потом.

— Ок.

Окинув просторную светлую квартиру прощальным взглядом, я вдруг совсем не к месту вспоминаю, как однажды по MTV показывали

апартаменты Ксении Собчак. У нее только под гардеробную выделена комната побольше этой гостиной. Так что не о чем особенно то и жалеть, — пытаюсь успокоить себя я и берусь за чемоданы.

23

В армии я, конечно же, не была. Но что такое дедовщина — знаю. Именно с ней мне и пришлось столкнуться, поселившись в битком набитой людьми квартире.

В ванную утром и вечером первыми идут хозяева. Если сама сунешься, через две минуты уже стучат в дверь. На кухне постоянно заседает старая хозяйка. Жарит, парит, варит целый день — а что еще ей делать на пенсии? Вкусные запахи расползаются по квартире, от чего начинает урчать в животе. Но пойти приготовить что-нибудь и себе, пока хозяйка на кухне, — дело не для слабонервных. За каждой каплей пролитой воды, за тем, как обращаются с ее кастрюлями она следит ястребиным взглядом. Ее поучительных реплик не избежать. Еще и расспрашивать начинает обо всем, что ее совершенно не касается. Но попробуй не ответить — тут же разобидится, и не преминет напомнить, кто здесь главный и как ей легко и просто найти других жильцов в такую отличную квартиру.

Вот почему я встаю раньше всех, чтобы в спокойной обстановке умыться и сварить себе кофе. Вечером сложнее. Когда старая хозяйка уходит спать, кухню часто оккупирует ее тридцатипятилетняя дочь. Эта женщина — мать одиночка. Она работает парикмахером и нередко принимает клиенток на дому, как раз на кухне. На кухонный стол выкладываются расчески, кисточки, плойка, фен, краски для волос и бутылки с лаком для ногтей. Созерцание кухни, где все в чьих-то стриженных волосах, еще и наполненной химическими ароматами лаков и красок, мало способствует здоровому аппетиту. В итоге зачастую я ужинаю яблоком или кефиром прямо у себя в комнате, а горячее ем в обед в недорогом кафе рядом с работой.

Как на зло, мне совершенно некуда деться по вечерам. Сидеть в унылом офисе сверх меры и морально и физически тяжело, гулять самой по набережной тоскливо. Спасают только магазины, да еще кинотеатр. Как оказалось, ходить самой в кино не так уж страшно. Даже наоборот — приятно. Никто не отвлекает от фильма, а перед сеансом можно сколько угодно сидеть в холле и глазеть на пеструю толпу, попивая молочный коктейль.

Но все равно мне одиноко. Я совсем одна. Даже с соседкой по комнате не удалось сойтись. С первого же дня она принялась меня игнорировать, и

я не преминула ответить ей тем же.

В общем, новая жизнь началась, а с ней начались и новые проблемы.

Но я не унываю. Я знаю, завтра будет новый день. Завтра будет лучше.

24

Однажды ярким солнечным утром я просыпаюсь в отличном настроении. Наконец-то! Есть все же один плюс у депрессии — рано или поздно она заканчивается.

Еще вчера мне казалось, что жизнь моя все мрачнее с каждым днем и нет ни малейшей надежды на просвет. Но сегодня я снова улыбаюсь. Мне снова верится в лучшее.

Иду на кухню варить кофе, но тут же возвращаюсь. У меня огромное желание отправиться на пробежку. Лето в самом разгаре, а я не пользуюсь такой чудесной возможностью привести себя в форму — бегать по утрам по набережной.

Быстро одеваю спортивный костюм яблочного цвета и выбегаю на улицу. Бегу к берегу реки, делаю там зарядку. Вода искрится на солнце, в воздухе еще витает прохлада и свежесть. И душа моя наполняется радостью.

Возвращаясь домой, иду на девятый этаж

пешком.

— Теперь я буду так ходить всегда. — говорю я себе с бодрой улыбкой.

— Все, хватит нюни распускать, — приказываю я своему отражению в зеркале, собираясь на работу. — Раз никого у меня нет, надо найти в этом плюс: у меня теперь куча свободного времени. И не переживать его надо на этом старом диване, а тратить на то, чтобы улучшить себя, свое здоровье, свою внешность. Пора за себя взяться.

Сказано — сделано.

С тех пор каждое мое утро начинается с пробежки, зарядки и бодрящего душа. Последнему хозяйка, конечно, вовсе не рада со своими счетчиками, но это ее проблемы.

Помимо занятий спортом, я стараюсь перейти на здоровое питание, и делаю в этом успехи. Утром — каша, в обед — суп и салат, иногда мясо, а вечером — фрукты и кефир.

Правда, первое время мне было нелегко без сладкого. Чтобы не сорваться, я просто отрезала себе доступ к сладостям, то есть попросту перестала их покупать. Нет соблазна — нет и криминала. Все, что я позволяю себе есть из сладкого — это детский творожок, который так хорошо идет с утренним кофе.

По вечерам вместо ужина я читаю или смотрю фильмы на ноутбуке. Иногда компанию мне

составляет большое сочное яблоко.

Через пару недель я уже бегаю намного легче и дольше, чем вначале. Вихрем взлетаю на девятый этаж и качаю пресс по двести раз в день. А есть по вечерам мне теперь вообще не хочется.

Спустя месяц разглядываю себя в зеркале. Не могу сказать, что внешне я сильно похудела, но чувствую себя определенно лучше и легче. Но главное, что дали мне спорт и умеренность в еде — это то, что прошла моя снедающая душу тоска.

Нет, конечно, боль в сердце остается, и часто бывает тяжело от воспоминаний. Но более здоровое тело награждает здоровьем и душой. Еще и поездка на море все ближе, и это меня окрыляет.

Поиски работы я забросила почти сразу. Решила, что лето — не время для начала новой карьеры. На мои бесчисленные резюме мне ответили всего из двух мест. В оба я сходила на собеседования. Это оказались конторы похуже моей нынешней, зарплата предлагалась еще ниже, чем получаю я сейчас.

— Просто все приличные фирмы летом сотрудников не набирают. Потому что начальство в отпусках, на курортах. Им не до того. А вот осенью... — тешу я себя надеждами и на время решаю оставить поиски.

Едва ощутив, что хандра моя прошла, а фигура похорошела, я решаю выбраться на

выходные в родные Сумы, увидеть маму и подруг.

25

— Ну наконец-то, я уже думала, мы тебя теряем. — провозглашает Милана, когда я звоню ей с известием о скором приезде.

— Зализывала раны и свыкалась с жизнью в коммунальной квартире. — объясняю я. — Теперь готова двигаться дальше и творить великие дела.

— Супер. Кстати, Алиса как-то предлагала сходить в клуб, у нас новый открылся — возле железнодорожного вокзала. — тараторит Милана. — Представь, само здание клуба построено в виде паровоза — с колесами, трубами, ну в общем, здание как бы само представляет собой паровоз. Вот. Называется «Восточный экспресс».

— Отлично. На все согласна. — с воодушевлением говорю я. — Поход в клуб — как раз то, что мне сейчас нужно. Хочу танцевать. Пить, гулять и веселится. А то вместо разгульной жизни, на которую настраивалась в день тридцатилетия, я веду почти монашеское благочестивое существование. Занимаюсь спортом, работаю и почти не ем.

— Ого. Так ты там уже модель небось? — восклицает Миланка.

— Почти. В общем, ждите в гости и

настраивайтесь на горячий уикенд!

В пятницу вечером, сбжав с работы пораньше, я сажусь в поезд и еду в родные Сумы. За окном вагона теплый июльский вечер. Едва состав трогается, душа моя начинает петь. Столица быстро уплывает, остается позади. От этого мне сразу становится легче. За столько лет я так и не смогла породниться с этой неулыбчивой железной леди. А в последние месяцы, оставшись с ней один на один, без поддержки, без опоры, тем более не чувствую никакого потепления в отношениях. Правда, и в Сумах я никогда не чувствовала себя на своем месте. Все меня куда-то тянуло, все время на душе было как-то беспокойно. Так странно... Вроде бы, рождаешься в конкретном месте, а дома себя в нем не ощущаешь.

Когда-то в интервью одного писателя я прочла затронувшую меня фразу. «У меня есть место, где я чувствую себя идеально. Меня постоянно сюда тянет. Мне кажется, что именно здесь мой дом. Это внутренние ощущения. Это место в далекой заброшенной пустынной равнине. Там желтая глинистая почва и поля выжженной солнцем кукурузы. Больше нет ничего, только ветер и огромное синее небо. Когда-нибудь я приеду сюда и останусь навсегда. А сейчас я езжу в это место каждый год, чтобы ощутить это чувство. Чувство, что я дома.»

Как же и я хочу узнать это чувство! Что я дома. Найти этот крайний конечный пункт, откуда не хочется уходить, и куда так хочется возвращаться. У меня пока его нет. Ни в Сумах, ни в Киеве, нигде. Может, права была Миланка, и наша судьба ждет нас совсем в других странах? Кто знает, а вдруг я вообще когда-нибудь уеду жить в Нью-Йорк и там найду место с полюсом своего притяжения?

При мысли об этом в памяти возникает образ Леона. Раньше он был полюсом моего притяжения. А без него я потерялась и никак не могу прийти в себя. Может, полюс для меня — не место, а человек? Значит, если я найду правильного человека, все разрешится само собой?

Раздумывая о полюсах, людях и странах, я засыпаю на своей нижней полке плацкарта, пока поезд везет меня в город детства. Мне хорошо и спокойно. Наконец-то я еду туда, где меня ждут. Где я не буду одна против всего мира.

26

Ну вот, как всегда. Полный шкаф вещей и нечего надеть.

Учитывая то, что мне нужно окончательно вернуться к активной жизни, Миланке — отойти от ее замороженных банковских будней, а Алисе —

выгулять новое платье, мы единогласно решаем все же отправиться в этот новый клуб возле ж/д вокзала в Сумах.

— Что подобает одевать тридцатилетним, когда они идут в ночной клуб? — раздумываю я вслух.

Бирюзовый сарафан поверх газовой блузы, черное пышное платье с нижней юбкой в белый горох, красное обтягивающее платье-футляр с декольте... Во всем я выгляжу сногшибательно. Но для клуба ничего не подходит.

Уже около часа я примеряю наряды один за другим и складирую их на кровати. Меня терзают сомнения. Все эти вещи красивые, но старые. Я носила их еще пять лет назад. Мы, конечно, не в столице. Для Сум они вполне сойдут. И все же...

— Лер, сколько можно крутиться перед зеркалом? Тебе не пора идти? — спрашивает мама, заходя в комнату.

Моя мама, зеленоглазая черноволосая красавица. Добрая, мудрая. Как быстро отогрела она мою душу — за один только вечер, и как легко успокоила мое одинокое сердце своей лаской и заботой. Что и говорить, дома и стены помогают, а дом — там, где мама.

— Мам, ну в чем идти, а? Ну буду я как «здрасьте» из прошлого века в этих платьях. Я же потанцевать хочу. А в них разве что сидеть

попивать коктейли. В ожидании принца. Подвыпившего. — я смеюсь.

Мама подходит к шкафу, смотрит на груды одежды, потом с сомнением разглядывает розовое ажурное платье, которое я как раз примеряю.

— Мда... Короче, надень джинсы и какую-нибудь стильную майку. Тогда и потанцевать сможешь нормально, и выглядеть будешь модно. — советует мама.

— Действительно. — смеюсь я. — А то решила тут принарядиться по-светски, в платье, тридцатилетняя матрона.

Вкусу мамы я полностью доверяю. Она у меня современная, модная.

Мы перемещаемся к шкафу с ее вещами. Фигуры у нас с мамой почти одинаковые, и я часто заимствую у нее новые вещи. Я даже иногда завидую маминым модным приобретениям, часто выпрашиваю поносить новые джинсы или оригинальную кофточку.

— Да, ма, у тебя есть где разгуляться. — завистливо присвистываю я. Мама выкладывает передо мной пять пар джинсов — от черных до голубых с потертостями. Но моя рука тянется к белым. — Хоть и не с моими формами носить белое, но я попробую. — заявляю я. Всовываю ногу в одну штанину, в другую, натягиваю- надо же, налезли. Видно, я все-таки действительно похудела.

Наугад беру одну из бесчисленных черных маечек — тоже из маминого шкафа — надеваю и подхожу к зеркалу.

— Ухты! — я люблюсь собой, потом вопросительно смотрю на маму.

— Н-да, неплохо. — кивает она, даже несколько удивленно.

Я кручусь и верчусь, не веря своим глазам. Белые джинсы, которые полнят кого угодно, смотрятся на мне действительно хорошо.

— Никогда за всю свою жизнь не думала, мам, что попрусь на диск в белых штанах. — весело говорю я. — Может, это у меня тридцатилетний маразм уже начался, или зрение испортилось? Ну скажи, мне правда неплохо?

— Да я сама в шоке. Вот, что называется, взяться за себя. — не преминув вставить мораль, говорит мама.

— Вот что называется остаться без мужчины. — парирую я. Беру мамину косметичку и начинаю краситься.

— Ой, да ладно. — мама открывает свой сундучок с украшениями. — Твое от тебя не уйдет. Если ушел, значит не твой. Значит, найдешь кого-то получше. — она одевает мне на руку серебряный браслет.

Я хлопаю густо накрашенными ресницами, обвожу карандашом губы, потом крашу их

коралловой помадой.

— Вот, подушись! — мама приносит свои духи. Мамины духи такие же, как и ее вещи — красивые и дорогие.

Я душусь, расчесываюсь.

— Так, мам, мне нужны каблуки. Помнишь, у меня босоножки вроде бы где-то оставались на каблуке?

Мама отыскивает босоножки, вручает мне их из коробочки — как новенькие.

— А украшение на шею? — напоминает мама, идет в комнату и вскоре выносит мне ультрамодное кольцо с небольшими жемчужинами на стальных дугах.

Я с благодарностью целую маму, надеваю украшение. Потом начинаю хихикать.

— Чего ты? — улыбается мама.

— Ой, мам, ну мне смешно. Мне 30 лет! А ты меня на дискотеку одеваешь. Чувствую себя, будто только вчера со школы.

Мы смеемся.

— Позвонишь, когда придете в клуб. И давай недолго. — на прощание говорит мама.

Совершенно счастливая, я выпархиваю из дому и бегу на остановку, где меня уже ждут подружки.

Здание нового клуба и в самом деле выполнено в форме старинного паровоза. Есть даже колеса и труба. Надо же, такое отгрохали в нашем небольшом городке. Прямо гордость распирает.

Клуб «Восточный экспресс» сейчас на пике популярности, самое модное место в городе, потому в нем полно народу. Мы с Миланой и Алисой, одетые в черно-белой гамме и полные, скорее всего напрасных, ожиданий входим внутрь и сразу погружаемся в мир, наполненный полумраком, телами танцующих, криками и шепотом, сигаретным дымом и пьянящим ароматом соблазнов, который всегда витает там, где встречаются заинтересованные в знакомстве друг с другом мужчины и женщины.

У нас заказан столик. За ним уже сидят две банковские подруги Миланы. Они похожи, как две капли воды. Обе блондинки с короткими стрижками, худые, одеты скучно, покрашены густо.

Да уж, думаю я, компания из пяти молодых женщин в клубе — как красная тряпка для быков. Ну да ладно, нам же не по семнадцать, и даже уже не по двадцать девять лет. Сможем, если что, за себя постоять.

— Посмотри, кто здесь! — говорит Милана Алисе, как только мы усаживаемся.

— О, Никита... — Алиса тут же загорается.

Наша белокурая подружка знает многих мужчин в городе, с кем-то раньше встречалась, с кем-то просто дружила. Легкий характер плюс внешность феи Тинкербел — вот в чем заключается успех Алисы у сильного пола. Милане и мне в этом плане до нее далеко. У нас с Милашей характеры такие, что большинство мужчин предпочитают держаться в стороне.

— Я пойду к Никите, поздороваюсь, — тут же говорит наша фея, и ее белое короткое платье растворяется в мерцающих огнях зала.

— У кого-то вечер уже удался. — констатирует Милана, когда Алиса исчезает из вида.

— Да. — киваю я. — А мы, значит, будем пить.

Миланка нехотя смеется.

— А и правда.

— А что твои подружки такие унылые сидят? — спрашиваю я, глядя на банковских сотрудниц. — Эй, девчонки, пить будем? — задорно предлагаю им. Ужас, они, наверное, подумают, что я здесь главная заводила. Никогда не была в такой роли. А теперь, выходит, буду. Еще один сюрприз тридцатилетия. Но я не против. Решено же — отныне никаких запретов, гуляем по полной.

Но девушки чванливо переглядываются и качают головами.

— Как хотите. — пожимаю плечами и наклоняюсь к подруге. — Милан, зачем ты их притащила? — спрашиваю я. Вокруг гремит музыка, и мне приходится повторить вопрос дважды.

Милана поджимает губы и поводит бровью. Я гадаю, что бы это значило, но тут же бросаю это дело.

— Ладно. Что мы будем пить? — я открываю меню. Пробегаюсь взглядом по ценам и названиям. — Обалдеть! Я и не знала, что это клуб для VIP-персон. Ты цены видела? — спрашиваю я подругу.

— Ну, Лерочка, что ты хочешь — новый клуб. Видела, у входа даже очередь!

Я выглядываю в окно, спрятанное у нас за спинами за римской шторой, украшенной люминесцентными узорами кислотных цветов. На тротуаре действительно немаленькая очередь, прямо как у клубов в американских фильмах.

Перелистав меню раз пять, в итоге заказываем сок и водку, чтобы сделать нехитрый коктейль «Отвертку». Вообще-то я водку не пью. Но если сейчас заказать бокал «Мартини», то на такси точно потом не хватит.

Заказ приносят довольно быстро. Миланка

разливает алкоголь, добавляет апельсиновый сок и пододвигает ко мне бокал.

— За что пьем?

— За нас. — с дурацкой улыбкой киваю банкиршам и делаю глоток самодельного коктейля. Губы обжигает спирт. — Эй, Милан, ты что, сока добавь! А то я за себя не ручаюсь.

С этой минуты все вообще здорово. Тостов уже никто не говорит. Мы просто сидим и пьем по глотку, глядя в мерцающий зал. Клуб наполнен туманом, созданным дым-машинами. Дымовую завесу прорезают разноцветные лучи лазеров и ультрафиолета. Танцуют пока только несколько человек. Видно, уже успели разогреться парой-тройкой коктейлей. Меня тоже тянет танцевать, но я пока не решаюсь. Слишком давно я не была в клубах. Хочется еще просто посидеть и проникнуться этой атмосферой ночной танцевальной жизни, в которой запреты перестают действовать, и где на смену скромности и неуверенности приходит чувственность и жажда действий. И дело здесь отнюдь не в алкоголе.

Через пол часа данспол уже заполнен. В основном девушками. Бархатистый голос MC заманивает подвигать телом остальных, и одна за другой подтягиваются целые компании. Возле барной стойки на невысокой сцене танцуют девушки Go-Go в топах и лосинах кислотных

цветов. Их макияжу могла бы позавидовать сама Леди Гага.

— А клуб ничего так — столичным не уступает. — кричу я в ухо Милане.

Она кивает. Взгляд ее то и дело прочесывает танцующих и сидящих за столиками посетителей.

— Алису ищешь? — улыбаюсь я.

Милана закатывает глаза и качает головой.

— Идем танцевать.

На этот раз Милана кивает и с воинственным видом поднимается с места. Ну сейчас она всем покажет, думаю я и тоже встаю. Машу рукой банкиршам, но они делают вид, что не видят и, повернувшись друг к дружке, прячутся за высокими бокалами с вином, которое они заказали для себя отдельно.

Мы с Миланой протискиваемся сквозь пляшущую толпу. Клуб набит под завязку. Доходим до самой сцены, где еще есть хоть немного места, ставим свои сумки на пол у ног и начинаем двигаться, подстраиваясь под ритм.

Наконец-то я могу отдаться музыке. Спасибо «отвертке». Не чувствую больше никакой скованности, легко вливаюсь в общее движение. Невероятное, завораживающее чувство возникает внутри. Я как будто на сцене, где на меня все смотрят. Вокруг искрятся огни, гремит музыка, отдается во мне четкими ударами.

Я танцую. Танцую. Ныряю в музыку, погружаюсь в нее с головой, и обратно не хочется. Плыву в ней в невесомости. Как-будто танцую в воздухе и не вешу при этом ни грамма.

Но через пять минут эйфория сходит на нет. Водка здесь явно «левая». Смутившись, перестаю махать руками и начинаю осматриваться вокруг. Нас с Миланкой окружают юные создания, которым до тридцати еще очень и очень далеко. Этого не скрывает даже темнота, испещренная ослепляющими лучами прожекторов. Разглядываю мелькающие лица, фигуры. Хорошо, что я надела джинсы и майку. В платьях почти никого нет. Короткие джинсовые шорты, реже — мини-юбки в сочетании с обтягивающими топами. И все в блестках и стразах. Я то думала, мода на это сверкание уже давно прошла. Хотя мода в Сумах и мода в Киеве — это понятия разные.

Само собой, меня интересуют присутствующие здесь представители сильного пола. Особенно высокие и накачанные. С сильными руками. Таких здесь хватает. По обыкновению провинциальных клубов, мужчины облачены в белые футболки или рубашки. И, когда во время медленных танцев по залу разливается ультрафиолет, их одежда мерцает лунным светом, что так нравится девушкам.

С сильными руками и в белой рубашке, —

говорю себе я, скользя взглядом по толпе.

Словно в ответ на мои мысли огни в зале меркнут, остаются лишь сиреневые лучи ультрафиолета. Звучит вступление к избитой любовной балладе всех времен и народов I will always love you Уитни Хьюстон. На меня поглядывают многие мужчины, но танцевать они приглашают других. Наконец я понимаю, что привлекает ко мне всеобщее внимание. Это же мои белоснежные джинсы. В наступившей романтической темноте они сияют как маяк — спасибо ультрафиолету. Я чувствую себя идиоткой.

Видные мужчины и парни в белых рубашках и футболках скользят по залу, обнимая стройных девиц. Нам же с Миланкой, так и не удостоившись ничьего приглашения, остается отступить за свой столик.

Едва присев, я сразу же берусь за коктейль. Замечаю, что банкирши исчезли. Потом вижу их среди танцующих.

— Высидели. — цежу я, кивая на них. Милана вздыхает. — Вспомни нас в семнадцать лет. — говорю я меланхолично, с бокалом в руке. — Мы же ходили на все эти дискотеки только ради медленных танцев. У меня каждый раз сердце замирало. Я так и ждала, что вот-вот из толпы выйдет тот самый, принц на белом коне, в сверкающей белой рубашке. Мы потанцуем, а

потом он возьмет у меня номер телефона и поцелует на прощание. И это будет только началом нашей волшебной истории. — мечтательно проговариваю я. Смотрю на Миланку, чтобы удостовериться, что она меня слышит. Она кивает. — Меня до сих пор все это завораживает. — признаюсь я. — Когда включают медленную песню, замираю в ожидании непонятно чего. Вроде бы уже и не маленькая. Но до сих пор верю в чудо.

С минуту мы молчим, глядя на танцующие пары. Все они сейчас кажутся такими красивыми, и такими далекими. Словно мы смотрим на них откуда-то с луны. У них сейчас там, на дансполе, свой мир, свои тайные разговоры, взгляды друг другу в глаза.

— Наверное, это хорошо — верить в сказки? — спрашиваю я.

Миланка неопределенно кивает.

— Только чаще всего из темноты никто не появляется, а если и явится, то далеко не красавец, и не высокий, и не в белой рубашке. — скептически говорит Милана.

— Да, но само ожидание! — улыбаюсь я. — Это как играть в лотерею — а вдруг сорвешь джекпот?

— А помнишь того курсанта арт-училища? Как его звали? — припоминает Милана, покачивая бокал в руке.

— Вроде бы Юра. — неуверенно говорю я. — Да, помню тот первый миг, когда он появился из темноты и пригласил меня на танец... А его запах! — смеюсь я. — Он, наверное, пол флакона туалетной воды на себя вылил. Я вся им пропахла после первого же танца.

— Так куда он делся? — спрашивает Миланка.

— Это я делась. Он ужасно целовался. Это и на поцелуи не было похоже. Больше на нюханье друг друга. — морщусь я. — И толку от его роста и хорошей фигуры.

Мы ненадолго замолкаем. Песня заканчивается, но тут же снова звучит медленная. Почти все пары продолжают танцевать. Мы с Миланой так и сидим без мужского внимания.

— Знаешь, когда мы приходили на танцы в двадцать пять, я уже в себе сомневалась. Мне тогда уже казалось, что на дискотеки ходят только студентки и школьницы, и нам уже там не место. Что же говорить теперь? — я пристально всматриваюсь в девушек, танцующих в парах недалеко от нас. — Посмотри на них. — говорю я подруге. — Они почти вдвое младше нас.

Милана кивает с невеселым видом.

— И что делать? — спрашиваю я ее.

— Пытаться выглядеть, как они. — говорит Милана. — Я, кстати, на фитнес записалась.

— Ты?! — я картинно хватаюсь за голову. — Зачем? Куда тебе еще худеть?

— Не худеть, а мышцы подкачать. Чтобы кожа не была дряблой, и чтобы при ходьбе ничего не тряслось. — объясняет мне подружка.

Я смотрю на нее, будто впервые вижу.

— Ну ничего себе! А ты стратегически мыслишь! — восклицаю я с завистью. — Я обо всем этом даже еще и не думала. Но ты права. Надо за себя браться, причем всерьез. Не зря я записала в список желаний поход в спа-салон. Надо еще и про фитнес-клуб дописать, а то мои пробежки — это так, больше для здоровья.

Милана поправляет свои прекрасные волнистые медные волосы, закидывает ногу на ногу. Она в своем черном мини-платье чудо как хороша.

— Ты сегодня просто красавица. — говорю я. — И куда все они смотрят? Правда, здесь и смотреть толком некому. Одни малолетки.

— Да не скажи. — возражает Милана, обновляя наши бокалы. — Я видела пару компаний за столиками, там мужчины очень даже ничего. — протягивает она с плохо скрываемой надеждой в голосе.

— Тогда будем надеяться, что они нас заметят. — говорю я и беру бокал. — А пока давай пить.

Бутылка водки и пакет сока выпиты до дна. Мы с Миланкой танцуем. Меня качает, как на волнах, пол уходит из-под ног, а мерцающие лучи лазера плавают в воздухе, заставляя полностью утрачивать связь с реальностью. Я не отдаю себе отчета в том, сколько все это длится. Не помню, когда снова появляется Алиса. Помню только горячие безудержные танцы, то, как мы втроем с подругами пляшем в обнимку, и спиной друг к другу, и, пробравшись к хромированному пилону, извиваемся на нем по очереди, изображая начинающих стриптизерш. Это полный улет. И в голове — ни одной мысли.

Наконец, кто-то предлагает выйти на улицу проветриться.

Возле клуба полно народу. Все курят, общаются, смеются. Парни и девушки флиртуют вовсю, то и дело сверкают экраны мобильных — новые знакомые обмениваются номерами телефонов. Ночная жизнь в полном разгаре.

Мы отходим туда, где поменьше народа. Я в бессилии прислоняюсь к прохладной стене здания клуба. Вдыхаю свежий ночной воздух. Мне хорошо. Подруги усаживаются на низенький парапет крыльца черного хода, не жалея своих платьев.

— Отличный вечер. — выдыхаю я в блаженстве. — Идеальная погода. Тепло, ветра нет. Вот бы гулять всю ночь до утра!

— Я и танцевать до утра не против, — заявляет Миланка. — Вы заметили, девочки, как легко мы делаем этих студенток? Куда им до нас! — она поправляет прическу, и тут одна из ее заколок падает на землю. Милаша резко наклоняется и тут же вскрикивает, хватаясь за поясницу.

— Ай, спину прихватило, — скулит она.

Алиса тут же прыскает:

— Рухлядь тридцатилетняя!

Она беззвучно смеется, уткнувшись лицом в колени. Глядя на нее, тоже не могу удержаться.

— Чего ржете? — возмущенно спрашивает Милана, но тут же к нам присоединяется.

Отсмеявшись, я бормочу.

— Народ, я вас люблю. — и тут же воодушевленно восклицаю. — Представьте, мы же только начинаем жить! Нам всего-то по тридцать лет!

После этих слов у нас начинается новый приступ хохота. Потом повисает тишина. Кажется, мы начинаем трезветь.

— Да, тридцать лет. — говорит Милана погрустневшим голосом. Она смотрит на меня своими миндалевидными карими глазами с густо накрашенными ресницами, в них появляется

печаль. — Реально, так обидно, что вроде бы я и не уродина, и без завышенных требований... И где оно, то чудо, которое сможет сделать меня счастливой?

— Ну что я могу тебе сказать, Милан? Только одно. Давай напьемся.

У нас снова начинается истерика. Когда мы, наконец, после смеха приходим в себя, начинаем подсчитывать финансы и понимаем, что напиться по ценам клуба у нас не получится. Решаем действовать по старинке — купить что-нибудь горячительное в ближайшем супермаркете и накидаться где-нибудь на скамейке. По соседству с клубом, через дорогу, есть подходящее место — небольшой зеленый сквер с уютными скамеечками, стоящими вдоль аллей. Сейчас там темно, можно не опасаться быть замеченными патрульной службой. Но вопрос в том, где приобрести алкоголь. Поблизости магазинов нет.

— Я придумала. — вдруг восклицает Милана. — Мой Алешка тоже где-то гуляет. Сейчас ему позвоню, может, привезет нам что-нибудь. Тем более, он хотел поздравить тебя с днем рождения, — говорит она мне.

Алешка — это миланкин сосед. Он младше ее на пару лет и тоже пока не завел семью. Они с Миланой до сих пор живут на одной площадке и иногда выбирают пройти, чтобы пожаловаться

друг другу на своих бывших.

— Супер, звони! — говорю я.

Через 20 минут Алеша, рослый блондин, подкатывает к нам на своем мотоцикле. С улыбкой преподносит бутылку шампанского и коробку шоколадных конфет. К нашему всеобщему умилению, он предусмотрительно захватил еще и пластиковые стаканчики.

Пока Леша разливает шампанское, гляжу то на него, то на Миланку. Прекрасная бы вышла пара. И почему бы им не сойтись?

— Лерчик, ну ты — ууух! — с жаром говорит вновь прибывший. — За тебя!

— Ага.

Мы все пьем.

— Лещ, ты как, жениться не надумал еще? — спрашиваю я, кинув взгляд на Милашу. Она даже бровью не ведет.

— Жениться? — Леша кладет в рот конфету. — Затратное это дело. Да и квартиры у меня нет. Да и погулять еще охота. Ну что, по второй?

Вот теперь я Миланку понимаю. Нам таких не надо.

Через пол часика, свежие и отдохнувшие, мы с подружками возвращаемся в клуб.

Шампанское делает свое дело. Веселье накатывает на нас с новой силой. Мы танцуем,

никого и ничего не стесняясь. Эта ночь и этот танспол принадлежат сейчас только нам. Ужасно жарко, ноги гудят от непривычной нагрузки. Но остановиться кажется просто невыносимым.

— Давайте закажем еще водки! — предлагаю я, когда пол под ногами снова становится устойчивым и перестает уплывать.

— От кого я это слышу?! — возмущается Алиса со смехом.

— Да, давайте закажем. И сока! — поддерживает Милана. — Но, девочки, вы же знаете, меня чтобы взяло, нужен коньяк с шампанским. Иначе будет ни в одном глазу.

— Да ладно! Водка после шампанского тебя не возьмет?! — кричу я.

Мы с грохотом усаживаемся за столик, от чего сидящие за ним банкирши едва не подпрыгивают.

— О, вы еще здесь? — спрашиваю я и прыскаю со смеху, глядя на праведное возмущение на одинаковых лицах. — Милан, им спать не пора? — кричу я.

Пока мы возимся с меню, банкирши испаряются, что-то бросив на прощанье Милане.

— Милаша, прости. — каюсь я.

— Да пусть катятся. — говорит Миланка. — Тоже мне, святоши. Сами такое на корпоративах по пьяни вытворяют! Так, девочки, какой будем брать сок к водке? Может, вишневый?

Ночь достигает своего апогея. На счету у Миланки два медленных танца. У Алисы вообще нет отбоя от кавалеров. Я же, пока звучат лирические треки, сижу за столиком одна, озаренная светом своих белоснежных сверкающих в ультрафиолете джинсов. Но на душе у меня довольно неплохо. Я утомлена танцами и музыкой, чувствую умиротворение. Мне даже нравится, что в этой сверкающей темноте я сама по себе. Я могу делать что угодно. Сидеть петь песни или смеяться, или даже говорить сама с собой, и никому до этого нет никакого дела. Полная свобода. Неимоверное чувство.

Что ли, построить кому-нибудь глазки? Подходящих мужчин в поле зрения нет. А что, если девушке? Вот уж чего у меня никогда не было... Но нет. Это не по мне. Я прекрасно представляю, что у женщин в голове. Как их можно любить, зная это? Зато мужчин мы никогда не поймем, и потому даже в тридцать лет все еще можно обмануться на их счет и настроить воздушных замков.

— Лер, пойдем в WC! — прерывает мои измышления Алиса. Оказывается, медленные танцы уже закончились. Миланка к нам присоединяется.

Мы втроем спускаемся по лестнице в холл сверкающей шеренгой. Я гордо вышагиваю в своих

белых джинсах и гламурной черной маечке на тонких бретелях, Миланка плывет рядом в черном мини-платье с волнами волос, рассыпанными по плечам, Алиса — порхает в белоснежном коротком платьице с ажурным подолом. Все мы в туфлях на шпильках, с длинными накрашенными ресницами и блестящими глазами. На нас бросают плотоядные взгляды, кто-то присвистывает, слышатся грубоватые комплименты. И мне это безумно нравится. Наконец-то я чувствую себя в жизни игроком, а не наблюдателем.

— Я хочу что-нибудь сделать нереальное! — кричу я, едва мы закрываемся изнутри в увешанной зеркалами дамской комнате. — Меня рвет на части!

Милана вручает мне свою сумочку и идет в кабинку.

— Так сделай. — говорит Алиса и начинает подкрашивать губы, стоя у зеркала с вкрученными в него светильниками, прямо как в гримерке.

— Но что?

— А что хочешь. Держи сумку. — и Алиса тоже скрывается в кабинке.

— Пойду назначу кому-нибудь свидание. — смеюсь я. — Я придумала! Предлагаю пари! Выиграет та, кого первой позовут на свидание! Банально? — спрашиваю я, так и не дождавшись реакции. Обе кабинки одновременно распахиваются и подруги выходят к зеркалам.

— А что, я согласна. — улыбается Алиса совсем по-детски.

— Тогда я тоже. — и Милана воинственно смотрит на Алису, свою вечную соперницу. Видимо, меня они как серьезную конкурентку не воспринимают. Ну ничего, это мы еще посмотрим.

— Отлично. Время пошло, девочки. А до закрытия клуба осталось не так уж долго.

Не глядя друг на друга, подруги одновременно достают свои косметички и принимаются наводить красоту. Я следую их примеру. В конце все мы душимся. Запахи духов смешиваются, образуя невозможный благоухающий коктейль.

— Идем отсюда, скорее! — я первой вылетаю из дамской комнаты. Но подруги не спешат. Они изящно выходят, стуча каблуками по мраморному полу и уже вовсю крутят головами, выискивая первых жертв нашего заговора.

В зал мы возвращаемся, чувствуя себя королевами. Обновленный макияж творит чудеса. Особенно если учесть, что большинство представительниц прекрасного пола к часу ночи уже выглядят слегка растрепанными или сонными. У нас же сна ни в одном глазу, мы полны сил и энергии. А еще мы горим желанием утереть друг другу нос и добиться приглашения на свидание. Я чувствую азарт и готова пойти знакомиться с

первым попавшимся симпатичным мужчиной.

Я врываюсь в кружок незнакомых людей, которые танцуют в центре зала. Начинаю извиваться под музыку и откровенно ловить взгляды. Но все тщетно. Мужчины, а их в этом кружке трое, уже давно не трезвы, еще и заняты. Один взгляд я все же на себе ловлю. На меня угрожающе взирает низенькая и не очень стройная девица с гулькой на голове, вцепившаяся в грузного рыжеватою мужчину. Я тут же ретируюсь. Было бы за что бороться! Выискиваю взглядом подруг, пристраиваясь к другому кружку. Милана крутится у шеста, Алиса сидит за столиком. Окинув взглядом танцующих и не найдя никого интересного, я отправляюсь к своей белокурой подруге. Не дойдя до столика слышу, что начинает звучать медленная мелодия. Боковым зрением замечаю, что в мою сторону кто-то движется. Я медлю. Но мужчина во всем черном проходит мимо меня и приглашает на танец Алису. Она с улыбкой соглашается. Я со вздохом усаживаюсь на свое место, опускаю голову на руки. Видимо, звезды сегодня складываются так, что я не выиграю пари, так что можно и подремать. У меня просто больше нет сил смотреть на то, как танцуют по парам другие.

И вдруг...

Да, иногда случается это «и вдруг» — главным образом тогда, когда уже ни на что не

надеешься.

Вдруг моей руки касается чья-то рука. Я поднимаю голову. В голубоватом тумане надо мной высится мужская фигура. В темноте я почти не вижу лица, но тут же отмечаю, что у мужчины высокий рост и широкие плечи. А еще он в белой, светящейся в ультрафиолете, рубашке.

— Пойдем потанцуем. — предлагает он чудесным хрипловатым голосом.

Я встаю, и он ведет меня за руку в центр зала. Поворачивается ко мне, одной рукой уверенно прижимает меня за талию, второй берет мою правую ладонь, и мы начинаем танцевать.

Я не решаюсь поднять глаза. Мужчина выше меня почти на голову, и мой взгляд упирается в его подбородок. Пока мне этого хватает. Я хочу понять, нравится ли мне с ним танцевать, и для этого вовсе необязательно видеть лицо.

Мы медленно движемся в такт романтической песне. Незнакомец мягко ведет меня, в танцах он явно не новичок. Я отгоняю от себя непрошенную мысль, но она прорывается в сознание и будоражит.

У него сильные руки.

Именно такие, о каких я уже так долго мечтаю. Теплые, большие и сильные. Я чувствую нажим его ладони на своей талии. Во второй своей ладони он держит мою руку.

Полегче, девушка, у вас сейчас слюни

потекут, одергиваю я себя. Но мои чувства обостряются. Возможно, виной всему окружающий полумрак и выпитый недавно коктейль. А может, надоевшее мне одиночество.

Я чувствую запах его туалетной воды. Свежий, приятный. Мне нравится. Я увереннее устраиваю свою руку на плече незнакомца, а он в ответ прижимает меня еще крепче. Это мне тоже нравится. Так и не решившись посмотреть в его лицо, глазею на распахнутый ворот его рубашки, за которым видна могучая шея.

Вдруг ловлю себя на мысли, что хочу положить голову ему на грудь и глубоко вдохнуть. Отстраняюсь и смотрю ему прямо в глаза. Он тоже смотрит на меня. У него крупные черты лица — большие глаза, четко очерченные губы. Нос чуть широковат, но это лишь придает общему образу мужественности. Волосы короткие, на лоб падает небольшая челка.

Мы в упор разглядываем друг друга.

Что-то он слишком молодо выглядит. — думаю я. В мерцающем голубоватом полумраке виден контур его лица, линия без единого изъяна. Это говорит о том, что кожа у него гладкая и упругая. Мне вдруг становится страшно. А что, если по моему контуру лица он поймет, что я уже давно не школьница?

Но я тут же отгоняю от себя нелепый страх.

Мы всего лишь вместе танцуем. В первый, а может и в последний раз. Чего я волнуюсь? И вообще, я дала себе слово — в этом году- никаких серьезных отношений. А значит нет смысла переживать. Лучше получить максимальное удовольствие от нового знакомства, а еще попытаться выиграть пари.

Надо ему что-нибудь сказать, думаю я. Иначе песня закончится и он исчезнет. Скорее всего, больше меня уже никто сегодня не пригласит, да и время позднее. Значит, пора действовать, если я уже не опоздала. Подруги тоже танцуют с какими-то мужчинами, может, кого-то из них уже пригласили на свидание?

Интересно, почему он молчит?

С минуту смотрю ему прямо в глаза, и он не отводит взгляда. Интересно, о чем он сейчас думает? Очень странно, что он молчит. Никаких банальностей вроде «как тебя зовут, откуда ты, как настроение, как часто здесь бываешь» и всего прочего в таком же духе. Как же я люблю, когда мужчина не болтлив. Это такая редкость.

Я высвобождаю свою ладонь и кладу ему на шею. Он тут же обнимает меня свободной рукой за спину, и я чувствую силу, исходящую от его рук. И от его тела. Как я соскучилась по этим ощущениям!

Пять минут блаженства. Пять минут пребывания в незнакомых крепких объятиях. Но

вот песня подходит к концу. Я все смотрю в его большие глаза, не переставая удивляться его смелому ответному взгляду. И его молчанию. Опускаю взгляд на его шею. Что-то очень интимное есть в том, чтобы рассматривать шею незнакомого мужчины, который прижимает тебя к себе. Я вдруг понимаю, что хочу коснуться этой шеи губами.

Звучит последний припев.

Сейчас или никогда.

Секундное колебание. Эх, спасибо «отвертке».

В отчаянном порыве приподнимаюсь на носочках и целую незнакомца в губы.

30

Он не сразу отвечает на мой поцелуй. Он словно обдумывает, как ему реагировать на этот дикий порыв. Но длится эта нерешительность всего миг, пока губы его плотно сжаты. Потом он приоткрывает их, наше дыхание переплетается. И он тут же забирает у меня инициативу.

Это невероятно. Я целуюсь с тем, чьего лица даже толком не рассмотрела. Но самое невероятное то, что и он целуется со мной, причем делает это очень умело.

От его напора моим губам с непривычки даже немного больно, и я отстраняюсь.

В этот момент песня заканчивается. Но мы

продолжаем стоять, глядя друг на друга. Мои руки — на его плечах, он обнимает меня за талию. К счастью, следующая песня тоже медленная, и наш танец возобновляется. Теперь уже мой партнер наклоняется ко мне, чтобы поцеловать. Его поцелуи требовательные, даже грубые. Это немного пугает меня. Но, кажется, именно таких поцелуев я сейчас и хочу. И это пугает меня еще больше.

— Подожди! — Отклонившись назад, я всматриваюсь в его лицо, едва различимое в темноте. — Ты слишком сильно... давишь. У меня уже губы болят.

— А как надо? — спрашивает он с легкой усмешкой.

Его голос — именно такой, какой мне всегда нравился. Низкий и бархатистый, но с мальчишескими озорными нотками.

— Смотри. — я кладу ему руку на шею, притягиваю к себе. Секунду медлю, потом легонько касаюсь его губ своими. Я целую его нежно, чувственно. Он тут же улавливает манеру, его ответные поцелуи становятся мягче. Как легко он покорился, думаю я. А потом все мысли исчезают. Я наслаждаюсь поцелуями незнакомца, тону в его сильных объятиях, и где-то на уровне подсознания уже страдаю оттого, что скоро песня закончится, а с ней и наш танец.

После особенно страстного поцелуя он

отстраняется; я слышу, как он глубоко вдыхает. Продолжая вести меня в танце, смотрит сверху вниз, так пристально, словно пытаюсь прорезать взглядом тьму и разглядеть мое лицо.

— Как тебя хоть зовут? — спрашивает он со смешком.

— Валерия. — отвечаю я, стараясь включить свой самый сексуальный тембр.

— Меня — Вадим.

— Привет, Вадим. — мурлычу я.

— Привет, Ва-лее-рия. — мое имя он растягивает, словно смакует каждый звук.

Тут наше знакомство прерывает голос ведущего.

— Друзья, всем спасибо за отличный вечер! Танцуем последний танец и приятной всем ночи!

Песня продолжается. По залу начинают сновать официанты, разнося по столикам счета. Все вокруг начинают суетиться, кто-то уже идет к выходу. На дансполе все еще танцуют несколько пар. Среди них и мы с Вадимом.

С начала новой песни мы молчим и держимся на пионерском расстоянии. До устного знакомства целоваться было как-то проще. Теперь же я смущаюсь, Вадим тоже не делает попыток приблизиться. Я снова смотрю на его шею. Вдруг мне нестерпимо хочется сделать одну вещь, и я тут же решаю себе это позволить. Алкоголь и темнота

творяют чудеса. Я приподнимаю свою ладонь с его плеча и кладу ее ему на грудь. Чуть помедлив, не спеша расстегиваю еще одну пуговицу на его рубашке. Потом проникаю пальцами под легкую белую ткань, касаясь гладкой кожи и успеваю отметить, что у него на груди совершенно нет волос.

Вдруг Вадим резко сжимает свои руки, зажав меня, словно в тиски. Мгновение, и он впивается в мои губы жадным поцелуем. До конца песни мы уже не отрываемся друг от друга.

31

Да или нет? Нет или да? Что мне делать, если он предложит пойти с ним?

Над этим вопросом я бьюсь все то время, которое уходит на поиск подруг, оплату счета и поход в дамскую комнату.

— Ну ты даешь! — качает головой Милана, когда мы подкрашиваемся перед выходом. И добавляет: Кажется, я знаю, кто выиграл пари.

— Нет. — говорю я, аккуратно трогая свои губы перед зеркалом. Они немного напухли. Давно же меня никто не целовал. — Мы почти не разговаривали, так что приглашения на свидание я не получила. — признаюсь я. — А как ваши успехи?

Алиса в изнеможении усаживается на обитый синим бархатом диванчик.

— Я, наверное, как минимум месяц не буду ходить в клубы. Я так натанцевалась! — восклицает она, расчесывая свои светлые длинные волосы. — Я не знаю. Кто-то звал на кофе, кто-то — продолжить вечер. Ясно же, о чем идет речь. — разочарованно говорит она. — На нормальное свидание никто так и не пригласил.

— А у тебя что, Милаш? — спрашиваю я, а у самой мысли только о том, что произошло всего несколько минут назад там, в темноте, при всех наедине со знакомым незнакомцем.

— Аналогично. Мужчины какие-то несерьезные пошли. — говорит она весело. — Правда, пара человек взяли у меня номер телефона. Может, еще позвонят и пригласят куда-нибудь.

— Значит, я — главная претендентка на победу? — улыбаюсь я, скрывая волнение. — Остается только мальчика дожать.

Я достаю помаду, но потом, передумав, засовываю ее обратно в косметичку и вынимаю духи.

— Он должен был подождать меня возле клуба. — сообщаю я поспешно. — Идем скорее, а то уведут.

Подушившись, я бросаю флакончик с духами в сумочку, вешаю ее на плечо и выбегаю из

дамской комнаты. Подруги мчатся следом. Всем нам интересно взглянуть на моего загадочного мачо при ярком свете фонарей.

Мы выходим из стремительно пустеющего клуба. Я в растерянности смотрю по сторонам. Вокруг полно народу. Никто не спешит домой, всем хочется продолжения горячей ночи. И в самом деле еще только около двух часов ночи. В столице в такое время публика только добирается до данспола, а здесь уже все закончилось.

— Давайте встанем возле фонаря, чтобы он меня увидел. — предлагаю я, и мы направляемся к маленькой ночной остановке, где уже дежурят несколько такси. — Хорошо, что на мне белые джинсы. Он меня точно разыщет.

Я оглядываюсь на клуб. В основном все стоят компаниями, лишь пара человек подпирают стены клуба, покуривая в одиночестве, в затемненных нишах обнимаются парочки. Крики и гул голосов приводят к тому, что в окнах соседних домов зажигается свет.

— Где же он? — нетерпеливо спрашиваю я. — Может, уже ушел?

— Да нет. — уверенно говорит Алиса. — Когда мы уходили из зала, он еще там за столиком со своими сидел. Наверное, просто еще не вышел.

— Кажется, я его вижу. — вдруг говорит Милана.

Как по команде, мы с Алисой поворачиваем головы туда, куда устремлен миланкин взор. Теперь и я вижу его. Правда, с такого расстояния лица толком не различить, но статная фигура моего недавнего партнера по танцам выгодно выделяется на фоне его пятерых спутников.

— Он смотрит сюда? — спрашиваю я. У меня с детства близорукость, но я привыкла обходиться без очков, хотя иногда они бы не помешали. Вот было бы смешно натянуть сейчас очки, чтобы рассмотреть незнакомца получше.

— Нет. — говорит Милана.

Я тут же разочарованно отворачиваюсь.

— Наверное, останусь и я без свидания.

— А вот сейчас смотрит. — снова говорит Милана.

Я на миг оборачиваюсь, потом стою в нерешительности. Наверное, не нужно было так далеко отходить. Он может подумать, что я специально убежала подальше.

— Так, ладно. Я пошла. Ждите. — говорю я девчонкам и, словно делая прыжок в воду, оборачиваюсь и иду напрямик к своему загадочному мужчине.

Он искоса смотрит на меня. В его губах сигарета. Он вынимает ее и выпускает дым. Я все четче вижу его лицо, и у меня мурашки бегут по коже. Потому что он удивительно похож на моего

первого парня по имени Влад, с которым я встречалась еще на заре своей студенческой жизни. Даже имена похожи — Владик, Вадик.

Подхожу еще ближе, и сердце падает — у Вадима такое молодое лицо! Сколько же ему лет? Есть хотя бы двадцать пять? Вряд ли.

В его компании одни парни. Некоторые кажутся совсем уж юными. А он высится среди них, широкоплечий, сильный, со сверкающими глазами. Прямо король в окружении своей свиты.

Я подхожу к нему почти вплотную в приливе отчаянной смелости. Его друзья сторонятся, переглядываясь с ухмылками. Смотрю в его глаза, и он тоже смотрит. Мы молчим. Да, он красив, это бесспорно. Теперь я четко это вижу. Что ж, отличный трофей, — говорю я себе, несколько испуганная столь броской внешностью. И какая разница, сколько ему лет, ведь я всего лишь хочу выиграть пари.

Вадим снова берет в рот сигарету, затягивается. То, что он курит, ему очень идет. Я подхожу еще ближе, так, что почти его касаюсь. Глядя на него снизу вверх, поднимаю руку, зажимаю двумя пальцами его сигарету и вынимаю ее у него изо рта. Подношу к своим губам, затягиваюсь сама. Неглубоко. Я вообще не умею курить. Но мне кажется, я сделала это красиво. Выпустив дым, и не сводя с парня красноречивого

взгляда, я возвращаю сигарету на прежнее место — в его губы. Он тут же затягивается пару раз, потом выбрасывает окурочек.

— Ты сейчас куда? — спрашивает он хрипловатым от дыма голосом.

— Пока не знаю. — говорю я, на всякий случай стараясь добавить голосу сексуальности.

— Мы с братвой — по домам. Все деньги уже прогуляли. — без обвиняков заявляет мой мачо.

У меня шок.

Отмотайте, пожалуйста, пленку назад. И пусть он не говорит таких глупостей! Пожалуйста!

В непроглядной тьме клуба новый знакомый показался мне сильным, уверенным в себе, а главное, зрелым мужчиной. А тут... «С братвой», надо же! Одно только это словечко чего стоит!

Вдруг меня холодком осеняет догадка. Я скрещиваю руки на груди, готовясь к худшему.

— Сколько тебе лет? — спрашиваю я так, чтобы остальные его дружки не слышали.

Вадим расслабленно облокачивается на стену клуба, засовывает большие пальцы в карманы джинсов. Выглядит он, конечно, круто.

— Двадцать один. — весомо заявляет он.

Здесь можно было бы сказать — «занавес».

— Супер. — вырывается у меня с плохо скрытой иронией.

— Что, малой? — спрашивает он со смешком.

Лучше бы ты молчал.

— А тебе сколько лет? — спрашивает он вдруг с такой вот чисто мужской поддевкой. И смотрит мне в глаза до ужаса пронизательно.

— А ты как думаешь? — хмыкаю я.

Мне вдруг становится дико весело. Ох, ну это ведь всего лишь пари, — твержу я себе.

— Ну, — он мгновение всматривается в меня, нахмутив лоб, — Двадцать два? Двадцать три?

— Двадцать четыре. — говорю я с усмешкой. И, отведя взгляд, тут же перевожу разговор на другую тему. — А где ты работаешь?

— Пока нигде. Я только что из армии, — сообщает этот мальчик.

— Что?! Серьезно?

— Так точно! — чеканит он, и его дружки гогочут.

Я обескуражена. Вот это да! Неужели кто-то еще ходит в армию? Все мои знакомые отделывались военной кафедрой в университетах или какой-нибудь липовой медицинской справкой. Я невольно бросаю взгляд на его широкие плечи. Теперь понятно, откуда такое богатство. На секунду задумываюсь — что для меня важнее — ширина его плеч или девять лет разницы в возрасте.

— Можем пойти ко мне, — тихо предлагает Вадим своим бархатистым басом. — Но ты же не согласишься? — добавляет он и вскидывает на меня

лукавый взгляд молодого безудержного самца, которому не писаны никакие законы.

— Конечно, нет, — отвечаю я вопреки тому, что выдают этому опасному хищнику мои глаза.

21 год. 21!

Стою в смятении. Не понимаю, как себя вести, но уйти просто не могу.

Мы стоим очень близко, испепеляем друг друга глазами. Но я понимаю, что поцелуя уже не будет. Слишком много народу смотрит на нас, и вокруг слишком светло.

Тут кто-то из друзей зовет моего юного мужчину, между ними завязывается разговор. Я уже как бы ни при чем.

— Ладно, увидимся, — говорю я и отступаю, вдруг резко обидевшись.

— Стой, — тут же отвлекшись от друга, приказывает Вадим. Его могучая рука хватается меня за локоть. Я оказываюсь почти прижатой к нему. У меня моментально дух захватывает от близости сильного тела, от приятного запаха его туалетной воды.

Он смотрит на меня сверху вниз взглядом завоевателя, уверенного в своей победе. И тут с его губ срываются слова, которые от симпатичного мужчины мечтает услышать каждая женщина:

— Давай встретимся завтра вечером.

Я ликую. Я выиграла пари! Хотя, при чем тут

пари...

— Хорошо, — тут же соглашаюсь я. А что, я могу себе это позволить. Да и у меня просто нет времени на неискренние отказы. Он мне нужен, вот и все.

— Скажи свой номер. — Вадим достает довольно дорогой смартфон черного цвета. Я тут же достаю свой белый. Мы обмениваемся номерами.

— Вадя, ты идешь? — зовет его тоже, между прочим, симпатичный парень, черноволосый, с большими карими глазами.

— Иду, Змей, подожди! — Я завтра позвоню. — говорит мне Вадим. Я вижу, что мысленно он уже со своей компанией, но он все еще смотрит на меня, словно бы на что-то решаюсь.

— Договорились, — бросаю я.

Вадим вдруг наклоняется и касается моих губ легким поцелуем. После этого мы тут же расходимся в разные стороны — он к друзьям, я — к подругам.

Пока я иду, смятение мое резко сменяется какой-то дикой радостью. Если бы можно было в этот момент куда-то спрятаться, я бы позволила себе дикий танец с прыжками, сотрясанием рук и криками «йес!»

— Ну, что? — нетерпеливо спрашивают девчонки, как только я подхожу к ним. Им уже

надоело торчать на остановке и отбиваться от назойливых таксистов. Уставшая Алиса даже присела на облезлую скамейку, не жалея свое белое платье.

— Что-что, меня пригласили на свидание! — довольно заявляю я, с важным видом заснув большие пальцы в карманы джинсов, как недавно это делал Вадим. — Так что встречайте победительницу. Кстати, а какой у нас приз за победу в пари?

Подруги переглядываются.

— Ну, какой, бутылка шампанского. — говорит Алиса.

— И коробка «Рафаэлло», — добавляю я. — Я что, зря так старалась? — я тоже усаживаюсь на скамейку и мечтательно вздыхаю, глядя на едва видимые редкие звезды над головой. — Ну что, вы его рассмотрели?

— Рассмотрели. — говорит Милана со смешком и тоже усаживается рядом. — А еще в клубе весь зал видел, как вы с ним целовались.

— Какая разница? — пожимаю я плечами. — В Сумах меня уже никто не помнит и не узнает. А если бы кто-то и узнал — что с того? Послезавтра я уеду в Киев.

— А как же этот твой мачо? — с улыбкой спрашивает Алиса, взлохмачивая свои волосы.

— Девчонки, сейчас попадаете. — я

выдерживаю театральную паузу. — Ему двадцать один год!

— Аaaa!

— О, нет! Лера!

— И он только что из армии. — добавляю я, и подружки начинают смеяться и стонать, хватаясь за голову. Мне тоже смешно, но уже в следующий миг я грустнею. — Да ладно, все бы хорошо, но ведь ясно — через день он обо мне и не вспомнит.

— Зато мы скоро на море поедем, — напоминает Милана. — Там таких мальчиков полным полно! — Она поднимается, ежась от ночной прохлады. — Народ, давайте куда-нибудь двигать, а то я уже подмерзла.

Я оглядываюсь на клуб, хоть и знаю, что Вадима возле него уже нет. Почти все уже разбрелись, кто куда. Осталось только несколько пьяных парней. Они что-то бурно выясняют, держась друг за друга в стороне от света фонарей.

— Да, надо уходить. — говорю я подругам и поспешно поднимаюсь. — Ну что, идем за шампанским?

32

Мы втроем с подружками бредем по розовато-серым предрассветным улочкам нашего маленького уютного городка — от ж/д вокзала на

Леваневского. Шампанское и коробка моих любимых конфет, купленные в круглосуточном магазине в трех кварталах от клуба, все еще у Миланы в сумке. Домой никому из нас не хочется, тем более мне. Буря, поднятая в моем теле и моих чувствах двадцатиоднолетним парнем никак не хочет улежся. Я все думаю о нем. Эти три песни, которые мы пробыли вместе, что-то изменили в моей жизни. Знакомство с мужчиной — казалось бы, такая заурядная вещь. Но не в тридцать лет. Для меня это — целое событие. словно распахнулось окошко в юность, когда в жизни еще могут вот просто так, из ниоткуда, возникать новые люди и вселять в душу новые чувства, ожидания.

— Слушайте, — говорю я совершенно невпопад, в каком-то внезапном порыве. — А я бы хотела поехать к нему домой. И он мне это даже предложил. Только потом взял и добавил «но ты же не согласишься?».

— Ну вы, девушка, даете. — присвистывает Милана.

— Ооо. — вторит ей Алиса.

— Да. — покаянно вздыхаю я. — Еще пару лет назад я бы о таком исходе дел даже не подумала. Для меня и поцелуй всегда был величайшим событием.

Мы идем под руки. Странное трио. Я в белых джинсах и черной майке по центру, подруги —

одна в белом платье, одна в черном — по бокам. Мы словно клавиши фортепиано. Наши каблукы гулко стучат по асфальту, и звук этот эхом отражается от стен спящих домов. Небо уже едва заметно светлеет на востоке, но фонари еще горят. В Киеве мне было бы страшно прогуливаться в такое время в дебрях спальных районов. Но мы в Сумах. Здесь спокойно и безопасно.

— А теперь, кажется, кто-то решил пуститься во все тяжкие. — с усмешкой говорит Милана.

— А почему бы и нет? — парирую я. — Не тот у меня уже возраст, чтобы скромничать. У вас, кстати, тоже.

— Один: один. — смеется моя медноволосая подруга.

Мы проходим через дворы спящих домов и оказываемся на Дзержинке. Не спеша идем вдоль сонных цветочных клумб.

— Где будем шампанское пить? — спрашивает Алиса. Свет фар проезжающей мимо машины на миг освещает ее кукольное, немного уставшее лицо в обрамлении длинных светлых волос.

— Ну, думаю, на сегодня другие увеселительные заведения точно отпадают. — говорю я.

— Еще бы. — хмыкает Миланка, которая, в конце замерзнув в своем ультра коротком платье,

достаёт из сумки припасенную длинную кофту из мягкого черного трикотажа и тут же ее надевает. — У меня осталось денег только на такси, и то хватит с большим скрипом.

— Все такие. — смеюсь я. — Девчонки, по нашему финансовому состоянию мы смело можем причислять себя к двадцатилетним. Вы представляете, этот красавец так и сказал мне — «мы с братвой все деньги уже прогуляли».

Милана хмыкает с явно выраженной иронией, Алиса приподнимает брови, всем своим видом выказывая презрение к подобным признаниям со стороны сильного пола.

— Ему двадцать один год! — говорю я. — Вы хоть помните себя в этом возрасте? Что у нас тогда было в голове? — И сама себе отвечаю, — Кажется, ничего.

Мы смеемся.

— Кстати, — добавляю я, — мне, между прочим, с сегодняшнего вечера — двадцать четыре. Мой мачо вообще давал мне двадцать два. Так что прошу любить и жаловать.

— О, поздравляю! — восклицает Алиса. — Предлагаю за это выпить шампанского!

Мы снова прыскаем со смеху.

— Мы так и не решили, куда идем. — напоминает Милана. — Вообще-то, прохладно, меня кофта что-то не спасает.

— Ничего, скоро рассвет, потеплеет. — говорю я, указывая на небо. — Предлагаю пойти к восемнадцатой школе и устроиться на скамейке в скверике. Там красиво.

— Надеюсь, мои шпильки выдержат. Но я — за. — бодро реагирует Милана, доставая еще одну кофту — на этот раз вязаную. И где они у нее помещаются?

— Я тоже за. — кивает Алиса.

Мы довольно долго идем по пустынному тротуару, потом сворачиваем к старинной школе, своей архитектурой напоминающей средневековый замок или монастырь. Еще десять лет назад ученикам не разрешали бегать внутри главного корпуса, чтобы не было обвала. Небо над нами начинает розоветь, становится перламутровым. Утренний туман рассеивается.

— А помните наши школьные годы? — спрашиваю я, ежась от предрассветной прохлады. Плечи покрываются гусиной кожей. — Мы такие примерные с Миланкой были, прямо жалко теперь. Можно было тогда таких дел натворить!

— Например? — интересуется Алиса. — Смотрите, скамеечка. Присядем? — предлагает она.

Мы усаживаемся на серой потемневшей от времени скамье с высокой спинкой. Рядом склонила свои ветви живописная ива.

— Например, вступить в одну из блатных

группировок, ходить по вечеринкам, носить высокие каблуки и встречаться с опасными мальчиками. — мечтательно говорю я. — А мы учили уроки и сидели дома по вечерам. Обидно.

— Девочки, давайте уже пить шампанское! — говорит Милана и достает из сумки бутылку и стаканчики. Пока она занимается откупориванием и разливом, я философствую.

— А знаете, проблема то наша вовсе не в возрасте. Не в тридцатилетии. Проблема в другом. Я знаю, кто виноват в том, что мы так мучаемся из-за этой цифры.

— И кто? — спрашивает Алиса. Она тоже надевает пиджак. Теперь мерзну одна я.

— Это все журналы и ТВ. — заявляю я. — Именно пресса возвела молодость в культ. — я придерживаю наши «бокалы», пока Милана разливает пенящуюся жидкость. — Вспомните, — продолжаю я, — раньше, очень давно, еще в нашем детстве, не было никаких полуголых моделей на каждой обложке, не было всех этих клипов и фильмов, где у каждого статиста идеальная внешность, не говоря уже о главных героях. Вспомните советские фильмы! В них все люди, как люди, никаких кукол. Приятно же смотреть. И ни у кого после просмотра этих фильмов не возникало комплексов неполноценности и желания пойти на прием к пластическому хирургу. А книги! —

продолжаю я. — Все книги, которые я тогда читала, были о взрослых, об их духовных отношениях, глубоких мыслях, ответственности. Именно у взрослых была самая интересная жизнь. Помню, по вечерам мои родители и почти все наши соседи выходили во двор, общались, играли — кто в домино, кто в шахматы, кто в бадминтон. Все лучшее и интересное шло от взрослых, и нам, малышам, так хотелось походить на них, вступить в их ряды. А теперь! — я замолкаю и смотрю, не надоела ли моя болтовня подругам. Они притихли, сидят, слушают, глядя куда-то вдаль. И я продолжаю. — А теперь все крутится вокруг молодежи. Все ставки на молодых. На телевиденье во всех этих талант-шоу участвуют только те, кому нет и двадцати, редко те, кому около двадцати пяти. А вот двадцать восемь — это уже предел. Такое чувство, что дальше все прямиком идут на пенсию и ни на что уже не годны. И мы все это смотрим и зарабатываем кучу комплексов. Бежим на фитнес, в спа-салоны, скупаем косметику и все эти чудо-кремы, набиваем шкафы десятками новых платьев, лишь бы не выйти в разряд немодных и немолодых. Но почему не воспевается зрелость со всеми ее плюсами? Мудрость, ответственность, материнство, да даже просто выполнение своего жизненного долга, который заключается в работе и заботе о семье. Почему интересная, умная,

успешная зрелая женщина всегда проигрывает какой-нибудь девятнадцатилетней студентке, у которой зачастую и достоинство то всего одно — ее юный возраст?

Вот взять, к примеру, Мадонну или Дженнифер Лопес. Первой за пятьдесят, второй — за сорок. Обе классные. Певицы с мировым именем, популярные на всю планету. Но когда я читаю о них в прессе, меня просто зло берет. Потому что каждый второй журналистика считает своим долгом пожалеть этих див, намекая на их немолодой возраст, и с иронией написать о состоянии их кожи, фигуры и лица «в таком-то солидном возрасте». Как же это гадко! Но народ со всем этим свыкается, подстраивается. Индустрия красоты зарабатывает на массовом поклонении культу молодости баснословные состояния. А мы все только страдаем от растущих с каждым годом комплексов по поводу своего возраста. И выход здесь только один.

Я замолкаю. Подруги тут же поворачиваются ко мне.

— Какой? — хором спрашивают они.

Важно выдержав паузу, я отвечаю.

— Перестроить свое сознание. Изменить отношение ко всему этому. Перестать смотреть телевизор и читать глянец. Полюбить себя такими, какие мы есть, в том числе и наш возраст. Так или

иначе, возраст дает нам ряд преимуществ перед пресными девчонками, у которых кроме свежего цвета лица больше ничего особенного и нет.

Алиса со мной не согласна.

— Большинству мужчин, — говорит она со знанием дела, — в женщинах только и нужно красивое молодое тело и личико.

— В топку таких мужчин. — парирую я. — Все равно даже те девушки, которые могут им только эту свою свежесть и молодость предложить, мало что получают взамен.

— Иногда они получают предложение выйти замуж. — вставляет Милана.

— Очень редко. — говорю я. — И в основном, когда в довесок к молодости имеются щедрые родители и недвижимое имущество. Уж будем реалистками. Хотя, — добавляю я, — никто не исключает случаев настоящей любви, незамутненной всей этой циничной ерундой. Но, как оказалось, девочки, любовь имеет свойство проходить. — горестно вздыхаю я, не к месту вспомнив о своих бедах. — С другой стороны, — говорю я, беря в руки стаканчик, — говорят, любовь, даже если и уходит, то никогда не исчезает из нашей жизни. Она лишь ищет другое пристанище. Так выпьем же за то, чтобы наша любовь поскорее нашла мужчин, ее достойных. — провозглашаю я со слегка натянутой улыбкой.

Подруги улыбаются в ответ. Мы чокаемся и выпиваем сладковатый прохладный напиток.

Небо цвета клубничной ванили прорезает первый луч утреннего солнца. Дома и деревья вокруг окрашиваются в розовую позолоту. По дороге уже чаще проезжают автомобили.

— Говорю же, Лера, тебе надо идти в политику. — смеется Алиса. — Я бы за тебя проголосовала.

— А что, я не против. — улыбаюсь я в ответ. — Но я буду лоббировать интересы только тех, кому за тридцать, причем только женщин. Устроим дискриминацию и по возрастному, и по половому признаку!

— Считай, что два члена в твоей партии уже есть. — присоединяется Милана и поднимает «бокал». — За партию тридцатилетних!

— Ну, не будем так категоричны. За партию тех, кому 18 с плюсом! — с улыбкой отзываюсь я.

Мы снова выпиваем, закусываем белыми хрустящими конфетками.

От первых лучей солнца сразу же теплеет.

— Ах, как хочется изменить мир! — воодушевленно говорю я. — Только совершенно непонятно, с чего начать.

— Начни с того, что пойдешь на свидание и получишь от этого удовольствие. — с улыбочкой говорит Миланка, снимая одну из своих кофт.

— Присуждаю тебе должность своего главного партийного советника. — смеюсь я, втайне испытывая сладкое предвкушение от предстоящей встречи с юношей, так внезапно ворвавшимся в мою жизнь. Что может быть лучше подобного ожидания, еще и в час ласкового летнего рассвета?

— Идем ко мне пить утренний кофе! — предлагаю я.

Мы оставляем бутылку от шампанского у скамейки для бабушек-сборщиц стеклотары, и направляемся к тронутому косыми деликатными солнечными лучами мосту, за которым, высясь над Пселом, находится дом моей мамы.

33

Моя мамочка, ранняя пташка, встречает нас на выходе из своей квартиры на шестом этаже новой 14-этажки. Летом каждое утро она начинает с плавания в реке. Неподалеку от моста над рекой Псел несколько лет назад какой-то оригинал выстроил ресторанный комплекс со смешным названием «Здыбанка» в стиле европейских домиков с балками. А рядом оборудовал симпатичную маленькую пристань для прогулочных лодок и катамаранов. Теперь здесь излюбленная сумчанами зона отдыха — выложенные камнями дорожки и длинные

деревянные скамеечки в окружении цветов и декоративных растений. А самое приятное, что весь берег укрыт блестящей сочной травой, по которой так приятно пройти босиком прохладным свежим утром. И есть песчаный пляж.

В выходные здесь полно малышни, и спокойно поплавать в незамутненной воде можно лишь в такую рань, как сейчас — в шесть утра.

— Я пойду на пляжик, а вы располагайтесь, девчонки. В холодильнике яйца, колбаса, сыр, все берите! — говорит нам мама заботливо, как говорила и пять, и десять лет назад. Моя мамочка.

Мне вдруг хочется заплакать от благодарности и радости, что она у меня есть. И что у меня есть подруги. И это пропитанное солнцем розовое утро, полное надежд, и утонувшая в ультрафиолете счастливая ночь. Как же хорошо жить! — пронзает меня мысль и я едва сдерживаюсь, чтобы не кинуться всех обнимать.

— Да, мамочка. Хорошо тебе поплавать.

— Там у вас нормально хоть все прошло? — спрашивает она, идя мимо меня к лифту.

— Обалденно, мам. Натанцевались! И... эээ... я сегодня иду на свидание. — улыбаюсь я виновато.

— Ясно. — мама приподнимает брови. — Ну, потом расскажешь, я быстренько пойду искупаюсь.

Мы с подружками по очереди принимаем душ, приводим себя в порядок. Потом усаживаемся

на небольшой аккуратной кухоньке в светлых тонах. Уставшие. Довольные. Обсуждаем события минувшей ночи, строим планы. В изящной узорчатой турке завариваем кофе. На столе булочки, а к ним в прикуску — сливочное масло и абрикосовое варенье. Это настоящее преступление против фигуры. Но как же это вкусно!

После завтрака меня мгновенно охватывает сонливость. Подружек тоже. Они разъезжаются на такси по домам, а я в сладкой истоме укладываюсь на свою подростковую кровать и погружаюсь в долгожданный сон.

Через несколько часов меня будит манящий аромат готовящейся еды. За окном уже полдень. Я чувствую себя выпавшейся и отдохнувшей. Внезапно меня охватывает радостная дрожь:

— У меня же сегодня будет свидание!

Словно в тумане, в памяти всплывают поцелуи в ночной полутьме, пристальный взгляд светлых глаз.

Позвонит ли?

Едва задав себе мысленно этот вопрос, тут же радостно улыбаюсь. Интуиция подсказывает, что позвонит. Я знаю, что мы встретимся. Я в этом уверена совершенно.

Не в силах больше лежать, вскакиваю и бегу к маме на кухню, чтобы рассказать обо всем, что случилось ночью.

Позже мы встречаемся с подружками в центре города, на Сотне.

— Привет, роковая женщина! — такими словами встречает меня Миланка. На ней короткий сарафан колокольчиком — малиновый в темную полоску. В ее ушах сверкают новые серебряные сережки с прозрачными камушками, а медные волосы перевязаны белой лентой.

— Привет и вам, красавица! — отзываюсь я. — Сейчас ослепну от твоих бриллиантов!

— Ха, бриллианты, конечно. Когда банковский работник регионального филиала позволит себе на свою зарплату купить хоть маленький брюлик, я буду на седьмом небе от счастья. — вздыхает Милана.

— Нет, ну чего ж, если ну о-очень маленький...

Мы смеемся. В это время подходит и Алиса. Она одета в голубое легкое платье, ее белоснежные волосы заплетены в аккуратный колосок.

— Привет! Ой, я так не выспалась! До сих пор спать хочу. — жалуется она.

— Ничего не хочу слышать. — отмахиваюсь я. — У нас важная задача — подготовить меня к предстоящему свиданию.

О, это не так просто.

Первое свидание может испортить любая

мелочь, и этого нельзя допустить. Поэтому все в моем внешнем облике должно быть идеальным. Первым делом отправляюсь делать маникюр. Мужчины всегда обращают на него внимание. Это может быть один мимолетный взгляд, но от увиденного часто зависит восприятие женщиной женщины в целом.

— Какую форму будем делать? — спрашивают у меня в салоне.

Подруги сидят на не слишком благородном клеенчатом диванчике и листают журналы. Алиса поднимает голову.

— Сейчас в моде короткие ногти округлой формы и пастельные цвета. — беспрекословным тоном заявляет она.

— Это — мой стилист. — со смехом говорю я. — Делайте, как она говорит.

Через сорок минут мои ногти с лаком персикового цвета выглядят ухоженными и блестят.

— Сколько с меня? — спрашиваю я.

— 100 гривен.

Я не верю такой удаче. Ах, да, я же не в столице. Там маникюр меньше чем за 250 гривен не сделают даже на окраине. Как же я люблю Сумы!

— Сейчас идем в парикмахерскую, у меня запись на три часа, а после этого можно и сборы провести в какой-нибудь кафешке. — говорю я, не обращая внимания на беззлобную иронию. — Ваши

предложения — куда пойдём? Это же вы тут местные.

— Ой, гостья из столицы! — Миланка закатывает глаза. — Предлагаю «Ням-ням». Там пицца — пальчики оближешь.

В парикмахерской «Долорес» я провожу два часа. Девчонки в это время ходят по магазинам пятиэтажного торгового центра «Киев» — там есть, где разгуляться, но цены заоблачные.

Мне подстригают кончики волос, моют голову, делают причёску. Я попросила сделать мне голливудские волны — они сейчас ужасно популярны в великосветских кругах. По крайней мере, так написано в моем любимом Elle.

Когда мы встречаемся с подругами в начале Сотни, они присвистывают.

— Ну ничего себе. Красотка! — Милана легонько касается моих волос. — И во сколько это тебе обошлось?

— Всего двести.

— Вообще ерунда.

— Да. Но в сумме на мое мифическое свидание я уже потратила больше, чем пол тысячи. А он до сих пор не позвонил. — Поджав губы, я смотрю на часы на своем мобильном. — Уже пять вечера. А вдруг он уже не позвонит?

— Ты что, конечно, позвонит. Он же только из армии! — смеется Милана.

Перед тем, как пойти в кафе, мы решаем пройтись, на других посмотреть и себя показать. На Сотне, как мы называем центральную улицу Сум, пока не много народу. Молодежь начнет стекаться сюда примерно к восьми, в сумерках.

За прошедшие десять лет центр нашего городка очень изменился. Раньше здесь были большие деревья, буфеты и государственные магазины, а сейчас все пестрит неонами и билбордами, повсюду клубы, кафе, рестораны. Из прошлого остались только многочисленные скамейки, которые стоят вдоль всей выложенной плиткой пешеходной зоны. Когда нам было по семнадцать лет, мы столько времени проводили, сидя на них. Сколько здесь было разговоров, встреч, знакомств. А теперь, в нашем-то возрасте, как-то вроде бы и не пристало уже на скамеечках знакомиться. А может, дело и не в возрасте, а в том, что настали другие времена. — думаю я, глядя на знакомые с детства клумбы и бордюры, почти стертые от времени. Теперь все знакомятся в интернете, а уже потом встречаются на тех же скамеечках, чтобы пообщаться и понять, интересно им вместе «в реале».

Эх, никакой романтики. Интернет-знакомства — это как тот же он-лайн шопинг. Выбирать можно сколько угодно, но даже если картинка и описание устроит, не факт, что вещь придется тебе в пору. И

мучайся потом с возвратом.

— О чем задумалась, Леруся? — спрашивает Алиса на ходу.

— Наверное, о свидании? — подмигивает Милана.

Я мимоходом смотрю на свое отражение в витрине магазина и чувствую внутреннее удовлетворение. Да, одинокие вечера без еды, полноценный сон и утренние пробежки однозначно дали свой результат — даже рядом со своими миниатюрными подругами я выгляжу стройной и изящной.

— Эээ, не совсем о свидании. О реалиях нашей незамужней жизни задумалась. — отвечаю я, поправляю волосы и отворачиваюсь от витрины. — Вряд ли нам еще посчастливится, сидя на этих скамеечках, познакомиться с кем-то. — грустно вздыхаю я. — Даже представить себе такого не могу. Разве что в интернете кого-то подцепить и сюда вытащить. Что называется, романтика двадцать первого века — «милый, ну давай не в клуб пойдем и не в сауну, давай на скамейке посидим! И принеси мне одну розочку!». — жеманно произношу я.

— Да, насчет розочки — это точно. Как в шестнадцать лет дарили одну, так и сейчас одну дарят. На большее не раскошеляются. — добавляет Милана скептически. — А иногда даже и

одной розочки не удосуживаются купить.

— Лучший твой подарочек — это я! — соглашается Алиса, но тут же с укором говорит, — Ой, девчонки, что мы уже идем и кряхтим, будто нам не по тридцать, а по шестьдесят стукнуло. Все нам не так.

— Вот именно, — смеюсь я.

Поглазев на недавно отреставрированный Петропавловский собор, мы поворачиваем к кафе с милым названием «Ням-ням». Когда-то в детстве сюда меня водила мама. Тогда это заведение называлось «Русский чай». Дважды в неделю мама забирала меня из Дворца пионеров, в который я ходила на бальные танцы, и мы вместе с моим бальным партнером и его мамой дружно шли в кафе, чтобы выпить чаю с неимоверно вкусными бисквитными пирожными. Наверное, именно тогда во мне проснулась любовь к сладкому, с которой приходится бороться до сих пор. Прошло 20 лет — и деревянные столы «Русского чая», навсегда впитавшие кофейный запах, заменили на модные пластиковые столики. Вместо стеклянного прилавка с пирожными, который я обожала, появилась современная барная стойка, вместо красиво подвязанных суконных шторок на окнах — цветные жалюзи. Да, обновленное помещение выглядит стильно, но душа той кафешки испарилась навсегда.

В «Ням-ням», как всегда, людно. Всему виной самая вкусная пицца в городе — с тонким слоем сладкого румяного теста и толстым слоем сочной начинки из салями, порезанной соломкой. И сыра здесь не жалеют.

— Кусочек пиццы с салями и 150 грамм венгерского салата. — заказываю я у стойки. — Кстати, а салат свежий?

— Ну конечно свежий! — улыбается девушка-бармен.

— Ну конечно! — улыбаюсь и я. Подруги закатывают глаза — знают они мою придирчивость к фастфудам.

— Так тебе и скажут, что не свежий. — шепчет Алиса, когда мы уже идем к столику.

— По крайней мере, если совсем уж не свежий, то промолчат, либо посоветуют взять другой, — наставительно отвечаю я.

Мы садимся в центре зала — все места у больших окон, как обычно, заняты и явно надолго. Я, Миланка и Алиса сразу, как одна, окидываем взглядом соседние столики — нет ли поблизости симпатичных одиноких мужчин. Их, конечно же, нет.

Зато можно нормально поесть в свое удовольствие, а не откусывать по крошечному кусочку, как элегантная мышка, стремясь произвести впечатление. — думаю я.

— Вот так худеешь, худеешь, — говорю я, глядя на свою тарелку с аппетитным куском пиццы, — а потом заходишь в пиццерию, и все твои труды — коту под хвост. — с этими словами я беру и откусываю от пиццы большой сочный кусок.

— Вообще-то, говорят, худеть после тридцати намного тяжелее, чем в двадцать пять. — замечает Милана. Сама она при этом тоже уплетает пиццу.

— В нашей партии тридцатилетних эти глупости никого не заботят. — говорю я и пробую салат. Он действительно свежий.

— Мало кто из мужчин, которым за тридцать, занимается собой. А мы почему-то должны. — возмущается Алиса.

Я смотрю, с каким аппетитом подружки налегают на калорийную еду. Просто диву даюсь, как они могут есть все, что им вздумается, и не поправляться. Мне, например, так не посчастливилось.

— Слушайте, а если он и в самом деле не позвонит? — снова спрашиваю я. — У меня дома, в Киеве, куча проблем. С жильем с этим. И с работой. На десятки моих резюме никто не отвечает, представляете? Я подумала, что эта встреча с Вадимом — своеобразная компенсация за все мои расстройства. А теперь он не звонит.

— Лера, да позвонит он, сто процентов. — со знанием дела говорит Алиса. Ей я могу доверять.

Она — настоящий знаток мужчин. Аккуратно вытерев салфеткой рот, она продолжает меня убеждать. — Неужели мужчина в здравом уме, еще и только после армии откажется от свидания с такой роскошной женщиной, как ты?!

— Главное, чтобы ему охотку не сбил кто-нибудь другой. — говорит Миланка. — Мало ли, как его вечер вчера закончился.

Тааак, подруга...

Я смотрю на Милану красноречивее любых слов. Она тут же спешит оправдаться:

— Ну вы же почти и не общались. Может, он просто искал, кто ему на шею кинется. С тобой не прошло...

— Со мной то как раз прошло. Просто не до конца.

Вмешивается Алиса.

— Ой, да какая разница. Позвонит — значит позвонит, нет — значит нет. Не ссорьтесь, девочки.

— Просто ей завидно, что я выиграла пари. — говорю я. Милана в ответ иронично кивает. Женская дружба — это такое нелегкое дело...

Невзирая на перепалку, Милана наливает в мой стакан яблочный сок янтарного цвета. Пододвигает мне. У Алисы сок уже налит. Сама Милаша поднимает свой стакан с кроваво-красным томатным соком. Потом снова смотрит на меня, но в глазах уже надежда на примирение.

— За то, чтобы все сегодня получилось так, как ты хочешь. — покладисто говорит она.

— И за женскую солидарность. — киваю я. Мы выпиваем по глотку сока. Алиса смущенно улыбается.

— Ну вы, девчонки, даете.

Алиса у нас совсем неконфликтный человек. Когда мы с Миланкой цапаемся, нашей белокурой фее не по себе.

— Я просто имела в виду... — снова начинает Милана, но дальше я не слушаю. В моей сумочке звонит телефон.

— Это он! Вадим! — ликую я и прикладываю телефон к уху. — Привеет! — нараспев говорю я. Но наш разговор продолжается недолго. С окаменевшим лицом я убираю телефон от уха и недоуменно смотрю на него. Я в шоке.

— Что случилось, Лера?

— Что он тебе сказал? — наперебой спрашивают подруги. А я хлопаю глазами и не знаю, как найти выход своему праведному возмущению.

— Он не явится. Свидания не будет. — наконец выдавливаю я из себя, когда вновь обретаю возможность говорить.

Такого у меня еще в жизни не случилось. Ладно бы, просто не позвонил. Но позвонить и сообщить о том, что изменил свое решение

встретиться со мной — кем это надо быть? И что стряслось с моей интуицией? Ведь она же просто кричала мне, что сегодня будет одно из лучших свиданий в моей жизни.

От негодования я вся дрожу.

— Малолетка несчастный! — вырывается у меня. Я отодвигаю тарелку с недоеденным салатом. Какой теперь салат! Мне хочется на улицу, на воздух. — Идем отсюда. — бросаю я и встав из-за столика, поспешно покидаю кафе. Подруги тут же ко мне присоединяются. На их лицах сочувствие.

— Но как? Что случилось? — допытывается Милана, догнав меня у ступенек к скверу возле сиреневого здания Банковской Академии.

Я сворачиваю на зеленую аллею, подхожу к скамейке у клумбы с пестрыми анютиными глазками и красными «петушками». Бросив на скамейку свою сумку, принимаюсь ходить взад-вперед.

— А я, дура, вырядилась, сделала маникюр, педикюр, прическу. А этот идиот! Слушайте, или я чего-то не понимаю, или мир перевернулся! — восклицаю я. — Ну что еще им надо? Вчера у нас все так прекрасно прошло! И я не скрывала, что практически на все согласна. И никто его за язык не тянул — сам предложил встретиться!

— Так что именно он сказал, Лер? — мягко пытается узнать Алиса. Подойдя, она кладет руку

мне на плечо, пытаюсь заглянуть в глаза.

— Ну что-что? — раздосадовано говорю я, остановившись. — Этот красавец сказал, что, наверное, не сможет прийти. Что, наверное, в другой раз. Вот что он сказал. Так глупо!

Я сажусь на скамейку, скрестив руки на груди.

— Лерочка, ну подожди! — Милана садится рядом. — Может, у него просто не получается? Иначе зачем бы он вообще звонил? Мог же просто промолчать и все.

— Мог. А может, захотел, чтобы я его умоляла? Поздравляю, Милан, ты оказалась права. — бросаю я. — Наверное, нашел себе вчера по пути домой другую.

Милана отводит глаза.

— Целый день ждал, чтобы потом позвонить и сказать, что не придет! Какой-то странный. — возмущается Алиса. Она садится возле меня с другой стороны. — Лерчик, не расстраивайся.

— Да я не расстраиваюсь. — говорю я убитым голосом. Мои руки теребят подол белого легкого платья, в которое я вырядилась. — Просто, знаете, я думала, это был как бы знак, что действительно началась новая жизнь с новыми людьми. И что в этой жизни будет романтика и любовь. А только успела обрадоваться, тут же — на тебе! — я вздыхаю. — Глупо, да?

— Лер, я и сама, когда с кем-то

познакомлюсь, каждый раз думаю — вот, теперь все будет по-другому. — говорит Алиса, успокаивающе поглаживая меня по руке. — Но ничего не меняется.

Миланка скорбно молчит. Я снова вздыхаю.

— Ладно. — говорю я. — По крайней мере, я теперь вся ухоженная и красивая. Не пропадать же такому добру. Давайте куда-нибудь вечером сходим.

Подруги тут же оживляются.

— Давненько мы не были в «Гранд-Виктории», — говорит Милана.

— Значит, туда и пойдём!

34

Девушка должна научиться падать на лапы, как кошка. Не везет в карьере — повезет в любви. Не везет в любви — самое время насладиться свободой и всеми прелестями жизни, которые в данный момент она может предложить.

Что я и решаю сделать.

Стараясь отбросить грустные мысли, я отправляюсь в торговый центр. Подруги меня сопровождают. У нас есть пара часов до закрытия магазинов, а потом мы отправимся в один из лучших ресторанов Сум.

— На море я обязательно найду ухажера. —

заявляю я мстительно. — Так что мне нужно купить просто умопомрачительное нижнее белье. Кто со мной?

Подруги дружно поднимают руки. Цокая каблучками, мы обходим все бутики с распродажами. В конце концов я останавливаюсь перед выбором двух комплектов нижнего белья.

— Желтый в сиреневую крапинку с кружевами или нежно-персиковый с ажурными вставками? — спрашиваю я, разглядывая безумно дорогие трусики и бюстгалтеры из тончайшего шелка.

Подруги сами в раздумьях. Обе приверженки классических расцветок белья — белой и черной. Но потом Милана, которая только и делает, что пытается поднять мне настроение, говорит:

— Персиковый больше пойдет под твои золотые волосы.

— Я тоже так думаю. — улыбаюсь я подруге. Мир между нами полностью восстанавливается.

Перед тем, как идти в ресторан, разъезжаемся по домам, чтобы переодеться в вечерние наряды.

Я не признаюсь подругам, но мысли мои то и дело возвращаются к этому парню. Первому, кто так себя со мной повел. Позвонил и отказал в свидании. Как же возмутительно больно, а! Гордость и самолюбие плачут. Сомнения в себе — привет! А я уж было расцвела и запорхала, почувяв

новую весну.

А если уж совсем откровенно... Я думала, что победоносно завершу эпоху Леона под руку с другим. Отомщу вот так. Начну свою новую историю с новыми прикосновениями нового человека.

Наверное, потому ничего и не вышло. Назло моим коварным планам.

35

Изюминка ресторана «Гранд Виктория» в том, что он расположен под землей. Раньше здесь было обычное подвальное помещение со стенами из кирпича. Их лишь слегка почистили и вскрыли лаком, а нижнюю часть отделали деревянными панелями. Каменный пол и люстры, подвешенные на железных цепях, дополняют интерьер в стиле старинного замка. Столы и стулья из красного дерева тоже под стать. Прелести добавляет и богатая сервировка столов. Особенно мне нравятся пузатые бокалы для воды и огромные белоснежные тарелки, которые служат подставками для принесенных блюд. При виде всего этого я в который раз думаю — когда будет у меня своя квартира или дом, обязательно обзаведусь такой же роскошной посудой. А в моем баре будут бокалы для всех видов напитков — коньячные и для

«Мартини», для вина и «Текилы», и, конечно, для «Мохито», как же без «Мохито»?

Ярко накрашенные глаза, алые губы, бриллиантовые серьги в ушах и узкое красное платье — сегодня вечером я — женщина-вамп, и пусть только кто-то попробует подойти. Один смельчак вчера уже нашелся, мстить теперь буду всем!

Почему-то злость на Вадима не только не утихает, но даже усиливается. У меня не получается перестать думать о нем, а с наступлением вечера все отчетливее вспоминаются его поцелуи.

Я яростно осматриваю публику, наполнившую ресторан, пока иду к нашему столику у стены. Жаль, не находится козла отпущения — все присутствующие здесь мужчины с парами. Я хватаю меню и принимаюсь читать.

Алиса и Милана садятся на свои места, медноволосая — рядом со мной, блондинка — напротив. Они тоже накрашены по вечернему, обе в коротких черных платьях и с распущенными волосами. Почему-то они частенько выбирают похожие наряды, не сговариваясь. В итоге обе недовольны.

Я усмехаюсь, глядя на их вытянутые лица.

— Девушки, вы обворожительны. — говорю я, пытаюсь сдержать улыбку. Compliment им не слишком по душе. Надо бы их чем-то отвлечь — Ну

все, девчонки, сегодня я буду есть. Фигуру беречь не для кого, так что сразу открываю десерты. — Я перелистываю меню до самого интересного места. — Ооо, банановый сюрприз! Звучит заманчиво и неоднозначно!

— Фу, пошлячка. — хихикает Алиса.

— Это еще смотря кто пошлячка, и кто о чем думает. — отвечаю я ей в тон.

— А я буду блинчики с вишнями. — выбирает Милана. Еще раз взглянув на платье Алисы, она приспускает с плеч бретели, чтобы ее наряд хоть чем-то отличался. Даже накрасились мои подружки одинаково — черные тени и черная тушь. Кстати, и я накрасилась так же.

Эх, три вампирши под окном...

— Так что, девочки, «Мартини» пить будем? — спрашивает Алиса.

— Само собой. — отвечает Милана.

— И побольше, побольше! — смеюсь я. — Хочу напиться и забыться. Хочу забыть этого коварного малолетку.

К нам подходит официантка. Мы делаем заказ. Едва снова остаемся одни, меня вдруг прорывает:

— Нет, я до сих пор не верю! Как? Как мог этот птенец, только что выпорхнувший из своей армии, отменить свидание? И это когда я в лучшей своей форме!